

Нина Бахтина

**Бродский...
и бесконечность**

Коноша
2009

УДК 882.09+929 Бродский
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Бродский4
Б 30

Автор благодарна коношанам
за содействие в издании книги

*Фото на обложке
Иосиф Бродский
(1940-1996 гг.)
Автор Марк Штейнбок*

Бахтина Нина Павловна
Б 30 Бродский... и бесконечность / Нина Бахтина
Коноша, 2009. – 213 с. : ил.
Агентство СТР Архангельской ОНБ

УДК 882.09+929Бродский
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Бродский4

© Бахтина Н.П., 2009
© ГУ «Редакция районной массовой газеты
«Коношский курьер», 2009

29 мая 2005 года мне приснился Иосиф Бродский. Поэт сидел на стуле, вполборота, нога на ногу, и что-то черкал в блокнотике. Потолок маленькой и беленькой комнатки не ощущался, будто бы уходил в небесную бесконечность. В превосходнейшем эссе «Путешествие в Стамбул» (1985 г.) поэт сказал: «Я не переносу низких потолков». Теперь потолком гению служит небесный купол.

За спиной моего сна была такая же комнатка, под углом к ней – третья. На ее пороге стояла молодая черноволосая женщина, настроенная не менее благодушно, чем сам Бродский.

В комнате поэта стоял старый стол. Велела вынести эту ободрань. Бродский спокойно взялся за стол, и тот исчез в стене. Поэт сел черкать в блокнотике. Справа от меня появилась кровать. Предложила Бродскому отдохнуть. Он, будто целую вечность ожидал повелений незнакомки, мгновенно исполнил мою волю. Но белье и одеяло показались мне скомканными. Попросила дать мне возможность привести все в порядок. Поэт молча вернулся на стул. Оправленная кровать тотчас исчезла в стене.

Бродский черкал, а я начальственно глянула на молодую женщину. Она тотчас назвала цифру «девять». Речь шла о времени встречи поэта с читателями. Мне там не бывать. Скопилось столько неотложных дел...

Проснувшись, секунды искала на столе свои почеркашки, посвященные Бродскому, или рифмулены. Уяснив, что поиски напрасны, тут же «накидала» громадную рифмулену строк на полста, но, слава Всевышнему, оставила жить только четыре строчки: «Сегодня Бродский снился мне. /Нет, далеко не на белом коне. /На стуле, вполборота/ Сидел, и черкал что-то».

За три минувших месяца написала добрый десяток приятных для меня рифмушек, посвященных Бродскому, или таких, где было уместно назвать его фамилию. Сегодня – 31 августа 2005 года – проснулась с ощущением внутреннего приказа: надо писать свои любимые критикушки-почеркашки о творчестве поэта. Мой багаж в данном направлении предельно мал: прочла лучшую из поэтических книг «Часть речи», «Разговор с небожителем» и «Письма римскому другу». Из поглядок на прозу Бродского нетрудно понять, что она не менее блистательна, глубока и, отчасти, более понятна, чем большинство его стихов.

* * *

Англичанин Сомерсет Моэм (1874-1965 гг.), автор двух прекрасных романов «Луна и грош» (1919 г.) и «Острие бритвы» (1944 г.), не менее прекрасных рассказов, а также других произведений прозы и драматургии, не считал нужным читать трудновоспринимаемые тексты. Последние слова легко отнести к большинству стихов Бродского. Которые, тем не менее, прочтенные и понятые

хотя бы на уровне разума (душенька идет в иных параллелях), способны одарить не меньшим наслаждением, чем названная проза Моэма.

Знал ли мой любимый Сомерсет Моэм слова Юлиана Семенова, сумевшего сугубо математически (и несколько оскорбительно поэтому) распределить беспредельный и неподвластный математике литературный горизонт подобным образом: «Антон Чехов – писатель второсортный из первосортных. Сомерсет Моэм – первосортный из второсортных».

Бродский, в известных мне параметрах, нигде не упоминает Моэма, но их «литературные» мнения частенько перекликаются. Пример. Антон Павлович Чехов (1860-1904 гг.). Иосиф Александрович Бродский (1940-1996 гг.) – «Часть речи», С. 317: «Ибсен тяжеловесен. А. П. Чехов претит».

«Большая книга интервью». С.367: «Чехов говорил о себе, что он писал в своей жизни все, кроме стихов и доносов. Я могу сказать, что я писал в своей жизни все, кроме доносов и прозы».

Б.К.И., С. 335, 1988:

– Как-то вы сказали, что вам не нравится Чехов. Почему?

– Он не метафизичен, он всего лишь врачеватель во всех смыслах... Читать Чехова или смотреть какую-либо его вещь – упаси Боже!.. По мне, Чехову не достает душевной агрессии.

И как прозаик он мне не нравится. Проблема там, откуда я родом, в России. Чехов так нравится повсюду в англоязычном мире своей сентиментальностью, которой пронизаны представленные им конфликты провинциальной жизни, сохранившейся здесь нетронутой...

– Значит, представления Чехова неприменимы к сегодняшней России?

– Конечно же, нет. Если вы обречены, то тому причиной не только собственная ваша нерешительность, но и общественные условия, существование тайной полиции и т.д., двойственность Чехова никогда не сможет быть понята частью народа. Знаете, девятнадцатый век в России окончился в 1917 году, а на Западе он все еще продолжается.

Сомерсет Моэм. «Подводя итоги». С.497: «Мне не повезло в том смысле, что я всерьез взялся за жанр рассказа в такое время, когда лучшие писатели Англии и Америки подпали под влияние Чехова. Литературному миру недостает чувства пропорций – когда он чем-нибудь увлечется, он склонен считать это не модой, а непреложным законом, и вот сложилось мнение, что всякий одаренный человек, который хочет писать рассказы, должен писать так, как Чехов. Нескольким писателям создали себе имя тем, что пересаживали русскую тоску, русский мистицизм, русскую ничемушность, русское отчаяние, русскую беспомощность, русское безволие на почву Суррея или Минчигана. Бруклина или Клепема. Нужно признать, что подражать Чехову нетрудно... Чехов пре-

восходно писал рассказы, но талант его не был универсален, и он благоразумно держался в пределах своих возможностей... творчество его отмечено унынием и грустью, и ему как писателю претил насыщенный действием сюжет и всякое излишество».

Как видите, чтобы понять и оценить суть и глубину любимого в России и за рубежом Чехова с несколько непривычных для россиян позиций, необходимо прочесть и мнение Мозма в дополнение к тому, что сказал о Чехове Бродский.

* * *

Основой для заметок о жизни и творчестве Бродского послужила книга Людмилы Штерн (Давидович) «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph» (2001 г.). Только непонятно, отчего в русском издании имя поэта написано по-английски. Джозеф или Жозеф россияне тоже не отвращают. Книга написана не просто чрезвычайно пылким умом-разумом, умеющим и дружелюбно настроенную душу, жертвенно распахнутую в мир архисложного, противоречивого человека и поэта, круглые сутки блукавшего в поисках вечной правды, тепла и света. Обречь все это не удалось даже такому умудренному и целенаправленному должителю, как Сомерсет Моэм, сказавшему: «...я нигде хорошо себя не чувствовал».

Десятки лет спустя Бродский практически повторит слова Мозма.

Б.К.И., С.123: «... Стучилось так, что я был несколько более требовательным, менее склонным просить банальности, глупости или отсутствия чувства меры. Из-за этого я и сторонился других».

Несколько иначе, но о том же на С.195: «Я ощущаю свою инородность, в общем, более или менее постоянно. По отношению ко всему. Где бы то ни было. Это было дома, осталось и здесь. Видимо, это сугубо индивидуальное».

Не воспринимается в книге Штерн только краткое предисловие, оно пронизано духом наших вчерашних, соцреалистических мыслей о сущности человека: «... как с ростом мировой славы поэта менялся и его характер».

Ничто в человеке никогда не меняется кардинально ни в плюс, ни в минус. В определенной жизненной обстановке, если не желают владеть собою, проявляются (речь о минусе), обостряясь, черты грязенького, черненького, мохнатенького первобытного существа, сидевшего тихесенькой серенькой мышкой в глупинах стреноженного обстоятельствами сознания.

Исключения – люди просвеченные теплом, любовью и светом от затылка до пяток, – вероятно, имеются. Но всякое редчайшее исключение только подтверждает известное правило. Сошлось на великого «резвуна и насмешника» – Франсуа Мари Аруэ, Вольтера (1694-1778 гг.), строчки из его

философской повести «Кандид ...»: «...если свойства ястребов не изменились, можете ли вы рассчитывать, что они изменились у людей».

Привлек и «выбранный тон» книги. «фамильярный», как может показаться». – выделено Людмилой Штерн. А по мне, так самое что ни на есть искреннее повествование, человеколюбивое, со всеми плюсами и минусами, собственными любому из смертных. Кому кажется иным, те пусть крестятся до морковкиного заговенья. Сам Бродский благословил этого автора на писание чего-то подобного, дружественного, без литературной вычурности. Если уж после какого-нибудь интересного события, встречи, разговора... часто полусерьезно повторяют: «Запоминай, Людесса... И не пренебрегай деталями. Я назначаю тебя нашим Пименом».

* * *

Людмила Штерн по-прежнему выступает в роли ангела-хранителя Иосифа Бродского настолько, что пыталась дать отлуп даже мудрецу Солженищину «Мир Иосифа Бродского» (2003 г.) в своих заметках «Гигант против титана, или «Изжаданное окунание в хляби языка». По-женски миленько и простенько обозначив свою земную суть: мол, я не критик, простой читатель. Да только и самому простейшему из читателей не стоит принимать всерьез все эти речевые выверты с кульбитами – «гульче», «едче», «метче», – старательно выписанные Штерн из заметок Солженищина «Бродский – избранные стихи» (журнал «Новый мир», № 12, 1999). Кстати, в 1973 в США, с предисловием Уистана Хью Одена (1907-1973 гг.), вышла первая на английском языке книга стихов Бродского «Иосиф Бродский. Избранные стихи». Даже «гиганту» не личит копировать «титана».

«На бесстыдную нахальчивость», «председала мудрость», «чтоб сердце... младенчее зрело...». Не правда ли, знакомые шероховатинки, только это не измышленки современного нам литератора Солженищина. Это естественная русская литературная речь (вязь), которой вскорости исполнится лет триста, и автор этой словесной вязи Антиох Дм. Кантемир, писатель-классицист (1708-1744 гг.).

* * *

Словесная и сердитая игра литераторов идет по замкнутому кругу. Солженищину не устраивают речевые зигзаги с оборотами в поэзии Бродского. Мнение Бродского о творчестве и человеке по фамилии Солженищын тоже не всегда соответствовало великому званию «российского Гомера», которым

поэт самолично наградил прозаика Б.К.И., С.85: «Прочел я и солженицынские «крохотки» – стихотворения в прозе, они меня разочаровали». 20 января 1995. С.644: «Что отличало Солженицына в шестидесятые-семидесятые годы? Ведь не язык, не форма, а содержание его рассказов и романов. А вот когда он стал признанной знаменитостью, то понял, что ему необходима собственная литературная манера, и решил ее создать. Начал пользоваться словарем Даля».

Последнее оскорбительное, весьма оскорбительное предложение смотрится вполне терпимо, если вспомнить все эти – «гульче», «едче...». И создается впечатление, что Бродский знал об их появлении на белый свет за четыре года до солженицынского родовспоможения в «Новом мире». С.650:

– То, что говорит Солженицын, – монструозные бредни. Обычная демагогия, только минус заменен на плюс. Как политик он – абсолютный нуль.

Думается, обилие резких, порой бездоказательных выводов Бродского отчасти связано с отсутствием у гения систематического образования. Системности приучает к определенному порядку, издревле обозначенному народной мудростью «семь раз отмерь...». Хотя определенная часть одаренных мира сего системой знаний в юношеском возрасте вообще не была стреножена, вспомним Михаила Ломоносова...

Правда и то, что литератору вовсе не обязательно быть политиком. Вопрос в другом, что из публицистики Солженицына (они никогда не встречались) раздражило Бродского на выдачу столь уничижительных терминов. Выбрала из первого тома публицистики Солженицына статью с княжески-претенциозным названием «Как обустроить Россию?». Именно об этом болит душа последние лет тридцать, еще с тех пор, когда редактор, прочтя восторженные заметки начинающего журналиста (двухсменка на ферме, водозаборные колонки на деревенских улицах, обилие домов, построенных совхозом...), сказал: «Призатужьте обилие розового цвета, этого директора не любят в райкоме партии». Но человек живет надеждой, а вдруг Солженицын из своего заграничного далека сумел как-то небывало проанализировать положение России и... Господь Бог озарил его неподвластными нам мыслями «большое видится на расстоянии».

Однако же чтение первых главок статьи вызвало невольную обиду безвестного любителя изяшной словесности в адрес великого литератора Солженицына, выдающего свой собственный русский язык из какой-то полуушербной тарбарщины – «докат», «доконечно», «запуши», «намерзила», «сожитию наций», «ушеленно», «национальном изводе», «все поколесилось», «содружность наций», «вымертвлять», «бедовише», «подъятие школ», «чернородье» (о людях), «расхитчиков», «распропашаем»...

Попробуйте осмыслить на русском литературном языке солженицынскую фразу «резать через миллионы семей, людей».

Особое место в словотворчестве великого писателя, который в истории русской литературы, естественно, находится рядом с Толстым и Достоевским, занимает фраза уровня торговли или вечного зека «чушка Ильич». Да, несомненно глубокие исторические изыски Солженицына, но его «бедовище» заключается в детской слабости политического анализа, в «чушковатости» предложений использовать положительные моменты из истории прежних лет в суматошности наших сегодняшних буден, поскольку «мудрец из Вермонта» весьма и весьма далек от реалий жизни России 1990 года (время публикации данного претензиоза).

Детскость с недальновидностью выпирают из большинства предложений Солженицына по обустройству России – «Может подождать и Космос». Конечно, может, если мы друженько, наги и босы, сядем в ожидании лучших дней под какой-нибудь ничем не пробиваемый колпак. Кто под колпак первый?..

Уже лет тридцать (или заметно больше) те, кто хорошо знаком с провинцией, не повторяют этой пустопорожней стылости и тусклости, а Солженицын по-прежнему уверяет, что «в первых рядах спасителей России находится именно провинция, низы, народ».

Два вопроса в никуда. Неужели Россию в начале XX века можно было назвать «богатой, цветущей»? Так уверяет Солженицын, но можно ли было сподвигнуть массы на революцию в богатой и цветущей стране? И где же нам найти таких руководителей с исполнителями, которые способны трудиться «без позакности и без мошеничества».

Узрела (пользуясь терминологией Солженицына) в статье только один достойный совет по обустройству России: «...и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того». Никто и не спорит с этим, но и не на пустом же месте возникло древнейшее изречение «Бог-то Бог, да сам не будь плох».

* * *

Вернемся к цитате «из Бродского». Если из нее убрать последнее предложение, то все, что Солженицын говорит в своих заметках о Бродском – человеке и поэте, вполне соответствует сказанному о нем Бродским. Не станем забывать и о том, что Бродский жил последний год, отлично зная о своей физической обреченности и гораздо раньше, отсюда и крайнее обострение невосприятости особо полярных мнений.

Несколько снижена планка остроты невосприятости в 1990 году. С.492:

– ...В своем недавнем стихотворении «Fin de siècle» вы пишете: «Все скоро кончится, но раньше кончусь я ...».

– Ну, это совершенно естественно... столетие кончится через одиннадцать

лет. и я. думаю. этих одиннадцати лет не проживу. Все. Мне сорок девять лет. у меня было три инфаркта. две операции на сердце...

Вероятно, и в целом многое и многие уже тогда раздражали поэта. В число «многих» отчего-то вошел и Солженицын. Возможно, потому, что Солженицын считал себя способным повлечь на порядки в любимой России, в которой отродясь порядка не было. Каждый новый день начинался с ломки или стройки, чтобы вновь разрушать, чтобы было чего строить заново. Длительного и вдумчивого останова («останов» – термин писателя-историка Дмитрия Михайл. Балашова, 1927 г.р.) у нас никогда не было. Ибо мы умеем (если умеем) думать только после того, когда дело сделано.

Бродский, если ему задавали вопрос о месте литератора в плоскости – литератор и политик, практически всегда отзывался о политике и политиках с пренебрежением. И не всегда для этого имела стопроцентная основа. Один из его примеров по данной теме смотрится все-таки достаточно убедительным. 1988 год. Б.К.И., С.225:

– ... Должен ли поэт избегать чисто политических высказываний?

– ... В Европе существует определенная традиция высказывания писателей по политическим вопросам. Что, если представить себе наоборот: когда глава государства высказывается о творчестве, скажем, того или иного литератора...

* * *

Вернемся к Людмиле Штерн, которая всерьез рассердилась на шутовские кафтаны для русских частей речи, самолично сшитые или заимствованные Солженицыным на стороне из давно устаревших архивов. В изготовлении, в подборе подобной «одежки», и не только в этом – Солженицын почти постоянно в писании своих заметок о Бродском ироничен до сарказма в квадрате. Впрочем, действительная высота степени сарказма практически не определяется. Зашкаливает. Потому расслабьтесь. Посмотрите в окно.

У меня за окном золотой сентябрь, поэтому строчки приходят сами по себе, из ниоткуда: «Сентябрь, вторая половина./ И листья сыплются лавиной...».

Чтобы одновременно расслабить, вдохновить и настроить вас на лирическую волну, процитирую Бродского. Б.К.И., С.302: «Для того, кто любит возиться с языком, а я люблю – такая работа – сплошное удовольствие».

И, тоже любя, продолжу поэтическую игру: «Сентябрь, половина вторая/ Открывает ворота осеннего рая...».

У вас получилось значительно лучше. Сердечно рада. Ибо вся наша жизнь игра. Тему отлично продолжают строчки из очень разноплановой книги о Бродском «Танец вокруг мира» (2002 г.), написал которую Кейс Верхейл. Спорить

с ним не станет ни один человек, который чувствует слово лучше, чем биение своего здорового сердца. По образному выражению Штрауса-отца, «все услышанное звучит вкусно». Штраус-отец вел речь только о конкретной музыке. Но мы-то с вами знаем, что музыка и литература (поэзия, в частности), располагаются на одной ступеньке божественного горизонта, имя которому – искусство. Т.В.М., С. 186: «Создавать поэзию, читать поэзию – это значит играть с возможным смыслом случайных эффектов».

И еще о том же, но значительно иначе. С.196: «Писать стихи, значит, видеть сны. Если эта точка зрения правильна, то отсюда следует, что поэзия, как и сны, нуждается в толковании».

* * *

В толковании, но отнюдь не в саркастическом споре. А у нас напряг продолжается. Одна фраза из заметок Солженицына, поскольку он бывший зек (знаком с глубинным бытом камер и лагерей, лагерной «феней»), все-таки вызывает комок брезгливости, непременно хочется сплюнуть при чтении данного шедевра: «...какое-то мелкое петушинство». Прошли времена рыцарей и шпаги, иначе бы за это «петушинство» Александра Исаевича в спешном порядке удалили бы на небеса друзья поэта отчитываться за оскорбление мужской чести Бродского... перед самим Бродским.

Тем уж более, что при всем желании не откажешь в умении чувствовать слово на слух, на вкус, на музыкальность, на просвет с изломом вдоль и поперек ... и всевозможные и предполагаемые его грани автору, обогатившему мир литературы такими безукоризненными и безупречными в художественном плане, насыщенными музыкой ума, таланта, света, как «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «Бодался теленок с дубом»...

* * *

А вот что говорил еще в 1978 году Бродский о Солженицыне. Б.К.И., С.48: «Я очень горжусь тем, что пишу с ним на одном языке. Я считаю его одним из величайших людей... Я считаю его совершенно выдающимся писателем... Я думаю, что советская система обрела своего Гомера в случае с Солженицыным».

Стало притчей во языцех, но со знаком минус, цитировать данный абзац из заметок Солженицына: «Думаю, поживи Бродский в ссылке подольше – та составляющая в его развитии могла бы существенно продлиться. Но его вскоре помиловали, вернулся он в родной город, деревенские восприятия никак не удержались в нем».

Как могла оскорбиться сказанным Людмила Штерн?

И как умудрился интонационно и словесно (журнал «Северная Двина – XXI век», № 2, 2004 г.) переиначить сказанное Солженицыным москвич Владимиром Бондаренко в своих заметках о Бродском «Припадаю к народу»: «Нет, прав и прав Солженицын, подольше бы ему пожить в деревне».

Как говорится: услышали звон... А ведь Солженицын в данном случае просто рассуждал «думаю». Ни к одному слову (о последней фразе разговор особый) именно из этой питаты не придерешься, сколь бы ни одолевал зуд здорового критицизма. Уровень лекционной чистоты и глубины, рассчитанный не просто на интеллигентную (интеллектуальную), но и умеющую думать аудиторию, обозревать одновременно дальние и ближние горизонты.

Иной вопрос: была бы лучше или нужнее для поэта «та составляющая в его развитии», так ли уж в его дальнейшей жизни были ему необходимы длительные деревенские восприятия. Вероятно, городские апартаменты вполне обойдутся без горшков с ванькой мокрым (бальзаминном), вполне прилично смотрящимся в деревенской избе, да еще настолько ухоженным, что каждый листик по контуру (по периметру) усеян сахаристыми капельками, говорят «чистейшей глюкозой».

Однако же человеку, поэту тем уж более, свойственно, как губке, незаметно впитывать всю окружающую его жизнь. И в душе Бродского через определенное время стали неплохо уживаться ощущения из нескольких, совсем уж непараллельных миров: виловые (звуковые) ассоциации сельской северной глубинки; философски осмысленная память о любимом городе и акцент иностранный, выраженный зримо и рельефно в стихах и прозе.

Получается, что Бродский всю свою жизнь за рубежом, естественно, не зная этого (возможно, осознавал), опровергал скоропалительную фразу Солженицына: «...деревенские восприятия никак не удержались в нем».

Как сердечный привет с далекой Гринвич – Виллидж, нежнейшей ласточкой- береговушкой вспорхнула над Америкой и приземлилась в родных северных краях уехавшая было за моря-океаны милая сердцу музыкалинка из просторечной обыденной сельской глубинки. Б.К.И., 1982, С.93: «Как зерно под веялкой: шелуха улечивается». И стало на сердце печально и радостно одновременно, как от грустной и светлой музыки Моцарта, которая продолжает звучать в душе гения. «Часть речи», С. 279: «Итак, пригревает. В памяти, как на меже, прежде доброго злака маячит плевел», «Сумев отгородиться от людей, я от себя хочу отгородиться. На изгородь из тесаных жердей...». «В него влезают сумерки в окне, край пахоты с огромными скворцами...». 24 мая 1980 напишет: «...сеял рожь, покрывал черной тольей гумна», «Оден занимался моими делами с усердием хорошей населки». – книга «Американский кабинет Иосифа Бродского», 2006 год.

* * *

Подобная словесная музыка сельской жизни встречается хоть изредка в стихах и прозе до конца дней гения. Столь же просто, свободно и необычайно глубоко напомнил о себе Ленинград. Б.К.И., С.161:

– Когда вы впервые пришли к мысли, что вы поэт?

– Собственно никогда. Просто все чаще и чаще я заставлял себя за сочинением стихов. – пока не обнаружил, что пишу стихи чаще, чем делаю что-либо другое. Однако не думаю, что был некий день, когда я мог выдать себе что-то вроде диплома.

Пожалуй, запомнилось несколько мгновений. Так, однажды я шел по набережной Невы и остановился, держась за парапет, просто стоял и глядел в воду. И вдруг подумал, что воздух невидимо течет между моими ладонями так же, как течет вода. Эта мысль не показалась мне чем-то выдающимся – просто мне хотелось знать, а есть ли сейчас на набережной еще хоть один человек, кто думает о том же. Так я понял, что происходит нечто особенное.

* * *

Незаметно для россиян протекают, как вода сквозь пальцы, еще шесть лет жизни Бродского за рубежом. И вот уж в его речи звучит ярко выраженный иностранный акцент: «Что касается возвращения, то я бы не возражал. Просто чтобы увидеть какие-то вещи. Кладбище, где похоронены мои родители, повидать нескольких родственников. Сына. Несколько друзей...».

Многое из сказанного поэтом в русском переводе звучит, мягко говоря. И в то же время, сравнивая русский и английский языки, Бродский подчеркнул на С.542. Б.К.И.: «По сравнению с русским английский язык не приспособлен к демагогии. Попробуйте-ка перевести на английский фразу «Народ и партия непобедимы».

Про английский ничего сказать не могу. Идеологичность процитированной фразы сегодня ужасает. Зато каково богатство русской речи. Вероятно, только русский язык и способен на такой подвиг: сделать удобоваримой, хотя бы для слуха тех лет и даже песенной, подобную чушь. Зато сколь уж обидно для русского человека считаться другом Бродского, которого поэт, возможно, и не включил бы в число «нескольких». Это вольное или невольное «косноязычие» вчерашнего россиянина в который уж раз подчеркивает бесконечные возможности именно русского языка. Действительно «великого и могучего».

Даже эта прекрасная, до последнего слова выверенная хрестоматийная фраза слегка сдвигается с надежного русскоязычного фундамента, имя которому «вечность», когда цитируешь эссе Бродского «Меньше единицы», С.22: «Страна с

изумительно гибким языком, способным передать тончайшие движения души, с невероятной этической чувствительностью (благодаря результату ее в остальном трагической истории) обладала всеми задатками культурного, духовного рая, подлинного сосуда цивилизации. А стала алом серости с убогой материалистической догмой и жалкими потребительскими поползновениями».

Последнее предложение справедливо только отчасти. Ведь даже в Америке, стопроцентную характеристику которой не уложишь в обидную для любящего свои корни русича фразу, отличился опять же русич... Бродский. Человек, не имевший систематических знаний даже в объеме семилетки. Не владевший английским литературным языком, но сумевший за девять лет прошагать в данном направлении настолько уверенно и успешно, что уже в 1981 году был отмечен одной из престижных литературных премий – лауреат фонда имени братьев Макартуров для гениев. Так ведь и Бродский был по рождению тоже всего-навсего россиянин, не убожавшийся чужих литературных континентов.

* * *

Стипендиат фонда Макартуров ежегодно, в течение пяти лет, получает 100 000 долларов (данные Интернета за 2007 год).

Ни один высланный или сбежавший за кордон россиянин не сделал такого резкого «прыжка» в мировую известность, как Иосиф Бродский (исключением стал только балетчик Рудольф Нуриев, но там судьба иная, разговор о нем впереди, и тональность сказанного тоже иная). Почти за три года (1970-1973 гг.) издаются в Америке и в Англии три сборника стихов Бродского. Первый мгновенно переводится на несколько языков.

Словом, еще живя в Ленинграде, неизвестный русской провинции поэт уже широко шагал по планете, уверенно подавая любителям литературного слова непохожесть и непонятность своей поэзии. И журналисты, ожидая скорого свободного передвижения поэта по вольному миру, уже готовили ему свои первые каверзные вопросы.

* * *

Сначала дадим слово Кейсу Верхейту, отличному варианту голландского Пимена Бродского в области литературы. Т.В.М., С.С.106 – 107: «Думаю, уже сейчас можно смело утверждать, что появление Бродского как русского поэта привело, в частности, к тому, что поэзию своей страны он, сохранив в неприкосновенности ее собственные черты, «англизировал» изнутри на разных уров-

нях. – подобно тому, как Пушкин ее «офранцузит». Естественный следующий шаг для поэта, живущего в Америке, – точно так же, изнутри, начать (или продолжить начатую другими) «русификацию» англоязычной литературы». С.110: «Для читателя, много читавшего Бродского, происходит нечто удивительное. Стиль «говорения на бумаге», который такой читатель успел полюбить как вариант русского языка, придуманный лично Бродским, вдруг коверкается, перемешивается с оборотами речи, которым место в совсем другом контексте. Эти обороты раздражают как что-то нерусское или даже антирусское, антибродскианское. Но уже скоро читатель, к собственному изумлению, привыкает к этому эффекту и замечает нечто, казалось бы, противоречащее всем законам лингвистики: английский Бродского стал русским Бродского и наоборот. Разница лишь в произношении, а язык один и тот же».

С.80: «... Кроме настоящих рифм, основанных на звучании, он широко использует, скажем так, «мысленные рифмы».

Кейс Верхейл попытался объяснить, вероятно, вполне удачно обозначенные специалистом в области литературы (придуманные им) названия необычайной рифмы Бродского. Верхейлу можно верить даже на слово. Специалист высшей квалификации, как иностранец, имеет непредубежденный, но очень чуткий и цепкий взгляд со стороны.

Но если суть обычных рифм понятна любому, даже очень далекому от поэзии человеку, – красота звучания, легкость запоминания строки, – то объяснить необходимость (закономерность) «мысленной рифмы» едва ли пройдет даже и в том случае, если слушатель ваш сам вполне прилично рифмует. Возможно, он и не выдаст свое сокровенное мнение по данной теме (иногда удобнее ходить в платье голого короля), но про себя этот приличный рифмач всенепременно подумает что-то свойственное только человеку, далекому от литературы: «Все это несуразица и околесница».

Уж не эти ли «несуразица» и «околесница», в числе многого прочего, настолько затормозили мысль мудреца Солженицына, заставив его выступить чуть ли не в роли кухарки, копающей в чужом грязном белье (об этом речь еще впереди)? Ибо чисто бытовое недовольство Солженицына вполне понятно. Недоучка Бродский, взорвавший литературный мир, обскакал (умудрился обскакать) куда более достойных, по мысли Солженицына, нахватал премияльных почестей и раньше времени улетел на небеса, заставив, будто принудив, говорить о себе умные головы до скончания века.

* * *

Необычайно быстрый рост, уверенность в себе поэта и гражданина Америки, раскрепощенность разума и духа, но и постепенную утрату русскости.

а с утратой русскости и каверзные вопросы журналистов последовали, лучше и проще, надежнее и убедительнее всего прочего в данном плане, естественно и безобидно, как пройти по живой лесенке любимой нами литературы, можно проследить по интервью Бродского.

1972. Разговор поэта ничем не отличается от речи среднестатистического россиянина-литератора. Ни на одном слове не запнешься, ни одна фраза не привлечет даже секундного интереса, внимания.

1974. Одна только Анн-Мари Брамм (журнал «Mosaic») наговорила о поэте столько хвалебных слов, которых вполне и с избытком хватило бы на добрую дюжину среднестатистических россиян-литераторов тех лет: «...беспредельные познания в мировой литературе, искусстве, музыке... одержимость в отношении всего, что связано с поэзией... прям и искренен, доходя до самозабвения... себя воспринимает всего лишь посредником в процессе возникновения конечного, выкристаллизованного продукта поэзии».

Именно в этом интервью, но это уж благодаря необычайному уму и чуткости Анн-Мари Брамм, Бродский знакомит нас с божественными «окурками», стихами обожаемого им У.Х. Одена.

Не знаю, столь ли уж был значим для Пушкина положительный отзыв Державина. Вполне возможно, что юный «сверчок» более того навоображал. В его строках о том лицейском празднике, где имел честь быть Державин, уж слишком сквозит детско-подростковая снисходительность, без намека на уважение, с долей легкого пренебрежения – «Старик Державин нас приметил, и, в гроб сходя, благословил».

На этом фоне вариант предельно краткосрочной дружбы Одена и Бродского завораживает. Любовь к поэзии Одена, с которой Бродский, по словам его московского друга, отчасти перекликается своими стихами, а потом и принудительный (возможно, предельно желательный) выезд за рубеж, где Бродский первым делом отыскал своего кумира, несомненно, тот счастливейший случай, который хоть кому-нибудь да выпадает, но не чаще, чем раз в столетие.

А каждый праздник обязательно горчит. Речь о фото в Б.К.И., где Бродский, Оден и Стивен Спендер. Четвертая фигура в полукруге смеющихся поэтов – не названа. Зная нетрадиционные сексуальные склонности Одена, можно без особого риска назвать местоположение в кругу Одена этого раскованного усатого молодого человека, тоже, значит, участника Международного фестиваля поэзии в Лондоне 1972 года, где предельно удачливый, благодаря знакомству с Оденем, Бродский оказался соответственно пушкинской строке «с корабля на бал».

Да, это приглашение в крут избранных Бродскому устроил великий кудесник Оден. И вот Бродский, весьма и весьма симпатичный молодой человек, чтобы не сказать, писанный красавец, зная про интим Одена, стоит рядом с поэтическим ку-

миром и провинциально сердится, чтобы не сказать – раздражен до крайности, видя и чувствуя, какую роль при страшиле Одене ему приписывают окружающие.

Отметив первый полукруг фото, смотрим второй, дальний – с умыслом или без – четко взятый объективом. Пожилой мужчина из второго полукруга смотрит спокойно и снисходительно на четверку отважных и веселых. А вот молодая женщина, уйдя из кадра, скорее всего упадет от напряжения позы, настолько она вывернула шею на усатого молодца рядом с Оденем. Молодой мужчина не менее жалостливо и лукаво, если не брезгливо, но уж глядя на Бродского, настолько внутренне улыбается, что бедный поэт под этим пронизывающе-сочувствующе-сожалеюще-брезгливым взглядом практически своего ровесника, вероятно, поджаривался на холодном огне.

Его ровесник, вероятно, от обилия неприятных чувств, чтобы не вскрикнуть что ли, прижал палец к губам. Этот молодой человек будто бы только что сошел с полотна «Неравный брак», отмечая всем своим видом куда как более сложную коллизию современной жизни.

* * *

Кейс Верхейл пишет в своей книге о Бродском на С.63: «Лучший и самый обстоятельный переводной сборник Бродского с восторженным предисловием, написанным английским поэтом У.Х. Оденем, вышел в 1973 году в серии издательства «Современные европейские поэты».

Вот уж благословил, так благословил англичанин Оден вчерашнего россиянина Бродского, буквально поспешествовал, именно в этом же году и покинув белый свет.

На этом фоне все добрые слова Бродского, даже его обожествление кумира Одена, вполне естественны. В лучах этого обожания невольно купается душа каждого равнодушного человека, а те, кто срифмовал полторы приличных строки, утопают в этом обожании, испытывая ни с чем не сравнимое родство всех поэтических душ, настроенных, старающихся настроиться на тепло, любовь и свет, распыленные по всем сторонам горизонта, только сумей собрать, коснуться или хотя бы вовремя заметить это вселенское богатство, которое иногда шутя, предельно щедро, раздаривает избранным ею кудесница литература.

Бродский – Одену. С.64: «...Это без преувеличения первый поэт, который был в своем веке как дома...»

С.78: «Я тогда подумал: «Кто я такой, чтобы меня переводил Уистан Оден?!»

С.600: «Если я отчего-то устаю, то открываю Одена и тотчас прихожу в себя».

С.63: «Я редко получаю столько радости от чтения, сколько получаю от Одена».

С.64: «Оден был удивительным критиком...»

С.80:

– Когда вы впервые прочли Одена?

– В шестьдесят пятом году.

С.94: «И часто пытаюсь угадать, как отнесся бы к моим попыткам Оден: отмет бы их как полную чушь или нашел занятными?»

С. 101:

– Но ведь тот же Оден призывал Бога даровать прощение тем, у кого есть писательский талант...

– Верно, но он это говорил в 39-м году, к концу жизни он стал гораздо менее гибким, менее терпимым.

С.202:

– А работы английских поэтов Элиота, Одена? Ваши работы мне часто напоминают о последнем.

– Самый лучший из комплиментов, какой мне можно сделать. Да-да, Оден, особенно его техника. Один раз я даже слезал у него построение стиха.

С.289. Бродский стал писать на английском, «желая угодить тени».

«Тень» – это Оден, которого Бродский называет «величайшим умом двадцатого века».

Если убрать из «Большой книги интервью» все добрые, благодарственные, хвалебные, обожающие слова Бродского в адрес Одена и Ахматовой, то эта громадная книга (700 стр.) заметно усохнет. И не только физически. Станет более заметной нравственная сущь, окружающая гения (любого неординарного творца). Станут более понятны ранние смерти литераторов (всех творцов), бесподобное раздражение и болезни стариков, на долю которых вообще друзей не выпало. А уж о таких друзьях, как Уистан и Анна, на земле только мечтать и возможно.

Строчки из книги «Американский кабинет Иосифа Бродского» (2006 г.): «А в 1972 году в Вене, Оден, как писал Бродский (прошу прощения за частичный повтор данной цитаты): «... занимался моими делами с усердием хорошей наседки... Он поручил меня своему литературному агенту, инструктировал меня, с кем встречаться, а кого избегать, знакомил со своими друзьями, защищал от журналистов...»

«Оден уникален. Для меня он – одно из самых существенных явлений в мировой изящной словесности. Я сейчас позволю себе ужасное утверждение: за исключением Цветаевой, Оден мне дороже всех остальных поэтов».

Мальчишество, но это святое мальчишество, даже сигареты взрослый Бродский, перешагнувший возраст Христа, стал курить те, которые курит Оден, и которым (сигаретам), по его собственному признанию, он был обязан своим первым инфарктом.

Благодаря Одену состоялась личная встреча со Стивенем Спендером (1909-1995 гг.), известным британским поэтом и критиком.

* * *

30 мая 2006. Гуляю по Коноше. На окантованной бетоном клумбе около райадминистрации сидят два молодых человека. Ягодицы одного практически примяли слабые северные весенние цветы небывало нежного сиреневого тона. Душа привычно всплакнула и... рассердилась на Иосифа Бродского. Б.К.И., С. 292: «Оден сидел в кресле, подложив под себя два тома оксфордского английского словаря. Я подумал, что вижу единственного на свете человека, который имеет право использовать этот словарь для сидения».

«Сделай Бродский то же самое, вряд ли кто-нибудь возразил бы». Ох, напрасно Ричард Мерин (журнал «Insight», 25 мая 1987 года) поручился за весь белый свет. Уверена, многие эстеты, не смея сделать замечание гениальному поэту, поскорее ушли бы от греха (от стыда) подальше. Оставшись, испытывали бы душевный неуют, снуя глазами подальше от «гениальных» ягодич, раздражаясь на себя и на субъекта за это перекрестное изматывающее душу глазение и не имея сил перевести глаза на что-нибудь более легкое по жанру и более изящное эстетически и особенно этически.

На белом свете, возможно и на небесах, есть величайшее множество предметов от прекрасного безымянного цветка до лица человеческого, которые неприлично попирают человеческими ягодичами, чьими бы то ни было.

* * *

Продолжаем шагать по живой лесенке любимой нами литературы, проследившая становление бывшего россиянина полноправным гражданином Америки, то бишь мирового литературного пространства.

1976 год. Отвечая журналисту, Бродский впервые (штрихи иностранности), будто бы сам для себя, еще раз повторял вопрос. Эти вопросительные знаки, без которых запросто обходился, живя в России или давая первые интервью, теперь любовно кочают по его беседам, становящимся все более глубокими и одновременно отстраненными, летящими к нам с какой-то неземной, все по-

нимающей, но далеко не все принимающей высоты: «Что я мог бы сказать о качестве этих изданий? Ситуация писателя похожа на ситуацию жены Цезаря: никому не дано ее контролировать... В самой России за писателем присматривают полчища редакторов, корректоров и цензоров, ножицы которых иногда оказывают и неплохое влияние...

Оказывает ли творчество здешних писателей влияние на Россию? Вряд ли... Конечно, тамошний читатель довольно хорошо знаком с Набоковым, однако сомневаюсь, что он достаточно знает о Ходасевиче, который умер до войны и был, пожалуй, лучшим русским поэтом».

1978. Бродский забыл слово «псалмы», заменил на «рециталы». Часть интервью, записанного именно в данном году.

С.48:

– ... Когда-нибудь вы ловили себя на том, что вам не хватает русских слов для описания, скажем, растений или деревьев, для описания каких-нибудь красивых мест?

– Хороший вопрос. Нет, никогда. Я боялся, что это может произойти, и этот страх всегда рядом.

1979. С.116:

– Вы русский поэт, но американский эссеист. Не создает ли это какого-нибудь раздвоения личности? Не идет ли ваша «русскость» постоянно на убыль?

– ... Я не знаю, может быть моя русскость идет на убыль, но если она может идти на убыль, то это и есть ее красная цена, это свидетельствует о ее качестве... Я думаю, что русский человек – это гораздо более обширное явление, и что если что-нибудь и происходит в моем случае, то в некотором роде – это расширение русскости, а не ее сужение, хотя я, может быть, и льщу себе.

1980. Поэт живет за рубежом восемь лет. И, судя только по одним интервью, все эти годы трудится интенсивнейше. Это уже не просто человек образованный. Это человек другой культуры. В интервью этого года что ни строчка, то специальные термины, что ни фраза, то среднестатистическому россиянину придется заглянуть в словарь, и чуть ли не в каждом предложении вольготно располагаются слова «музыка», «мелодия»... Появляются весомые фразы уверенного в себе человека «... но это то, за что я себя уважаю», «...я в особом положении – то есть я вне языка, я в какой-то мере стал наблюдать за ним», «я посетил его», «Боюсь, что я говорю это почти как англичанин...»

Вот эта фраза особенно в яблочко, ибо: «Не думаю, что я когда-нибудь смогу сделать что-то еще такого же масштаба, потому что у меня уже нет того терпения, или как это называется». Как уж ты это ни называй, но одно просматривается стопроцентно: бывший россиянин вполне созрел для премии братьев Макартуров.

1981. Даже пословицы Бродского через девять лет жизни в Америке приобрели иностранный окрас. С.159. Бродский, говоря о порядках в России, о прохождении им непостижимого средним послушным умом лабиринта из металлических решеток и шпиривев, о слежках сотрудников ГБ, цитирует оденовские строки, едва ли и сегодня известные широкому кругу российских читателей: «Самые ужасные муки идут своим чередом в каком-нибудь закоулке, а рядом...»

Цитата оборвана, и продолжение ее для меня недоступно, но есть возможность поставить добротную точку абсолютно «иностранной» пословицей Бродского «На каждого месье – свое досье».

1985. С.216:

– Вы теряете мелодию своего языка?

– Думаю, она звучит все более смутно... Однако то, что она звучит глуше, – правда: и я стараюсь приноровиться к этому. Осознать, что ты остался с языком тет-а-тет.

1987. С.283. Бродский вспоминает, как его в 1968 году вызвали в Ленинградское отделение союза писателей, но это уже речь кондового иностранца, знающего свою высокую цену: «... передо мной предстали двое мужчин в сером».

Иногда величайший и глубочайший мыслитель, оторванный от корней постоянно изменяющегося, уточняющего глубинные позиции русского языка, употребляет слова на уровне заурядвыпускника средней школы, без сомнения кичащегося своими способностями и знаниями. Речь о том, что в России умолчали о присуждении Бродскому Нобелевской премии.

1988. С.338:

– О реакции самого Горбачева ничего не известно?

– Я понятия не имею.

А ведь «понятие» – это сумма представлений. Слову «представление» в данной трактовке – до сих пор практически нет места в русском языке. Чуть ли не вся гуманитарная Россия «от Москвы до самых до окраин», в свое время изучавшая в вузах психологию, запросто и абсолютно неуместно заменяет его словом «понятие».

Равная обстановка, почти равная, просматривается и с краткой формой от слова «прочитал» – «прочел». Тогда как, допустим, во всех переведенных романах Сомерсета Моэма (Москва, «Радуга» 1985) использована принятая форма современного литературного языка. Роман «Подводя итоги», С.531: «...у человека есть представление о каком-то совершенном чувстве». У любящих русский язык есть надежда, что в скором времени слова «прочел» и «представление» будут говорить сами за себя, равноправно участвуя в нашей устной и письменной речи.

20.07.2006. Радиопередача «Восьмая нота». Рок-музыкант Валерий Ганна сказал: «Не имею представления...» Он живет и работает то в России, то в

Америке. Bravo, Ватерий! Это был маленький лингвистический праздник, по сути редкий даже в современных средствах информации.

1988. С.309. Энн Лаутербах: «...напомнил мне недавно высказывание Бродского о том, что у него – лучший из миров: американский паспорт и русская культура».

В беседе с Ариной Гинсбург Бродский не менее гордо и дипломатично отвечает на очень серьезный вопрос. С. 367:

– Кем вы себя чувствуете – гражданином мира, русским или американцем?

– Я чувствую себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединенных Штатов Америки.

* * *

1989. Бродский уже два года живет под звездой лауреата Нобелевской премии. Систематически жалуется на нехватку времени для литературной работы. Устал жить на виду, круглые сутки востребованным. Сегодня бы сказали – «за стеклом аквариума». В данном интервью поэт еще и крайне раздражен постоянными передергиваниями, подзуживаниями, неуступчивостью и спорностью порой на пустом месте, на мелководье Фрица Радаца настолько, что временами и сам гений напоминает упрямого дошколенка. Но, со стороны глядя, каждый вопрос Радаца все-таки был задан с определенным умыслом, с подтекстом, не столько ради беседы, рассуждения, сколько уловки, осуждения. Третий по счету:

– Тем не менее... не укрывает гигантская тень Достоевского писателя Бродского?

– Наш диалог с самого начала обещает быть нелегким. Вам хотелось бы дать мне удачное определение, я же не могу дать определение самому себе... К тому же с самого начала следует подчеркнуть одну важную вещь: моя попытка выделить две категории писателей, о которых вы упоминали, относится только к тем, кто пишет прозой. Я же не прозаик. Следовательно, я в любом случае мог бы ответить, что не отношу себя ни к одной из этих категорий.

– А не стало ли причиной некоего несоответствия, некоего разлома, который можно выявить, исследуя ваше творчество в целом? Я не говорю о различиях в поэтическом произведении, с одной стороны, и прозаическом эссе – с другой; скорее я говорю о мятежном духе, с одной стороны, и о безропотной покорности – с другой.

– Ваши слова меня встревожили и заинтриговали. Естественно, у меня есть какие-то убеждения, предпочтения, антипатии, но почему это должно восприни-

маться. как своего рода разлом? Я пристегиваю ремень безопасности. и вперед!

Еще десяток вопросов подобного содержания и тональности... и недавний Нобелевский лауреат попросту не выдерживает. сдает позиции под натиском (бульдозерностью) обыкновенного журналиста:

– Но были же и образованные диктаторы?

– Приведите, пожалуйста, пример.

– Муссолини.

– Муссолини не был эстетом.

– Но он не был и невеждой. он знал Петрарку, Данте, Д' Аннуцио. ценил Караваджо и де Кирико. Он вовсе не был малограмотен.

– Для меня был.

А далее голос поэта звучит как голос стопроцентного янки. которых в советские времена подавали только в таком виде: ухоженный господин непременно скидывает ноги на обеденный стол. что, вероятно. более всего ужасало эстетскую и эстетическую нравственность провинциальных тургеневских девушек советской России. В беседе речь о Томасе Манне:

– В том числе и как политическая фигура?

– Оставьте эту тему... лозунги вместо искусства! Именно поэтому у меня вызвало раздражение появление Гюнтера Грасса в Нью-Йорке на конгрессе Пен-клуба. Нам здесь не нужны немцы. которые являются. чтобы рассказать нам о ситуации в Америке.

21 августа 2006 года. Радио «России»: «Гюнтер Грасс, вероятно, недавно стал лауреатом Нобелевской премии за книгу прозы о войсках СС(?), в которых, мол, сам воевал добровольцем. Но ведущий подчеркнул, что Грассу в 1944 году исполнилось 17 лет. Он не мог быть добровольцем. К этому времени добровольцы уже не просились в действующую фашистскую армию.

Однако мировая цивилизованная общественность подняла страшный шум с тем, чтобы лишить Нобелевской премии Гюнтера Грасса. Особо ставя в вину Грассу то, что он никогда не сообщал о своем участии в войне в войсках СС. Нобелевский комитет ответил, что «подобное предложение не будет даже и рассматриваться».

Знал Иосиф Бродский. в каких войсках отметился Гюнтер Грасс в Великую Отечественную. или это было примитивнейшее (на уровне всех животных организмов) предошущение тонко чувствующего ума гениального мыслителя. пронизывающего. пронзающего любую сложнейшую бытовую ситуацию...

Вполне возможно и то. что юный (семнадцать лет) Гюнтер Грасс. попавший в компанию к фашистским небожителям. считавшими себя арийцами чистей-

шей голубой крови, настолько проникся духом, манерами, повадками, оттенками высокомерного отношения нацистов ко всем, кто не служил в СС, что так и не сумел, возможно, не желал избавиться от этого «наследства». Прочсть в любом человеке подобный укоренившийся «джентльменский» набор способен любой тонко чувствующий аналитик, но гениальную натуру от всего этого нравственно – «физического» смрада мутит неизменно.

* * *

1990. Есть один ответ Иосифа Бродского, с которым согласится всякий добропорядочный человек. Ответ, который более всего говорит о том, как трудно в душевном, духовном плане жилось поэту, всемирно известному, финансово обеспеченному и... одинокому. Б.К.И., С.473:

– Что вы цените выше всего в человеке?

– Умение прощать, умение жалеть. Наиболее частое ощущение, которое у меня возникает по отношению к людям – и это может показаться обиденным, – это жалость. Наверное потому, что все мы конечны.

Чем более духовной жизнью живет человек, тем более он становится «автономным телом», одиноким островом, тем более он жалеет любого человека, который живет абы как просто, во всем и всюду плывет по верхам. Его жалость столь же ярка и болезненна к нарочно сломанному цветку, раздавленному червяку... нарушению любой сушей гармонии в далеко не гармоничном мире.

Что-то подобное, вероятно, и не менее остро испытывает любой профессионал высочайшего класса и духовной нравственности. И те, и другие, каждый с высоты своей колокольни, существенно и неоспоримо дополняют, уплотняют, заполняют «фрагменты огромного мирового полотна», невольно сожалея о тех, кто проходит мимо этого божественного предназначения любого мыслящего существа.

* * *

1995. Вопросы журналистов очень часто возвращают нас к особо жизненной, существенной в данном плане строчке поэта – «Меня упрекали во всем, окромя погоды» (1994 г.) Б.К.И., С.674. (Вопрос идет отчасти в повторе, но ответы разнятся со С.116, 1979):

– Есть еще более серьезный упрек – что вы утрачиваете свою русскость?

– Если ее можно утратить – грош цена такой русскости.

Читать такую поверхностную и оскорбительную краткость по такому серьезнейшему из вопросов – обидно.

Иосиф Бродский, вероятно, справедлив только отчасти. Идет естественная утрата внешней русскости (любой другой тоже) – манеры, привычки, язык... Но душа, часть ее – глубинная, заповедная, остается более всего верна той стране, тому языку, на котором произнес первые слова в адрес родителей, друзей, любимой (любимого), заката с рассветом, наконец.

И вообще стоит ли упрекать человека в том, что со временем происходит не менее естественно, чем идет дождь или падает снег. Это, вероятно, истина. Об этом давно написаны тома исследователей, путешественников... Когда где-нибудь в австралийской тьмутаракани к россиянам, в частности, кидался чуть ли не на шею вполне приличного, преуспевающего вида иностранец и, путая сразу несколько известных ему языков, выуживая из глубинных закоулков памяти редкие русские, подчас подустаревшие слова, клялся и божился, что он тоже родом из России.

7 мая 2006 года. Радиомост «Архангельск - Норвегия». Именно в Норвегии нашла свое женское счастье бывшая журналистка и жительница г. Архангельска Л.Л. Она вырастила детей, живет с мужем в норвежской деревне, по-прежнему пишет стихи: «В нашей деревне две сотни домов./ Море да скалы, да глупые овцы...». По словам Л.Л., по-русски она говорит только с детьми, по телефону. Во все иные времена говорит, думает, видит сны на норвежском...

Она отчего-то увиделась мне печально-грустным российским мотыльком, оказавшимся на дрейфующей льдине. Душа всплакнула, и появилась громадная рифмулена, цитирую четыре первых строчки – «Мотылек, на дрейфующей льдине./ Приземлился с любовью иль без?! Вот и видишь, подружка, отныне/ Только море да скалы, да чахленький лес».

* * *

И правило бумеранга тоже не обошло Бродского. В свое время он активно поддержал мнение тех литераторов (критиков, исследователей), которые утверждали полную литературную некомпетентность Михаила Александровича Шолохова (1905-1984 гг.), мол, получившего Нобелевскую премию за труды, которых не писал. И вот уж самого Бродского не менее шумно и предвзято обвиняют в политической мотивации присуждения ему Нобелевской премии. И обвинения только набирают силу.

Интервью 1995 года в этом плане особенно грустны и характерны невысказанной усталостью поэта, которому осталось жить меньше года, а надо было – хочешь или не хочешь – отвечать на то, что еще могла бы сказать пресловутая «княгиня Марья...» Б.К.И., С.673:

– «Бродский – живой классик, но он исписался». Согласны вы с этим или нет и, если нет, не могли бы наметить вектор движения вашего творчества?

– Про вектор я точно вам ничего не могу сказать. А согласен я или нет? Знаете, может отчасти и согласен... Я-то знаю, что я делаю, и то, что я делаю, мне нравится. Но если кому-то представляется, что я исписался, или что я пишу хуже – это я до известной степени спокойно принимаю, потому что нет ничего более естественного для стареющего человека-поэта, чем писать хуже, чем он писал в молодости.

21 апреля 1995 года. Б.К.И., С. 659:

– Как вы относитесь к высказыванию Нуриева о вашем творчестве: «Поэзия Бродского есть в некотором смысле запись мыслей человека, покончившего с собой. Он дожидается исчезновения, он живет с отчаянием».

– Я не знаю, как я отношусь к этому. Я не думаю, что это главное.

Второе предложение несет в себе образчик прозаического двузначия. Что именно счит «не главным» Бродский – свой ответ или мнение Нуриева? И почему его ответ был столь уж краток? Возможно, и потому, что еще пять лет тому назад, 19 октября 1990 года, отвечая на вопрос Ялвиги – Шимак – Рейфер в Кракове, на встрече со студентами Ягеллонского университета, привычно – глубоко (философски), спокойно, открыто и доверчиво, рассчитывая на адекватное понимание сказанного, расставил все точки над «i»: «Кого я оставил позади? Практически все. Я оставлял людей, я оставлял страны, иногда по воле обстоятельств, иногда по своей собственной воле. Всякий раз это было сопряжено, естественно, с психологическими травмами, но это же цена, которую платишь за движение, как я понял впоследствии... Человек все время от чего-то уходит...»

Возможно, Бродский не хотел лишними разговорами тревожить беспокойную нуриевскую тень? Не считал его достойным серьезного разговора? Или ему претила даже сама память, упоминание о людях, при жизни постоянно и предельно возбужденных, раздраженных, ярко выраженного холерического темперамента. Вокруг которых все время рушились невидимые скалы, возникали и погибали цивилизации...

* * *

Именно такое неизгладимое впечатление производят фильм, транслировавшийся по каналу «Культура» в начале 2008 года и очерк о Нуриеве (Нурееве) Рудольфе Хаметовиче (1938-1993 гг.) из книги «Самые знаменитые мастера балета России», 2002 год.

Своей непохожестью на весь белый свет «летающий татарин» в мире балета тоже, как Бродский в мире литературы, аналогов не имеет. Правда, обшнне

с Нуриевым едва ли было интересно тем, кто одержим изяшной словесностью. О балетчике говорили, что он «скандалист, резкий в словах и поступках, пренебрежительно относящийся к людям».

Но в мир большого балета Нуриев попросту влетел. Оставшись за рубежом в 1961 году (в гастрольной поездке), он чуть ли не в тот же день стал известен всему миру.

1961 год. Дания. Первое свободное от советской цензуры выступление: «...Нуриев метнулся на авансцену и завертелся в каскаде дьявольски стремительных пируэтов... никто не мог остаться равнодушным к горящему в его глазах пламени, к той невероятной энергии, которая обещала еще более волнующие впечатления... этот тонкий дикий Пан... магический, погусторонний, нечеловеческий... Один против всех – это было для него естественной ситуацией».

Естественной была и громкая слава, и трагедия широко и сладко пожившего нетрадиционала. Знобко, но от вопроса не отвязаться: спидоносители, захороненные без сожжения, оставляют что-то заразное для будущего человека. нечаянно раскопавшего захоронение? Сожженные – имеют чистый пепел?

Глядя на высказывания Рудольфа Нуриева в адрес Иосифа Бродского из далекого сегодня, можно беспристрастно констатировать: Нуриев не оригинален. «Живой труп» русской литературе давно известен: с какой стороны ни посмотри на цитату величайшего в мире балетчика, все сказанное им о Бродском куда как в большей степени относится к самому Нуриеву. И Бог ему судья.

Мир живет в ожидании нового Рудольфа Нуриева, пока никем не превзойденного балетчика, но философом, мыслителем Нуриева, при всем желании, не назовешь. Об этом же говорит стихами из глубины веков непревзойденный мастер живописи, скульптор и поэт-мыслитель Микеланджело Буонаррото (1475-1564 гг.): «Я только смертью жив, но не гаю./ Что счастлив я своей несчастной долей./ Кто жить стремится смертью и неволей. – / Войли в огонь, в котором я горю».

* * *

Интервью Бродского, как благодатный образчик высочайшего полета человеческой мысли, порой не бесспорны, а то и вовсе несут абсолютно неверную информацию.

6 декабря 1987 года. Б.К.И., С.280: «...Эти земли Екатерина Вторая когда-то подарила Суворову, и крепостного права здесь не знали никогда. В 1919-1920-м революция в эти места не пришла, а пришла нищета...»

30 марта 2004, газета «Коношский курьер»: «... Вполне возможно, 40 лет назад в Норенской еще помнили старики о «Суворовских дачах». Бродский

хоть и недолго жил в деревне, но историей края интересовался, много беседовал со знающими сельчанами... Чуть южнее (в нынешнем Вожегодском районе Вологодской области) находилась, среди других известных стране фамилий, и усадьба Суворовых. Имение Любино принадлежало Суворову-Рымникскому Александру Аркадьевичу – внуку полководца.

А земли в районе Норенской были приписаны в старину к Прилуцкому монастырю и потому раньше именовались Игумны. Прилуцкий монастырь – это та самая могучая каменная крепость с мощными башнями и стенами, которую видит из окна поезда (*вагона* – Н.Б.) всяк, подъезжающий к Вологде».

От имения Любино (еще в начале двадцатого века писали «Люблино») до первых монастырских земель в пределах 20 километров. От Любино до самых родных мне деревень (Турово – родина мамы, Тюриковская – моя родина) чуть больше десяти километров. Они на дороге, на старом тракте «Вологда-Архангельск», который отчасти прошел и проехал в сторону Игумнов (и не только) автор этнографических очерков, известный Вологодский краевед Андрей Алексеевич Шустиков (1859-1927 гг.). Описал свои впечатления в путевых заметках «По заходустьям Вологодской глубинки» (1918-1919 гг.). Заметки, в числе материалов различной направленности, включены в книгу «Вожега. Краеведческий альманах. Вологда. «Русь», 1995 г.».

Следом за Шустиковым мысленно шагаю из Явенги, каждый кусочек дороги хорошо знаком со школьных лет (в Явенге десятилетка для ближайшей округи и по сей день). Шустиков проходит в Турово, минуя Тюриковскую. Возможно, не хотел уходить с тракта Вологда – Архангельск, который проходил вблизи деревни Турово (так говорили старики). Но уже в начале двадцатого века тракт утратил свое прежнее великое значение... Построили Северную железную дорогу.

Архангельский тракт (ширина проезжего полотна в иных местах достаточна только для развезда двух повозок) ремонтировался за счет земских средств. И до сих пор на отрезке участка Любино – Тюриковская (чуть в стороне от новой дороги) можно встретить крохотные кусочки, которые по особому греют душу: надежная твердь полотна при наличии окружающих болотных участков, четкие границы канав, заросшие придорожной ольхой...

Альманах. С.162: «...и отправится (*из Явенги* – Н.Б.) в Турово, до которого 23 версты самой отвратительной дороги... а после обеда сходит в Тюриковскую (в трех верстах от Турово)... Вообще народ (*в Турово и Тюриковской* – Н.Б.) не забитый, не низкопоклонник, как в других местах уезда, а держит себя как равный с равным, ибо крепостного права не знал. Помещичья усадьба была здесь только одна, это Люблино, светлейшего князя Суворова, да и в ней, кроме управляющего, никто не жил... Из Турова ведут на свет Божий три дороги в село Троицко-Енальское, в

Явенгу и в Кремлево. и все одинакового расстояния – 23 версты (*Кремлевская волость. Монастырские земли* – Н.Б.)... С.146: «...в ходу почти нет денег: «почто они нам!» – говорят в Турове... Народ живет вольный. в хлебе не нуждается. Кругом леса непроходимые. грибов и ягод не могут убрать... Скота всякого держат помногу. а потому и масло. и шерсть свои. а из шерсти делают одежду и обувь для зимы».

От богатого. судя по словам Шустикова. Турово до первой монастырской деревни – пять километров. Деревни дружили между собою. Природные условия практически одинаковы. Откуда взялась нищета в послереволюционной Норенской (в Игумнах)? Может быть. жителей этих деревень разучил работать монастырь? Революция тоже. вероятно. поспела всюду.

В деревне Тюриковской (об этом сказано стариками) на одном из первых собраний советской власти два серьезных мужика и хозяина по фамилии Спецовы (основная фамилия деревни) успели сказать только несколько слов о новых порядках. которые не греют душу настоящего земледельца. беспредельно любящего родные края...

Мужчин тут же увели в сельсовет по старому Архангельскому тракту. мимо господского имения Суворовых. О мужчинах никакого слуху больше не было. Ах и увы. в Лету канули многие и многое. Еще в середине двадцатого века мои родные деревни стопроцентно оправдывали преимущественность в Тюриковской фамилии Спецовы – «спещь». значит.

«Помнили старики о «Суворовских дачах». Вероятно. что-то подобное и навело Бродского на мысль о владениях А.В. Суворова в Норенских пределах. Альманах. С.143. прим. 4 – «Дача» – здесь имеется в виду участок земли под лесом».

И столь же непонятна фраза из цитаты Шустикова «ибо крепостного права не знал». В альманахе. после списка помещиков Вельского уезда Вологодской губернии (1820 – начало 1830-х годов). помещены таблицы: Владычские деревни Вельского уезда. Деревнями Турово и Тюриковская в числе 12 владычских деревень Енальской волости Вельского уезда владели Олешевы – Зубовы (1833 г.)...

Олешевы. если моим подневольным предкам станет хоть капелюшечку полегче на небесах. были не какие-то замухрышки. а занесены в 6 часть Д.Р.К. В.Г.

Кстати. Батюшков Николай Львович (1755-1817 гг.). отец поэта Конст. Ник. Батюшкова. тоже был внесен в столбовые дворяне. хотя владел 1 душой мужского пола в Катромской волости...

Деревнями Турово. Ихтинская то ж – 53 д.м.п. и Тюриковская то ж – 37 д.м.п. – владел Олешев Василий Алексеевич. камергер. д. ст. советник. сын Алексея Васильевича Олешева и Марии Васильевны Олешевой. урожденной Суворовой (сестра полководца Суворова).

К 1833 году данные владения Олешева перешли в руки Зубовых (графа, внука известного полководца А.В.Суворова Валериана Никол. Зубова и его матери Натальи Александр. Зубовой, урожденной Суворовой («суворочки»).

В 1860 годы бывшее Вельское владение Олешевых – Зубовых находилось в руках внука А.В.Суворова – светлейшего князя Александра Аркад. Суворова – Рымникского.

От владельческой деревни Турово до монастырской Тундрихи (повторяюсь) всего пять верст. Деревни дружили века, и до сих пор в моих родных деревнях помнят о походах на праздники в Тундриху, хотя сегодня ту пеше-гужевую дорогу днем с огнем не сыскать. Одним из первых и, вероятно, последних настоящих краеведов Вологды у нас побывал Шустиков. Честь и хвала всем неравнодушным.

Честь и хвала Иосифу Бродскому, в очередной раз заставившему меня смотреть книги, до которых просто бы руки не дошли. Всех ошибок не учтешь и не исправишь, но главная исправлена: потомки генералиссимуса Суворова действительно располагались в пяти километрах от монастырских Игумен. И на господской «суворовской даче», по договоренности монастыря и владельца Турово, можно было отыскать любой лесок и в любом количестве, поскольку, по словам краеведа Шустикова – «... кругом леса непроходимые».

* * *

В одном предположении (претензии к Солженицыну) Людмила Штерн, вероятно, права: «Меня ошеломил недоброжелательный, раздраженный тон статьи...». Это высказывание автора очень доброжелательной книги о Бродском (об исключениях данного плана будет в свое время сказано) стало красной нитью всего, что пишу – «за» Бродского, Солженицына или «против».

Но сначала отсылаю читателя заглянуть в книгу «Мир Иосифа Бродского», где в числе других помещены заметки Игоря Ефимова «Солженицын читает Бродского». Вы прочтете их с удовольствием. В них, кажется, сказано все о тональности Солженицына, неадекватных истинах, неадекватно выраженных. Претестны по форме и сути содержания. Ни «гульче», «елче», ни спорной штаты автор не упоминает. И он абсолютно прав. Это в любом случае – писать, упоминать в роли оппонента – незначительное событие для настоящего критика. Не удержусь, чтобы не процитировать прекрасные пожелания каждому, кто анализирует художественные произведения, строчки из заметок Игоря Ефимова: «Всему нашлось место в этом исследовании, кроме простого читательского восхищения стихами».

Справедливости ради надо заметить, что у Солженицына есть и восхищение. Мастер литературного уровня Солженицына не мог не заметить временами лю-

шейся через край красоты, поэтической глубины и достоверности стихов Бродского. Но эта полупрозрачная капля меда досуха вылизана регионом саркастических скорпионов и скорпиончиков, саранчой напушенных Солженицыным на литературное и даже бытовое поле Бродского. Зато уж сколь, вероятно, счастлив начинающий литератор (и не только начинающий), если его опекает Игорь Ефимов, человек знающий и – главное – умеющий своевременно и деликатно подать свои знания.

А вот как сам Бродский представлял место и возможности критиков в обоюдном литературном процессе. Б.К.И., С. 173: «... критика, анализ, описание – то есть взгляд снизу вверх, потому что поэзия высшая форма языка».

С.246: «Никто – ни писатель, ни тем более критик – не должен себе позволять озирать литературу с птичьего полета, каким бы орлом он себя ни почитал, и, паче того, оглашать свои окончательные выводы – даже на смертном одре. Да и вообще, чем более предвзятое мнение высказывается, тем интереснее».

Последнее предложение цитаты Иосифа Бродского уплывает за горизонты первоначальной мысли, несет прозрачный налет двойственности. Его можно с полным правом отнести и в сторону критиков, и писателей (поэтов).

С.535: «...Я не хочу сказать, что современники не имеют права судить поэта, просто когда судят современники, великое рассматривается сквозь призму мелкого».

С.536: «...поэта нужно судить с той высоты – или, скорее, с той глубины, – где он сам находится».

Не скажу, при всем уважении к гению, что сам Бродский, говоря о творчестве литератора, каждый раз мысленно старался занять его место, рассуждать с его колокольни, творческой и бытовой, в частности. Не скажу, что «недоброжелательность и раздражение» прощительны для тех, кто при жизни занял одну сотую вершины литературной пирамиды, оставив всех нас, не гениев, в 99 центов, 99 сотых.

Но это тоже истина дня, века, веков. Да и сама Людмила Штерн, правдиво и чистосердечно (по возможности) пища о Бродском, подтверждает эту неприятную (неприглядную) истину на каждом шагу. Ленинградскому Осе, для сохранения обоюдного равновесия, душевной (духовной) разрядки можно было не раздумывая – шутя, любя, нарощно – врезать, используя, принятую и в те времена в молодежных (особенно молодежных) аудиториях ненормативную лексику.

К Жозефу в Америке, уверенно и необычайно быстро (на взгляд со стороны) занявшему тоже вершину одной сотой для гениев, приходилось сплоть и рядом приравниваться, присматриваться, оценивать нравственную обстановку, душевный напряг или духовный неуют поэта, поразмыслить основательно, а уж потом, если обстоятельства позволят, крыть правду-матку в прежнем ленинградском варианте.

За то, что друзья не вставали в позу по мелочам, старались не делать этого, берегли залетую (нарушенную) психику поэта – мы получили не просто пятого по счету выходца из России Нобелевского лауреата в области литературы, но и, вероятно, единственного россиянина, официально названного гением. Россиян-последователей пока что нет. Игра – терпение и понимание друзей, сострадание, духовная и душевная помощь поэту – стоила свеч.

* * *

Скандално переиначив цитату Солженицына, москвич Бондаренко дальше пишет в своих заметках (журнал «Северная Двина – XXI век», №2, 2004.) и совсем уж масло масляное. Буквально, как обухом по лбу, прочтя стих Бродского «Народ». Здесь требуется совсем иная интерпретация, которая не унижит Бродского (точнее, исследователя текста, подчеркнув его неумение читать литературные фишки) и не подаст поэту милостыню обманного величия. Ему и реального-то... куда с добром деваться.

Да, написал Бродский стих «Народ», хотя такого народа в массе ни в одном царстве-государстве не прослеживается. Ну и что? За это поэт в ответе только перед собой и Богом. По какому праву хулители или восхвалители, что в данной ситуации практически равнозначно, по-прежнему приставляют нож к горлу светлой тени поэта. Именно таковы восхваления Владимира Бондаренко.

И не хотелось бы думать, что Бродский (хотя имеет право) с высоты его гениальности столь негениально пошутил. Однако и эта дорога в мире поэзии торная. Вспомним шутку Пушкина с Моцартом и Сальери. Есть и абсолютно параллельная шутка Достоевского, исполненная, впрочем, до болезненности архисерьезно, как все им написанное.

Радио «России». Передача «Персона грата», 18 апреля 2006 прозвучала фраза: «Достоевский придумал русскую душу, которой (как ее изобразил Достоевский – Н.Б.) на самом деле нет. Но все читается очень интересно».

Вопрос философский необычайно, практически неразрешимый, ибо невозможно поставить точку на плюсе или минусе, который невозможно увидеть или потрогать, чтобы ответить стопроцентно: есть такая душа или нет? Склоняюсь к тому, что такая душа была более (только более) реальна на заре начала цивилизации, в допетровские времена, более трехсот лет тому назад. Хотя все эти домыслы-рассуждения напоминают игру в психологические фишки.

Но почему бы в таком случае Бродскому не пойти в данном направлении чуть дальше других, продолжить и углубить (расширить) вопрос, написать стих

«Народ», вместилище души, придуманной Достоевским. Тем уж более, что физический носитель такой небывалой для сего дня души, тоже вполне мог просочиться с допетровских времен.

Можно посмотреть на проблему написания стиха «Народ» с иной стороны. Б.К.И.. С.324:

– Нечто подобное метафизическому восприятию мира можно наблюдать у Тютчева – хотя я отношусь к этому поэту достаточно сдержанно по причине его чрезвычайно верноподданнической поэзии. – государство Российское не знало более лояльного поэта, чем Тютчев... думаю, поэты сталинского периода, писавшие «Слава Иосифу Виссарионовичу», в значительной мере уступают Тютчеву.

Неуместно после драки кулаками махать (о «поэтах сталинского периода»), но с Тютчевым вы, Иосиф Александрович, хватили лишку. Каждый выживает по-своему. И куда же в таком случае прикажете спрятать от глаз и души «верноподданнические и лояльные» стихи о несуществующем народе.

Сказать попросту, то редкому из смертных хоть раз в жизни не приходилось играть (репетировать уж непременно) роль двуликого Януса. И не вы ли на каждом шагу подчеркивали: «Главное для литератора – хорошо писать». Лучшее (или одно из лучших) стихотворений Тютчева, как нельзя точнее передает атмосферу личной (частной, общественной) жизни поэта – «Молчи, скрывайся и тай./ И мысли, и дела свои»... Таких строк от сладкой жизни не напишешь. Строчка из стиха «Народ»: «...Говорящий бесстрашно великую правду свою...». Если вспомнить, что это написано в декабре 1964 года в деревне Норенской, то может быть воспринято за розыгрыш, за насмешку над действительностью, за горькие слезы вконец отчаявшегося человека или как надежду на светлое будущее. Но ведь на любое из этих (любых других) чувств имеет право любой сочинитель.

Б.К.И. С.572: «...кстати, как раз до известной степени стояла такая задача – переабсурдить абсурд, что, я думаю, до известной степени мне и удалось».

Эти слова поэт сказал о стихах на любителя «Горбунов и Горчаков». Поскольку стихи «Народ» не были известны зарубежью, то и вопросы о них поэту не задавались. Никто и не спросил примерное: «Куда же смотрел ваш боже-ственно кристальный народ, когда над вами (ох, над многими) издевались в психушках, вы страдали в тюрьмах, в ссылке?»

Поэтому есть возможность предположить, что стих «Народ» был написан Бродским с той же целью, свойственной, вероятно, более всего гениальным натурам «переабсурдить абсурд». И в таком случае можно, положив руку на сердце, констатировать, что в подлунном мире не было и нет более гениального абсурдиста, чем Иосиф Бродский.

Могу предположить еще один абсурд, свойственный кисейным барышням прошлых лет и... поэтам всех времен и народов. Стих «Народ» был просто-

напросто несбыточной мечтой поэта. «Городом Солнца» Томмазо Кампанеллы в Норенском варианте.

Вспомним, как робко, почти мечтательно говорит Бродский о самом вероломном шаге со стороны властей, о буквальном изгнании из России. Б.К.И., С. 183 и 191: «Когда мне об этом сообщили, я был несколько обескуражен... Я не очень хотел уезжать. Дело в том, что у меня долгое время сохранялась иллюзия, что, несмотря на все, я все же представляю некоторую ценность... для государства что ли...»

Знание так отягощает сознание и осознание реалий быта, что поневоле вспоминаешь о вольном или невольном лукавстве подназорного поэта. Самая мудрая королева на свете – Анна Ахматова, вернувшись из Англии (благословенного Оксфорда) в 1965 году, естественно, успела сообщить поэту о том, какой благодатный прием окажет ему просвещенный Запад. Если так, то этот грех лукавства на совести гения. Интервью даны в 1981 году, а стихи написаны в 1964. Значит, Норенский вариант «Города Солнца» вполне мог иметь место.

Предположение, уничтожительно отвергнутое Бондаренко, что стих «Народ» воспринимают, как «паровозик», написанный в надежде на снисхождение властей, – вполне вероятно. Ну и что? Интересно, кто из нас, даже непинанный и неоплеванный принародно, людей из слабой плоти и горячей крови, в данной ситуации отказался бы от подобного «паровозика»? То-то же, дорогие и уважаемые братья и сестры Павлика Морозова.

Иные из россиян настолько преуспели в подобных деяниях, что бедный Павлушка утонет в них с ручками, «паровозики» и Павлики Морозовы – нравятся нам это или нет, другой вопрос – в России, возможно, во всем цивилизованном мире – неистребимы. Они были, есть и будут бегать по рельсам нашего перевернутого с ног на голову быта (бытия) до тех пор, пока вся планета не станет единым «Городом Солнца» Томмазо Кампанеллы (1568-1639 гг.).

«Город Солнца», расслаблявший лириков до состояния молочного киселя еще десятки лет тому назад, сегодня напоминает только о том, что мы «живем» при коммунизме уже больше четверти века, но замашки у нас средневековые, инквизиторские.

В заметках Бондаренко, присланных в Архангельск из столицы-матушки, все как-то неколебимо провинциально. Узко. Трескуче. Поверхностно. Вроде тех «гульче», «едче», но уже не улыбнешься, как той литературной игре в слова, а невольно испытываешь состояние трясиной безнадежности, особенно читая одну из последних фраз: «Мы русские патриоты».

Вживе такую разновидность русского народа встретить невозможно, если только «тот патриот» не знает, что за ним наблюдают телекамеры и массы. Тем уж более, невозможно почувствовать «патриота» душой, когда он расположен побыть «без галстуков» или наедине с самим собой. По образному выражению

Фридриха Ницше – «В обществе собственной свиньи». но, по мнению Василия Розанова, – «Наедине с Богом». «Мне лучше, когда я один. – писал Розанов (1856-1919 гг.). – Когда я один, я с Богом».

Редко-наредко в нашей суматошной жизни сверкнут кусочком небесной радуги люди, одержимые каким-то конкретным делом на благо общества за счет личного времени и средств. Однако при слове «патриот» они обычно роняют подобную фразу: «Ну, ты уж загнула!»

* * *

Постараюсь выпрямиться за счет Людмилы Штерн. Порицая (*и справедливо* – Н.Б.) Солженицына за тон, «полный самых разнообразных придирок», не станем забывать и о том, что творчество Бродского его действительные друзья-приятели не столь уж и высоко ценили в своих кипучих буднях ленинградской молодости. Слово ангелу-хранителю: «...мы все соглашались, что Бродский талантлив, даже очень талантлив, но мы не воспринимали его как чудо. Вокруг все писали стихи».

Следующий абзац из книги Штерн настолько тешит мое земляческое самодлюбие, что я готова цитировать этот кусочек текста круглые сутки: «А что Бродский не такой, как мы, а «из другого теста сделан», сказал мне впервые дядя Гриша, родственник нашей няни Нули, часто приезжавший из деревни Сквятино Череповецкого района Вологодской области... Читал Иосиф в тот вечер много... «Ты мой лес и вода: Кто объедет, а кто как сквозняк...» Когда Иосиф прокричал последнюю строку, дядя Гриша перекрестился. Я стала невольно следить за ним. Он крестился и шептал что-то почти после каждой строфы в стихе «От окранны к центру». А поутру, когда я спросила, понравились ли ему стихи: «Я в стихах не разбираюсь, с четырьмя-то классами образования. Да и не в стихах дело, – сказал дядя Гриша, – а вот мысли... Иосиф ваш вчера столько мыслей высказал, что другому человеку за всю-то жизнь в голову не придет... Таких других не бывает. Нет, не простой он человек».

Все-таки напрасно Иосиф Бродский назвал жителей деревни Норенской «необразованными». Дядя Гриша, абсолютно необразованный, оценил гения с точностью до микро-макро частиц. А вот образованная Надежда Мандельштам, прожившая годы рядом с образованным поэтом, давая характеристику Иосифу Бродскому, что называется, «ткнула пальцем в небо» и даже дважды умудрилась сделать это, оказавшись самой неискусной из пророчиц, удивительно высокомерной по отношению ко всем, кто не являлся Надеждой Мандельштам.

Эта высокомерность еще как-то простительна друзьям-приятелям ленинградской юности поэта – молодые видят и ценят только самих себя. Надежда

Мандельштам. Б.К.И., С. 75: «...он славный малый, который, боюсь, плохо кончит». Иосиф Бродский, не думая о том, что «он плохо кончит», с детских лет был таков, кого просто нетовко, как полового в тракторе, называть «славный малый».

Это с одной стороны, а с другой, иногда, сколько ни пытайся, не проникнешь в суть сказанного Бродским. В частности, эта его любовь к предпочтению поэтов над прозаиками. С. 215: «Поэт, он все-таки в той или иной степени прирожденный демократ...» Но в мире литературы великое множество прозаиков-демократов. И не меньшее число поэтов, живших с точностью до наоборот. Среди прозаиков-демократов первым пришел на память Виктор Петр. Астафьев... Вероятно, этот список бесконечен.

* * *

Мой земляк оценил гениальность Бродского своей не менее гениальной душой, буквально человека из народа, последую его примеру, уж во всяком случае, постараюсь. Самые первые строки из стиха «Стансы городу» (02 июня 1962) повергли душу обычного смертного в пучину такой безысходности и божественной нежности одновременно, что пришлось отложить чтение и заставить себя мысленно вернуться к проблемам дня. Где далеко не все в розовом и атом шеве пребывает, но уж поводов для написания копии «Стансов...» нет и в помине (речь о поводах личного плана, ибо обстановка в стране, в мире – сплошь канва для «Стансов...»).

В «Стансах...» Бродского выбивается из текста его нежнейшей и глубочайше-высочайшей тональности только одна фраза – «сей шаг вспоминающая». Неуместно высокопарна, будто бы речь идет об освобождении чуть ли не мирового пространства от какой-нибудь извечной проказы человечества, допустим, чумы или холеры хотя бы поэтического плана... И эта неудачная во всех смыслах фраза, неоправданность устаревшего «сей» абсолютно перекликается с такой же несуразией и околесницей из стиха Пушкина – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (к чести поэта, при жизни он свой «Памятник» не публиковал).

Тем паче, что и время написания строк поэтами разнится более чем в полтора столетия. Пусть Бродский был еще молод, очень молод, но все-таки обидно, что эта необычная фраза, определяющая все-таки привычное земное явление («поет», «поглотит», потребовалась только для звуковой убежденности, обычной текстовой рифмовки – «сей шаг вспоминающая» и «неподвижная слава земная». Второе сочетание особо музыкально-прекрасное и глубокое по смыслу, все-таки далеко не бесспорное по сути. Но таковы уж неравномерности душевных поэтических

терзаний, если меньше чем через год Иосиф Бродский выдал чистейший поэтический бриллиант – «Большая элегия Джону Донну» (7 марта 1963).

Цитирую Галину Васильевну Старовойтову, которой не суждено было одолеть свой собственный порог безысходности и шагнуть в ХХI век, для нее оказался последним 1998 год: «... часто сама, не за океаном, а всего лишь в Москве, испытываю к Петербургу пронзительную, почти болезненную любовь. Лучше всех выразил эти чувства Иосиф».

Золотые слова и вовремя народились. Такого «нерукотворного памятника» любимому городу, а, значит, и себе самому – пока что ни один поэт, кроме Иосифа Бродского, – не создал. Поэту, вероятно, было на небесах заповедано заранее проститься с Ленинградом. Это была для него (и для нас) трепетнейшая весточка из книги жизни поэта, из его будущего.

Стихов подобной поэтической и одновременно бытовой (обытовленной) пронзительности у Бродского больше не встретила, кроме, может быть, не менее пронзительных строк – «... Вряд ли там кто-нибудь./ кроме солнца садится./ как успела шепнуть/ аэроплану птица». Строки, естественно, более пронзительны, но их написал взрослый, умудренный предестями и несурзностями, чтобы не сказать – гадкостями все-таки божественно прекрасной жизни.

Стихов не встречала, может быть, плохо смотрела, но подобных строк великое множество. Иногда это устрашающая, но совсем нестрашная пронзительность – «И если призрак здесь когда-то жил, то он покинул этот дом. Покинул». «И мертвецы стоят в обнимку с особняками». «Воротишься на родину. Ну что ж. Гляди вокруг, кому еще ты нужен». «Два глаза источают крик». «Мотылек, мотылек, от смерти себя сберег».

* * *

Мои поседевшие ровесники, любители русской и зарубежной словесности без промедления ответят на вопрос: «Кто из русских писателей более других одарил нас обилием прекрасных пословиц, ставших частью нашей обыденной речи?» Конечно же, Александр Серг. Грибоедов (1795-1829 гг.). Вероятно, пословицы приходят в нашу жизнь постоянно, как люди, но этот вопрос во вступительной статье книги «Русские пословицы и поговорки» (1988 г.) никак не отражен.

И вот прошло 129 лет под флагом жизни пословиц Грибоедова, и более ранних, поздних. В Ленинграде молодой человек восемнадцати лет пишет «Стихи под эпитафией» (июнь 1958), только в одном этом стихе насчитала аж семь пословиц. Допускаю, что часть из множества пословиц в стихах поэта могла быть заимствована, – да простит мне светлая тень Бродского эту вольность от лени и незнания.

Но в книге «Русские пословицы и поговорки» ни одна из написанных далее изюмнок-шелдевринок русской речи не засветилась – «Каждый перед Богом наг», «В каждом из нас Бог», «У каждого свой Храм», «В каждой музыке – Бах» – здесь еще и божественная игра слов: Бах – шум; «Пришел сон из семи сел», «Взирать на мир из глубины ведра», «Не мы их на свет рожали, не нам предавать их смерти» – в первые годы после окончания Великой Отечественной (может быть, и во время войны) со сцен провинциальной вологодской глубинки (возможно, всей России) не сходила весьма патриотическая поэма (к стыду, не помню ни названия ее, ни автора), в ней речь шла о матери, пришедшей во вражеский стан, чтобы убить своего единственного и горячо любимого сыночка, который перешел на сторону врага.

Многочисленные солдатские вдовы, таких в деревне было большинство, рыдали навзрыд. Мы, малыши, мало что осознавая, тоже ревели в голос, за компанию.

Позднее, в школьные годы, прочтя грозные слова Тараса Бульбы, обращенные к своему сыну, тоже перебежчику во вражеский стан – «Я тебя породил, я тебя и убью» – уже никто не плакал. И обе поэмы потихоньку канули в Лету... Но поэма из лет Великой Отечественной сумела стать хоть на краткое время «очень дорогой ложкой к обеду». Вероятно, мои сельчане (вся страна) думали в примерном ключе: «Ведь та женщина даже сына родного ради скорой победы над фашистами не пожалела, а от меня только и требуется для восстановления порушенного войной хозяйства, чтобы ломить крутые сутки». И ломили. Погонять никого не приходилось. На колхозной полоске ржи или ячменя женщины разгибали спину чаще всего для того, чтобы определить, которая соседка ушла вперед или отстала.

Вот такой благодарственный гимн спела душа в адрес русской женщины послевоенных лет, а все из-за умения Иосифа Бродского уложить в одну пословицу значимую часть окружающей нас жизни – «Земля везде тверда», «Оцепеневший дуб кивает Лукоморью» – здесь четко просматривается двузначие слова «оцепеневший» (о часто встречающемся в стихах Бродского двузначии – позже): «Когда-нибудь должен возникнуть язык» (1996 г.). Вероятно, это одна из последних красотул. Чтобы не заканчивать абзац печальной нотой, приведу две равно прекрасные пословицы – «Ты маятник и маятнику брат» (1962 г. – двузначие слова «маятник»), «Вода затягивает след» (1964 г.).

Поспешно отнесена к пословицам (Ирина Ковалева. «Мир Иосифа Бродского» С.189) фраза – «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». В тексте фраза овяна бесподобной красотой, изыском божественности, куртуазно – виртуозностью, свойственной части поэзии Иосифа Бродского. Вне текста ошушается тонюсенькая паутинка недоумения, непрописанности, если речь идет о пословице: мы все рождены в Империи (державе).

стране, государстве). Уж не говорю о прелестях духовной жизни в глухой провинции, ее по-прежнему заскорузлой однобокости.

Память выдала единственного поэта, оставшегося верным провинции – Роберта Фроста (1874-1963 гг.), который, проучившись год в Гарвардском университете, вернулся в деревню и занялся разведением кур, и писанием стихов, естественно, и стал почетным профессором многих знаменитых американских университетов.

Речь об этом поэте дальше, сейчас продолжаем разговор о пословицах. Пословица – это истина, как аксиома в математике, не требующая доказательств, если она не создана при царе-косаре. Истинные пословицы Бродского не требуют пояснений – «Невеликий труд бросить камень в пруд», «Собирались лечь, да простыла печь». Эта поднебесная красота и глубина скорей всего навеяна жизнью поэта в Норенской. Тут, даже зная точное время ее прихода в мир, душу Бродского, прослеживается на уровне ошущений некоторая подневольность души (духа) человека, сосланного или изгнанного из России.

Эта подневольность, изломанность жизни вдали от родины, в эмиграции – бытовая и поэтическая, пожалуй, более других прослеживается в судьбе Владислава Ходасевича. Прослеживается и такая же неозлобленность поэта в адрес сложившихся обстоятельств, приведших к эмиграции. Какое-то вселенское, философское понимание вынужденности эмиграции.

* * *

Надеюсь, когда-нибудь наши мыслящие детки услышат от своего обожаемого словесника примерную фразу: «История русской литературы знает, наравне с другими, двух великих творцов пословиц – Грибоедова и Бродского. Не могу со всей определенностью сказать, что в данном направлении большой лед тронулся, но скромные подвижки имеются. Во всяком случае, Вологда-Коноша-Архангельск отлично знают, что эту вечную красоту – «В деревне Бог живет не по углам» – создал и передал нам на хранение и пользование Иосиф Бродский.

Согласно школьной программе по литературе творчество Иосифа Бродского изучается в 11-х классах общеобразовательных школ Российской Федерации. В средних школах поселка Коноша, в нескольких глубинных, – с 9-х классов в рамках регионального компонента.

«Коношский курьер». 31 мая 2005. «Доктор наук, географ из Москвы, Владимир Ив. Гусаров передал в Коношу фото памятника Иосифу Бродскому в галерее Зураба Церетели. Сообщил, что галерея может установить в Коноше

копию памятника. Скульптура являет собой две половины: одна – Бродский в фуфайке и кирзовых сапогах, другая – в мантии доктора, лауреата международных премий».

27 января 2006. «Коношский курьер». Заметки москвича, академика – географа В.И.Г. «Памяти Сан-Микеле – последний причал великих»: «Из 117 островов Венецианской лагуны Адриатического моря, на которых расположился Венецианский архипелаг общей площадью 7 кв. км., все большее внимание в последнее время привлекает Сан-Микеле... В разделе «Острова лагуны» путеводителя «Венеция» о Сан-Микеле, в частности, говорится: «Предмет международного паломничества – могилы Сергея Павл. Дягилева (1872-1929 гг.), Игоря Фед. Стравинского (1882-1971 гг.)». На первой, украшенной непонятной подписью «Венеция, постоянная вдохновительница наших успокоений», обычно лежат пуанты и лапти, на второй – билеты в театр. Могилу Бродского здесь не ищите – она на протестантском участке...

... Могила обрамлена большим камнем – известняком или мрамором. Плиты на ней нет, у изголовья – стела, накрытая каменным сводом из такого же материала. Надпись на ней на русском и английских языках проста: Иосиф Бродский, даты рождения и смерти. Все обрамленное каменной кладкой пространство заполнено растущими живыми цветами, в большой керамической вазе у изголовья огромные букеты белых гвоздик.

Рядом с вазой пластмассовый стакан, полный шариковых авторучек».

24 мая 2006. Открыта мемориальная комната Иосифа Бродского в Коношской районной библиотеке его имени (03 марта 2004). Исследователь творчества Бродского, защитившая по данной теме кандидатскую и докторскую диссертации, Светлана Львов. Тюкина из г. Северодвинска Архангельской области сообщила, в частности, что бродскианцы из разных стран мира систематически встречаются на международном уровне: по творчеству Бродского пишутся и защищаются кандидатские и докторские диссертации, иностранцы специально изучают русский язык, чтобы читать произведения Иосифа Бродского на языке оригинала.

Вот такую интересную, по-современному насыщенную и, будем надеяться, бесконечно длительную жизнь, спустя десятки лет, обрела фраза любимого со школьных лет «горлана, главаря» – Владимира Владим. Маяковского (1883-1930 гг.): «Да будь я и негром преклонных годов./ и то без унынья и лени./ я русский бы выучил только за то./ что им разговаривал Ленин».

Фраза «им разговаривал» – неудобоварима, сказано на каком-то тарабарском наречии, но это подметила только сейчас, во время работы над заметками о жизни и творчестве Бродского. Заметки постепенно перерастают в книгу «Бродский... и бесконечность»... Ежедневник «Коношские ведомости» 20 июля 2006. Автор заметок о Бродском предложила провести автортур «Коноша – Венеция». И

теперь спит и видит встречи с поклонниками поэта или просто учениками 11-х классов во всех попутных областных центрах России, при наличии переводчиков и в странах зарубежья. Это будет новый виток в пропаганде творчества гения, бывшего краткосрочного поселенца Коноши и деревни Норенской.

Непонятно, за что Коноша дважды пренебрежительно отнеслась к памяти о Бродском. Памятная доска на стене вокзала до сих пор (август 2008) гласит, что «Осенью 1964 года в Коношу прибыл поэт и Нобелевский лауреат Иосиф Бродский».

Во-первых, Иосиф Бродский уже весной 1964 года получал свои заработанные рубли в третьей бригаде совхоза «Даниловский» (платежные ведомости прилагаются).

Во-вторых, согласно строгим законам русской стилистики Бродский все-таки «не прибыл» правительственным экспрессом, а был насильно привезен в арестантском вагоне с окошками зарешеченными.

В-третьих, еще как-то можно принять слово «поэт», об этом Бродский и во время судебного заседания с судьей дискутировал, но уж называть поэта Нобелевским лауреатом, не используя эпитет «будущий» – попросту неприлично.

И столь же неприлично было написать на стеле памяти репрессированным слова Бродского из стихотворения «Народ», если сам поэт при жизни не внес его ни в один из сборников. Казалось бы, завещание поэта на этот счет однозначно.

* * *

Творчество Бродского, кроме отдельных стихов, фраз, предложений, в частности, ставших пословицами или близкими к ним, миновала традиционная музыкальность, присущая русской поэзии. – «Буря мглою небо кроет» (А. Пушкин). Ее музыкальной распаханности, всеобъемлющей растворенности и слияния душ, ума, сердца, окружающей жизни «Отговорила роша золотая» (С. Есенин). Музыкальной величавости, державности «Из-за острова на стрежень».

В более спокойных, приземленных вариантах эта музыкальность свойственна практически каждому, творящему самые обыденные рифмы. Получилась несуразность из «творящих... рифмы» только потому, что Бродский называл свои, подчас гениальные стихи, – «стишатами». Но ведь каждый, кто неплохо срифмовал хотя бы четыре или две строки, пусть на краткие мгновения, но все равно ошущал себя творцом.

Никаких параллелей не провожу. Бродский ни-ко-му не параллелен. Но именно ему тоже присуща не меньшая гениальная распаханность, держав-

ность и музыкальность собственного поэтического строя, расположенного на несколько ином литературном горизонте. Читаешь и дрожь пробирает - «Гражданин второсортной эпохи, гордо/ признаю я товаром второго сорта/ свои лучшие мысли и дням грядущим/ я дарю их как опыт борьбы с удущьем». («Часть речи». С.204).

Стихи Бродского, исключения редчайши, невозможно спеть, не убив («исказив» – не из той оперы) авторскую самость поэта. Стихов, традиционных стилистически, у Бродского тоже по пальцам перечесть.

Музыкальность поэзии Бродского более всего имеет отношение к музыке небесных сфер, чем к нашей прекрасной и одновременно губительной обыденке. Иллюстрацией сказанному, в частности, служат стихи «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам» (1962 г.). В этом гениальном... по космической насыщенности, всеохватности стихе столько мыслей... Поэту только двадцать второй год, и он еще пробует ширь и надежность своих непознанных поэтических дорог. Отчасти и поэтому стих не лишен зримых недостатков: много лишних слов, ничего нового не несущих, повторы, непрописанность или откровенная несуразность, детская беспомощность двух последних глаголов из прекрасной по музыкальности строчки «Даже если Творец на иконах своих не живет и не спит».

Но это стихотворение изначально является визиткой в будущее космическое безбрежье поэта. Не удержусь, чтобы не процитировать две прекрасные послловицы или очень близкие к ним фразы... красоты, глубины и музыкальности необычайной «Ты вешь свою нить», «Вокруг твоих ног завивается свет», «Между низких ветвей лошадиный сверкнет изумруд» и «Даже в ритме начальных баллад есть какой-то разбег». Только по одному этому стиху, который легко отнести к несовершенным совершенствам, имеющимся во всех видах искусств, можно сделать чуть ли не самый подробный анализ поэтического мастерства Бродского.

* * *

Кейс Верхейл «Танец вокруг мира», С.174: «Пытаться резюмировать личность и творчество человека всего через месяц после его смерти наивно, да и неуместно. Но одно я вам все же решусь сказать: тот Бродский, которого можно было встретить с 1940 по 1996-й год в Ленинграде, в Ялте, Ассизи, Роттердаме, Бруклине (собственно, где угодно), и тот Бродский, который последние тридцать лет печатал свои стихи и читал их вслух, – оба были в первую очередь явлением вокальным».

С.118. Б.К.И., поэт вспоминает об отце: «... черной как смоль отповской шинелью с двумя рядами желтых пуговиц, напоминавшими ночной проспект. А когда отец ее расстегивал, из-под нее виднелся темно-синий китель с еще одной шеренгой таких же пуговиц: тускло освещенная улица. «Улица внутри проспекта», именно так я думал об отце, искоса поглядывая на него».

Сколько бы неопровержимо и доказательно ни убеждала я себя и читателей в противоречивости некоторых (или частей) высказываний поэта, мне все это писать легко и просто. В любую из таких трудных аналитических минут все равно помню, что именно Иосиф Бродский, как писали в старинных романах, сделал счастье моей сегодняшней жизни. И длится этот дивнейший непокой уже второй год, начиная с 29 мая 2005 года. И все это время меня бесконечно удивляет и радует высочайшая музыкальность, казалось бы, немзыкального внешне гения. Бродский о Пастернаке. Б.К.И., С.46: «Он был одним из величайших поэтов, но об этом трудно говорить, потому что вокруг подобных людей создана такая атмосфера восхищения... В подобных высотах уже нет иерархии».

Каждое слово, особенно последнее предложение, можно с полным правом сказать о самом Бродском. Иерархию отыщем, если со вниманием и без привычной нам суеты глянуть. Б.К.И., С.24: «Я думаю, что нота, которую берет поэт, звук, который он пропевает, – это действительно музыка, и та высокая нота, которую он может взять, оправдывает его во всем...»

Шла речь о гибели поэтов Сильвии Плат и Джона Берримена, все дело-то в том, что поэтам никакие оправдания и не требуются, если только сами поэты не пожелают излить душу, освободить ее от скопившейся тяжести, открывшись, таким образом, всему белому свету.

Б.К.И., С.114: «Что касается прокладывания собственной дороги (в этом смысле дорога была исключительно «своей собственной»), то это была не столько дорога, сколько блуждание на ощупь, вслепую... Что-то подбирал себе на слух или по нантию... все мы в известной степени открывали для себя изысканную словесность впервые... мы начинали литературу заново...»

И что замечательно – человеческая интуиция приводит именно к тем результатам, которые не так разительно отличаются оттого, что произвела предвещающая культура».

* * *

Вероятно, каждый из нас, читая откровенные до пронзительности душевной чьи-то, надеюсь, искренние ответы на вопросы журналистов, неоднократно путался, огорчался или радовался – да это же обо мне и сказано. Нечто подобное я тоже переживала в 2005 году. На дворе 2008, последний раз по-старинке

переписываю книгу «Бродский... и бесконечность», и теперь все схожести, несхожести мыслей с гением принимаю абсолютно спокойно. Только сегодня (26 июня 2008) осознала, чем по-большому счету отличается обычный литератор от гения. Поступаем и даже размышляем мы порой один к одному с великими, но... обозначить наши поступки и мысли словами в плоскости гения – частенько кишка тонка. Такая фраза, может быть, предельно однозная, пала на ум при очередном перечитывании цитаты Бродского. Б.К.И., С.499: «Я принимаю свое страдание, но не хочу видеть страдание соседа».

Как мыслит по данному поводу Иосиф Бродский, знает только Бог, но обычный смертный думает просто: «Свою боль, свое страдание, если хотим идти по жизни в бесконечность, мы приучаемся сжимать в кулаке. Помочь страдающему рядом человеку сделать что-то подобное – практически невозможно».

* * *

И все эти размышления будут повторяться бесконечно. «Неповторимое мертво». Юрий Буйда «Желтый дом». Прекрасное вечно. Ни о чем другом и думать невозможно, читая и перечитывая подобные строчки, наполненные не только вселенской грустью, а также и новым способом получения необычного слова и его смысла. Откроет главку о Бродском-кудеснике, бесконечное число раз подтверждавшем свою любовь «возиться со словом», опять же Кейс Верхейл, его Т.В.М., С.172: «В одном из стихотворений 1975-1976 годов, в которых Бродский преодолевает первую тоску эмигрантской жизни избытком стихотворной техники, он показывает свой, пожалуй, самый изящный словесный фокус. Зачеркивает первую букву в слове «стихотворение», и как по волшебству возникает слово не существующее, но понятно каждому русскому «Тихотворение».

Все гениальное действительно просто. «Часть речи», С.274: «Тихотворение мое, мое немое./ однако тяглое – на страх поводьям./ куда пожалуемся на ярмо и / кому поведаем как жизнь проводим». В четырех строчках разместились: философия жизни, тяготы нашей обыденки (заокеанский вариант – нантоскливейший), обилие мыслей, открытие новой формы стихотворения, которая будто бы говорит начинающим: в мире поэзии все еще возможны открытия. Дерзайте. Творите. Чуткие к слову и неравнодушные.

И сколь уж глубоки и понятны на фоне «тихотворения» более поздние слова Бродского о славе, суете премияльной (поэт отмечен «нобелевкой»), не дающей возможности буквального тихотворения, работать с текстами столько, сколько душевка желала бы. Тихотворение не просто понятно нам до божественного утомления, умлечения, но и восхищения таким малым лингвистическим действием при таком обилии конкретных дел в рамках поэзии.

Каждый равнодушный к поэзии, к слову россиянин тотчас припомнит строчку А.Пушкина «Служенье муз не терпит суеты». И остановки не случится. Ибо, так уж получилось, что загадочно-прекрасная строка великого «сверчка» не стопроцентна. Известно и другое. Музы посещают литераторов, вероятно, творцов любого толка в самых неподходящих местах для стихотворения. В частности, актер, сценарист, писатель Василий Макарович Шукшин (1929-1974 гг.), по словам очевидцев, очень плодотворно трудится в привычно шумных коридорах студенческого общежития. Аз грешной большую часть рифмулен подарила Коноша и бесконечные пути-дороги.

Вселенская же тоска, красота и музыкальность немзыкальной строки Бродского продолжается и на С.77: «...как души смотрят с высоты/ На ими брошенное тело».

С.348: «Поэт... Он щебечет постольку, поскольку он в состоянии щебечать, и довольно часто принимает шорох листьев за аплодисменты».

С.128: «Искусство, как и бедняк, само себя обеспечивает».

С.307: «... а песня – это форма лингвистического неповиновения... она ставит под вопрос весь существующий порядок».

* * *

Записывая давно подготовленные штаты, почувствовала какую-то побочную приятность, кроме восхищения умением Бродского сказать по-русски так, что каждое слово и главная мысль читаются мгновенно, но тона и полутона требуют дополнительного внимания. Глянула в начало данной беседы. Так и есть. Эта приятная побочность от ума – разума Эни Лаутербах. По всей вероятности, Бродскому было тоже легко и приятно общаться с этой леди, заранее настроенной на добрый лад, на глубокие и серьезные ответы «строного и рационального писателя».

Меня особенно привлекла закавыченная фраза. Ибо в общении с Лаутербах Бродский, абсолютно не лирик, бывал особенно мягок и нежен, как первейший лирик-песенник, настолько необычайно он расслаблялся. Почему бы и нет, наша жизнь не только «конечна», но и предельно коротка: «Если я могу чем-то гордиться как русский поэт, так это тем, что в 1961 или 1962 году, в одном из первых своих стихотворений – впервые в России за сорок лет или даже больше я употребил слово «душа».

Бродский впервые «употребил» (какой ужаснейший по звучанию и смыслу глагол) слово «душа» в стихе – «Воротнись на родину./ Ну что ж./ Гляди вокруг, кому еще ты нужен.../ Как хорошо на родину спеша./ поймать себя в словах неоткровенных/ и вдруг понять, как медленно душа/ заботится о новых переменах», (1961, «Часть речи», С.13).

Пыталась отметить все последующие стихи, где неслышно и нескончаемо - самозабвенно пел о «душе» поэт, но их – стихов и строчек – оказалось слишком много, поэтому закончу главку о приятной обоюдно встрече приятных для меня людей их же словами. Иосифа Бродского и Энн Лаутербах:

– Правда?

– Да. И я продолжаю его использовать, как только ты это сделал пути назад нет.

* * *

Кто ищет, тот всегда найдет. Литургически-распевная монотонность (музыкальность) голоса Бродского, как подчеркнул в интервью Феликс Медведев, идет, если можно так выразиться, от литургически-раскрепощенной души поэта, будто светлые облака медленно и в изобилии плывут по бесконечному небесному пространству. Они куда не спешат. У них впереди вечность. Примерные слова можно сказать о большинстве нетрадиционных по написанию стихов Бродского, манеру письма которых назвала для себя «стилистически распластанной».

Б.К.И., С.121:

– Когда речь заходит о ваших стихах, то часто говорят о влиянии Джона Донна?

– Это чушь... Кто я такой, что бы он на меня влиял... Джон Донн куда более глубокое существо, нежели я. Я бы никогда не смог стать настоятелем ни в Святом Павле, ни в Святом Петре... русская поэзия оперирует в чрезвычайно простых строфических единицах – это станс, четверостишие... у Донна я обнаружил куда более интересную и захватывающую структуру. Там необычайно сложные строфические построения. Мне это было интересно, и я этому научился.

С.154:

– Когда вы писали «Большую элегию Джона Донна», что больше на вас влияло – его образ или собственно его поэзия?

– Я сочинял это, зная о Донне чрезвычайно мало... даже не столько его образ, сколько образ тела в пространстве. Донн – англичанин, живет на острове. И, начиная с его спальни, перспектива постоянно расширяется. Сначала комната, потом квартал, потом Лондон, весь остров, море, потом место в мире... В ту пору меня это, ну, не то чтоб интересовало, но захватило в тот момент, когда я сочинял все это...

Меня, все прочтенное в Б.К.И. о «Большой элегии Джону Донну» настолько захватило, что, только открывая первую страницу стиха, выпала мнение, которого еще не имела: «Жалко тех, кто ни разу не прочтет «Донна...». Закрыв по-

следнюю страницу «Элегии...»), стала вздыхать и машинально повторять: «Да, да, да», – до тех пор, пока не заметила этой несурзанности. Потом вспомнила некоронованную королеву Анну, ее мнение о «Большой элегии...», и спокойно села на свой шесток.

С.181:

– Был ли какой-то момент, когда вы вдруг решили посвятить себя поэзии?

– Нет, это произошло постепенно, без драм и травм... На самом деле мне помогла понять это Ахматова. Я показал ей «Элегию Джону Донну», она сказала нечто вроде «Вы не представляете себе, что вы написали», и я каким-то образом понял, что это не просто комплимент... что это нечто большее, чем просто стихи.

Мне подумалось: «Сколь же была умна и умела мыслить королева Анна, сколь далеко простиралась ее мудрость в бесконечном хаосе и сумбуре тех дней. Только такими (подобными) словами и можно было огоршить, заставить задуматься молодого поэта в неполных 23 года, написавшего настолько музыкальное произведение, что его можно читать детям перед сном. Каждая строчка почти поется, отчасти усиливают «колыбельное» впечатление и повторяющиеся слова «уснул», «спит», «спят».

Обидно за тех, кто ни разу в жизни не прочтет «Элегию...», чью душу не полонит хоть одно стихотворение Бродского, кто ни разу не восхитится обилием поэтических дорог гения.

* * *

Джон Донн (1572-1631 гг.). Энциклопедия для детей. Том 15. Часть первая. 2000 г. Первая книга стихов Донна вышла в 1633 году. В энциклопедии есть одно стихотворение Донна в переводе Бродского.

Джон Донн был основательно забыт. В двадцатом веке о Донне всерьез напомнил крупнейший английский поэт и критик Томас Элиот (1888-1965 гг.). Хочется верить, что когда-нибудь Джону Донну, возвращенному поэту, будет посвящено художественно-биографическое исследование.

Сегодняшний выпускник средней школы, всерьез прочтя только рассказ о жизни Донна хотя бы в энциклопедии, вероятно, воскликнет что-то подобное: «Умели же поэты древности оттянуться на полную катушку!»

Джон Донн с 1621 года – настоятель собора Святого Павла в Лондоне. Священником он стал при весьма стесненных обстоятельствах, но исполнял свой нравственный долг общения с народными массами в лице прихожан... архи истово. При чтении его проповедей прихожане частенько умывались слезами вместе с проповедником. Впечатляет. И не хочешь, да подумаешь: «Не может быть на белом свете лучшего проповедника, чем поэт!»

Друг Донна, поэт и драматург Бен Джонсон, любил повторять: «Донна за то, что не соблюдает размер, следует повесить» – так его возмущала непривычная шероховатость нового стиля. Но именно манера письма Джона Донна, в частности, привлекла Иосифа Бродского настолько, что он счел за правило научиться писать в манере своего кумира, естественно, с учетом литературных вершин сего дня. И научился, опять же настолько, что заметно увеличил число критических стрел в свой поэтический огород от литераторов разного толка и уровня, естественно, не знавших или не принимавших творчество Джона Донна.

Издательство «Московский рабочий» выпустило первый в России сборник стихов Джона Донна (2008 г.)

* * *

Насыщены музыкой, но опять же по-бродски, посвящение Евгению Рейну «Плывет в тоске необъяснимой» (1962 г.), «Как тюремный засов разрешается звоном от бремени» (1964 г.). Красивая и глубокая фраза «разрешается звоном» (двузначие) – здесь далеко не единственная, есть и «обнажая надежды безумие», «ухитряясь дрожать под заплатами», «пробирается память с молчанием», «то ли песня навзрыд сложена», «заедают версту циферблатами».

Последняя фраза, опять же, достойный и надежный поэтический мостик из 1964 года в будущую космическую распластанность стихов Бродского, требующих неординарного мышления, адекватного Бродскому прочтению, а часто и предельных раздумий над смыслом сказанного, раздумий, порой так и не приведших к поэтической отгадке написанного гением.

Старалась, для подтверждения стилистической распластанности поэзии Бродского во времени и пространстве, выбрать фразу посложней и пофилиткультяпистей (вологд. диалектизм), но не смогла моя душа пройти мимо этой необычайной бытовой красатулины – «Ночная тишь.../ Стучит, заснув, башкой об стол заочник./ Кирпичный будоражит позвоночник/ печная мышшь./ И за окном толпа деревьев в деревянной раме./ как легкие на школьной диаграмме./ объята сном».

Каково? Специалистов по чтению наитруднейших текстов вопрос не касается. Они в любом случае останутся на плаву. Давно, мол, все прочли и все уяснили. Вот и ладненько. Массовый читатель с лету не одолеет, поэтому толпы фанатов – бр-р-р – Бродскому не грозят. Но уж и поэт ни в чем не виноват перед нами, что его душа сиюминутно (имя ей вечность) парила в высотах, недоступных разуму среднего человека. Который просто-напросто не в состоя-

нии написать что-нибудь подобное: яркое, образное, небывалое... Хотя и слова писателя-философа Юрия Буйды о том, что «неповторимое мертво», тоже не откинешь в сторону. Возможно, в давние-предавние времена и была какими-то понятными древним знаками высечена на скале фраза про «кирпичный позвончик». Скала и фраза уничтожены временем. Но теперь уж этот образ, бывший неповторимым, повторен и перейдет в Вечность.

* * *

Необходимо снова вспомнить строчки из книги Кейса Верхейла, приятеля Бродского, специалиста в мире литературы Т.В.М., С.18: «...Теперь я уже что-то воспринимал, отдельные слова, поток мыслей, движущийся от предложения к предложению...» Да, кроме уже названной стилистической распластанности стихам Бродского свойственна и манера подачи текста отдельными предложениями. Черта, таящая в себе трудно-управляемое коварство. Особенно для тех, кто вздумает последовать за гением еще не узнав броду – возможностей своего дара, способностей, таланта, теоретической и практической подготовленности к копированию (пересалке) чужой, пусть бы и превосходнейшей, модели в свои родные и давно обжитые стихотворные пределы.

Черта, таящая коварство, поскольку эти предложения (часть фразы) живут своей отдельной жизнью даже в том случае, когда, казалось бы, слиты с предыдущей и последующей строчками намертво. Коварство в том и заключается, что в равной мере раздражает, мешает восприятию стиха «высоколобым» читателям (элитарным) и массе, в частности.

В данном случае никаких поисков специального текста не вела. Решила посмотреть тот стих, на который покажет господин случай или Провидение Господне. Заранее была благодарна обоим «партнерам», ибо отдельные «предложения» можно встретить практически на каждой странице обжитого душою сборника «Часть речи». Моя предупреждающая благодарность была услышана в каких-то незримых мне пределах.

Сборник, как по волшебству, раскрылся на о-о-очень уж подходящей для решения поставленной задачи странице, где красуется божественно прекрасный стих «Подсвечник» (С.66, 1968 г.). И можно было спокойно выписывать отдельные предложения из начала, середины, конца стиха... Иные из предложений чистойшей воды пословицы, к тому же «Фантазия подчеркивает явь», «Никто из нас другим не властелин...», «Не мне тебя, красавица, обнять».

Можно иные из предложений просто убрать или заменить, если хватит поэтического пороуху. Стих, естественно, побледнеет или наоборот, если вы необычайно талантливы, космически талантливы, сумеете влиться в ткань (поток)

стиха, раствориться в ней, плавать рыбою, а потом уж вместе с этим потоком стать облаками.

Стих, возможно, побледнеет на слух (в глазах) тончайшего ценителя слова, но не погибнет безвозвратно. Хотя было бы очень жаль утратить даже самую мизерную часть любой музыкалки, хотя бы этой, с ее непередаваемо мягким «эль» – «И где-то щебетала Филомела».

Поддача поэтического текста отдельными предложениями (игра в предложении), вероятно, была всегда. Но, видимо, не столь уж и густо было замешано то податливое поэтическое тесто в расчете на строчки, в которых прослеживалась основная мысль. Прежде всего, припомнились строчки из песни: «А мы с тобой, брат, из пехоты./ А летом лучше, чем зимой./ С войной покончили мы счеты...» – как видим, божественно уместная, абсолютно точная и прекрасная вторая строка, упрощая и дополняя, озаря новым светом (извне) основную стихотворную ткань, все-таки живет своей, абсолютно самостоятельной жизнью. Эту строку легко заменить. Допустим, «Из сто второй стрелковой роты» или «Гордимся мы стрелковой ротой...»

Дороги совершенства не знают тупиков. И на первый взгляд ничего в песне не изменится. Вполне мог быть и такой текст. Или что-нибудь другое, более возвышенное и прекрасное, более подходящее основному тексту тематически. Но первородная изюминка отвлеченности и распластанности в окружающем мире исчезнет безвозвратно, как редчайшая поэтическая находка, как редчайший и необычайный поэтический всплеск души, ее слияние с небесными сферами, которые управляют земной поэзией; как редчайшее танцевальное «па», свойственное и даже подвластное только данному мастеру, единственному на планете. Сработает тезис практической неповторимости. Этот неповторимый поэтический всплеск не только всегда украсит даже самый распрекрасный текст, но и позволит ему прыгнуть выше собственной головы, т.е., поэтической планки данной тематики.

Столь же легко пришла на память песня, где практически все четыре строки живут своей независимой жизнью. Хотя существует какая-то связь, но больше на уровне ощущений, второй и четвертой строк – «Хороши вечера на Оби./ Ты, мой миленький, мне помоги./ Буду петь да тебя целовать./ Научись на гармошке играть».

Вероятно, можно отыскать в мире поэзии и целое стихотворение, где каждая строка обретается на уровне: сам себе господин. Свободолюбие поэтической мысли, выраженное различными авторами в этих отдельных самостоятельных от основного текста и его тематики строчках стихов (песен), как нельзя лучше и поэтически-музыкально подал Бродский в строке «Никто из нас другим не властелин, хотя поползновения зловещи». Фраза не просто горда и прекрасна, но и отражает всевозможные горизонты нашей жизни: от примитивнейшего быта

(обыденки) до высочайших литературных вершин. Внешний окрас строки, значимость практически каждого слова и по отдельности взятого, ее внутренняя экспрессивность, заложенные в ней водопады мыслей – их видимая (чувственная) безбрежность, бесконечность, всеохватность – не уступают всемирно известной строке, пусть внутренней подоплекой они и сильно разнятся – «Его зарыли в шар земной» (Сергей Орлов).

* * *

Одна из множества благодарственных молитв в адрес Иосифа Бродского в том и заключается, как небывало и величественно он подал миру двух известных женщин России – Ахматову, королеву высочайшей нравственности и бесподобного юмора; Цветаеву – королеву поэзии.

«Большая книга интервью». С.45: «...Цветаева. Она, по-моему, величайшая. Величайшим поэтом двадцатого века была женщина!»

С.91: «...Благодаря Цветаевой изменилось не только мое представление о поэзии – изменился весь мой взгляд на мир, а это ведь и есть самое главное, да? С Цветаевой я чувствую особое родство: мне очень близка ее поэтика, ее стихотворная техника. Конечно, до ее виртуозности я никогда не мог подняться. Прошу прощения за нескромность, но я иногда задавался целью написать что-нибудь «под Мандельштама» – и несколько раз получалось нечто похожее. Но Цветаева совсем другое дело. Ее голосу подражать невозможно. Профессиональный литератор всегда невольно сравнивает себя с кем-то. Так вот, Цветаева – единственный поэт, с которым я заранее отказался соперничать.

С.38:

– А кто из русских поэтов повлиял на ваше творчество?
– Державин, а также относящийся к девятнадцатому веку Баратынский, а из этого века – Цветаева.

С.177:

– А для цветаевской поэзии вы не сможете подыскать подобных сравнений?

– Не могу. Ну разве что представить себе комбинацию из Харта Крейна и Хопкинса, тогда может получиться что-то похожее на Цветаеву. Гениальная черта Цветаевой – это выражение чувств, которые трудно найти в европейской или английской поэзии.

Это чувства библейского Иова, но ее самоотрицание еще сильнее. В своих стихах она мужественнее любого мужчины.

С.245: «...Норвида считаю лучшим поэтом девятнадцатого столетия... Мне

он больше других у нас Цветаеву напоминает: говорю это не из-за сходства судеб, а из-за сходства тональностей и размаха».

Норвид Цитриан Камиль, польский писатель (1826-1883 гг.)

С.534: «...Помню, я прочитал у Уоллеса Стивенса «Повстанец в пыли». Там он разговаривает с мальчиком по имени Чак, которому в голову пришла жуткая идея. Он говорит ему на это: «Не думай, что идея, которая пришла тебе в голову, является твоей собственной. Это фрагмент огромного полотна». Так чувствовала и Цветаева.

С.384: «У нее была такая замечательная строчка: «На твой безумный мир ответ один – отказ».

Вероятно, каждый, кто читает Бродского всерьез, а иное и невозможно, временами испытывает чувство неловкости, обиды, если хотите, за то, что сказано. Как ножом по затягивающейся ране полоснули слова Томаса Венцловы, друга поэта, потому что Иосиф Бродский в данной ситуации отчего-то подзабыл общеизвестное: «Сократ мне друг, но истина дороже». С. 354:

– Когда Цветаева оказалась в ситуации политической несвободы, она перестала писать и повесилась.

Последнее слово тирады Томаса Венцловы просто рука отказывалась писать. Никто, нигде и никогда не позволял себе сказать что-либо в подобной тональности о бесконечно чтимой россиянами Марине Цветаевой. Рана от слов Венцловы заныла немилосердно, когда великий Бродский не ринулся на защиту великой Цветаевой, почти невразумительно промямлив:

– Но она писала стихи в восемнадцатом году, в девятнадцатом, в двадцатом...

Вспомним, сколь горячо, сердечно и человечно отозвался Бродский (С.С.23-24) о Сильвии Плат и Джоне Берримоне, которые тоже покончили с собой.

Теперь, когда я даже нечаянно услышу фамилию «Венцловы», в моем сердце непроизвольно вспыхивает «пепел Клааса». Правда, в следующем абзаце Бродский рассуждает о том, что не каждому поэту и требуется политическая свобода... Но птица обиды и боли за поругание памяти обожаемой Марины Цветаевой улетела к ней, на небеса. Слегка перефразировав слова Бродского из интервью с Фрицем Радлацем, все-таки вынуждена сказать: «Нам не нужны здесь прибалты, которые оскорбляют память божественной королевы поэзии – Марины Ивановны Цветаевой» (1892-1941 гг.).

Не для очистки совести, поскольку остаюсь по-прежнему сердита на великую тень Бродского, в свое земное время как следует не отбившего нападок Томаса Венцловы в адрес тени великой Цветаевой, но все-таки не могу

не повторить частично цитату Бродского из книги «Американский кабинет Иосифа Бродского» – «...за исключением Цветаевой. Оден мне дороже всех остальных поэтов».

* * *

Если поэтическое королевское величие Марины Цветаевой жило и живет в сознании любителей поэзии – современников Бродского, то самый полнокровный портрет Анны Андреевны Ахматовой (Горенко) впервые написан ярчайшими божественными красками только Иосифом Бродским. Он практически ничего не изменил в нашем восприятии поэта Ахматовой, которая со школьных лет моих ровесников шла в ряду других... Привычно, как многие поэты, подчеркивая мужество россиян в борьбе с фашизмом и, в частности, величие русского языка – «Не страшно под пулями мертвыми лечь, не горько остаться без крова, и мы сохраним тебя русская речь, великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем, и внукам дадим, и от плена спасем».

Стихи пронизаны патриотизмом (написаны 23 февраля, 1942 г.), если закрыть глаза на место написания их ленинградской поэтессой (г. Ташкент). А в целом стих грешит бесподобно громкой красотой, которая всегда уведит автора в тупик. В данном случае образовались два тупика. Сказано не по-русски – «И внукам дадим» – можно только передать; сказана смысловая несуразность – «и от плена спасем» – слово, набор звуков, а звуки не знают тюремных решеток. Не заметила этих несуразностей Ахматова, не сочла нужным отнестись с величайшей трепетностью и уважением к своим читателям и почитателям... Это вопрос в никуда, но если он возник, то он и должен быть озвучен. Еще больше (или меньше) несуразна фраза, грешащая предельной непрописанностью, о стихах, которые растут из сора. Здесь Анна Ахматова права только в бесподобно малой части сказанного. Да, стихи о нашем быте чаще всего растут из сора, поскольку поводом, последней нервной каплей, вполне может быть какой-нибудь скандальный бытовой эпизод. Да и в этом случае Всевышний дает добро на написание строк, пером (рукой) водит черт или ангел. Едва ли смогли бы «вырасти из сора» такие дивные строчки, где, опять же, последней каплей мог быть мерзкий случай, но воля Всевышнего, но дар поэта – «Собранье пламенных замет/ Богатой жизни юных лет» (Баратынский).

Б.К.И., С.550:

- Ахматова? Вы как-то говорили, что как личность она больше своих стихов?
- Да, но «Северные элегии...»

Вот по сути и все, что сказано Бродским о поэте Ахматовой в «Большой книге интервью». И только благодаря Кейсу Верхейлу, написавшему «Танец вокруг мира», книгу о своей многолетней дружбе с Иосифом Бродским, мы знаем

о высочайшей оценке поэтом Бродским поэта Ахматовой. Т.В.М., С.14: «О чем вы собираетесь писать, о ранней или поздней Ахматовой?» – «Наверное, больше о поздней, по-моему, это интересней, к тому же об ее раннем творчестве уже столько сказано».

– «Браво!» Ее знаменитые любовные стихи, от которых все без ума, очень хороши, но и очень ограничены. Только к концу жизни она стала великим поэтом, но этого почти никто не понимает».

Вероятно, роль Анны Ахматовой в продвижении творчества Иосифа Бродского к западным носителям изящной словесности значительно больше, чем нам известно. Сколько святых и светлых тайн благородства в адрес русского изгнанника откроются миру в 2046 году (обнародование архива Бродского), вероятно, и «свинцовых мерзостей», в которых пытались утопить будущего гения, будет не меньше.

Страшна и страшна эта прописная истина, но великими становятся именно на пределе постижения обоюдоострых вершин добра и зла. Бродскому удалось постичь и достичь их при жизни, оплачем тех великих, которые нам неизвестны, но которые непременно были и... будут.

Спустя десятки лет после смерти Ахматовой, Кейс Верхейл напишет в своей книге, мол, правители любят мертвых поэтов. Премьер Чернобырдин, оказавшийся в Америке в день похорон Бродского, почтил присутствием усопшего поэта, Анне Ахматовой и в день вечного упокоения было оказано прежнее противостояние. По словам Бродского, среди провожающих поэтессу в последний путь было излишне много переодетых «чинов». Место для могилы выделили против желания ее друзей. Значит, против ее желания тоже.

Мои провинциальные ровесники со школьных лет отлично помнят гордый профиль – портрет татарской княжны Ахматовой (1914 г.) в исполнении Натана Исаев. Альтмана (1889-1970 гг.), но помнят только зрительно. В душе жил виртуальный фас и профиль согбенной старушки, часами (годами) проставившей с узелком у тюремных ворот, в надежде, что уж сегодня-то непременно удастся порадовать родную душеньку скромной передачей...

В день знакомства Бродского с Ахматовой ей было за семьдесят. При разнице в возрасте в полстолетия Ахматова была интересной собеседницей для молодых поэтов. По словам Бродского, когда он снимал дачу в Комарове, то старался ежедневно встретиться с Ахматовой. Допускаю, что королева Анна слегка (или много) играла в дружбу с юностью, но Бродский и в свои за пятьдесят ни разу не усомнился в ее стопроцентной искренности, необходимости общения с молодыми людьми...

Ах и увы, но юный паж королевы Анны оказался дважды лукавым. Уговорив в свое время через посредника влову Мандельштама не упоминать в своих

мемуарах о предполагаемом лесбиянстве Ахматовой. сам в одном из интервью и оповестил об этом весь белый свет.

Вероятно, обе дамы на небесах зададут ленинградскому «шенку» (слово Надежды Мандельштам) достойнейшую трепку. Если тот свет все-таки существует, то там должна идти вечная война. Перечень наших земных «долгов» шифрами не означить, и долги растут...

Бродский – честь и хвала гению – открыт для всех настоящих и будущих поколений новую страницу из, казалось бы, хорошо известной всем жизни Анны Ахматовой. Сохранил в памяти и передал нам ее бесподобный юмор, непередаваемо терпкий и грубоватый, но истинно независимый по-королевски. В беседе с Бродским зашла речь о поэтах: Цветаевой, Мандельштаме, то Анна Ахматова мгновенно выдала самое сокровенное своей величественной королевской души: «Против них я просто мелкая корова. Я корова».

Бродский спросит Ахматову, мол, кого ей напоминает Роберт Фрост, которому тогда исполнилось 88 лет:

– Дедушку, которой стал бабушкой!

Теперь уж совсем иначе, с подачи Бродского, смотрится Анна Ахматова в глазах моих ровесников, читавших давнюю публикацию, вероятно, в журнале «Знамя» – воспоминания (или дневник) Ахматовой о поездке в Италию по путевке СП России: «... сшила новое платье, правда, из гостиницы нас никуда не выпускали...».

Мы, молодые провинциалки, далекие от забот и унижений преследуемых правительством столичных литераторов, буквально умирали со смеху, читая данные откровения – стоило ли мыть шею, если в гости не пошли...

Если бы кто-то записывал шутки Ахматовой, если бы... Изданный сегодня «томик юмора» в сопровождении кратчайшей биографии, с выпавшими на долю Ахматовой физическими и нравственными страданиями, стал бы для многих школой мужества, особенно для тех, кто вольно или невольно, как Ахматова, всю жизнь идет против течения. Королева Анна внесла бы в жизнь творцов, с опорой на практику мирных буден, буквально и фигурально свои собственные строчки о мужестве, – «которое нас не покинет».

Старалась припомнить не менее обиженного властью литератора первой половины двадцатого века, которого было бы не стыдно упомянуть рядом с королевой Анной, в данной ситуации... королевой юмора. Припомнится только Юрий Карл. Олеша (1899-1960 гг.). Эта черта характера Олеша подчеркнута его современниками...

Олеша вышел на крыльцо ресторана. Рядом остановился человек, весь «расшитый» золочеными позументами. Олеша:

– Швейцар, такси!

– Я – адмирал!

– Подать катер!

Эни Лаутербах, одна из нежных, тонко чувствующих натур, щедро оценивающих собеседника, подчеркивала, что «у этого строгого, рационального писателя прекрасное чувство юмора». Надо бы шагнуть чуть дальше Эни Лаутербах в оценке юмора Бродского. В сказанном им частенько не столько юмор, сколько редкое умение пронзить глубинной мыслью окружающий мир, уловить ответное дыхание тех, кого нет рядом. Почувствовать, понять и принять эту виртуальность, как данность, выделить в хаосе множественности, перенести выделенное в реальную действительность. Это уже будет прекрасное чувство юмора, помноженное на неизвестное НЕЧТО – «Легкость прикосновения довольно часто возникает из самой темноты отсутствия».

Трудно оценить в реальной обыденке глубина и пространственный полет цитаты Бродского, которую напомнила Эни Лаутербах. (Б.К.И., С.306)

* * *

Почти все, что Бродский говорит об Ахматовой, окрашено обожанием и шуткой. Б.К.И., С.45:

– Можно вас попросить вспомнить что-нибудь об Ахматовой?

– ... Она часто говорила, что метафизика и сплетни – единственно интересные темы (смех).

– Она когда-нибудь говорила – сплетничая или метафизически – о Мандельштаме?

– ... Она любила говорить, что Надежда, его жена, несомненно самая счастливая из всех литературных вдов (смех).

На фоне шуток Ахматовой юмор самого Бродского отличается какой-то поразительной, особой (гениальной) глубиной и сожальной нежностью. Б.К.И., С.651:

– ... Заметь, такие поэты, как Ахматова, Пастернак, Цветаева, Мандельштам, сформировались до Октябрьской революции, и независимо оттого, дошло бы дело до революции или нет, они все равно писали бы стихи.

– Но о чем писали бы Ахматова и Мандельштам?

– У человека есть множество способов покалечить себе жизнь, а затем, если он поэт, написать свои горькие песни...

С.195:

– Считаете ли вы себя новатором?

– Нет, не считаю. Новаторство и вообще категория вздорная. Рифмы у меня иногда хорошие попадают, но считать их «новыми» бессмысленно, они взяты из языка, в котором всегда были.

Вероятно, один из образчиков (нам известных) юмора Бродского идет вполне параллельным курсом с непередаваемыми шутками королевы Анны, которая «сшила новое платье» для поездки в Италию...

Иосифу Бродскому, грудившемуся развездным фотографом в Коношском КБО, профсоюзный лидер и парикмахер Анна Гашева предложила вступить в профсоюз, на что ссыльный поэт гордо отчеканил: «Я свободный человек!»

* * *

По сути вся жизнь Бродского пронизана светлой памятью об Ахматовой, что-то вроде калейдоскопа благодарности. С. 120: «Все, что я делаю, что пишу, – это в конечном счете и есть рассказ об Ахматовой... если мне и привились некоторые элементы христианской этики, то произошло это благодаря ей, ее разговорам, скажем, на темы религиозного существования. Просто то, что эта женщина простила врагам своим, было самым лучшим уроком для человека молодого... уроком того, что является сущностью христианства. После нее я не в состоянии, по крайней мере до сих пор, всерьез относиться к своим обидчикам».

С. 670: «Главный урок, воспринятый мною от знакомства с Анной Андреевной Ахматовой... – это урок сдержанности... по отношению ко всему, что с тобой происходит...»

Ахматова, прочтя «Театральный роман» Михаила Афанас. Булгакова (1891-1940 гг.) в рукописи, сказала об авторе: «Он гений». Бродский, уж никак не считавший Булгакова гением, может быть, только из благодарности к памяти Ахматовой, выделил в творчестве Булгакова именно этот роман. В остальном (С. 563) отзывался о прозаике, мягко говоря, снисходительно – «господин», «скомпрометировал... развлечениями с чертом...»

С.С. 303-304:

– Если рассматривать Нобелевскую премию... с точки зрения русской культуры... как она вам представляется?

– Очень просто: как признание в русской литературе, в русской поэзии моего поколения... И не только моего поколения, а некоторого сообщества поэтов, одним из которых я являюсь. Все, что я хочу сказать, – это что наша команда победила.

– А через вас и другие – Ахматова, например, она ведь была одним из ваших менторов...

– В моем лице победили как минимум пятеро. Это Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Оден и Фрост. Без них я бы не состоялся как писатель, как поэт. Без них я был бы гораздо мельче... Поэтому их тени всегда со мной...

Этот перечень великих и достойных, известных в литературном мире, смею дополнить еще одной, но абсолютно безвестной и далекой от литературы тенью. Однако, не окажется этот человек волею судьбы рядом с поднадзорным поэтом, может быть, фамилия Бродского была бы тоже практически неизвестна просвещенному миру. Ибо добрым ангелом-хранителем Иосифа Бродского в конюшской ссылке стал начальник конюшской милиции тех лет... Вениамин Иванович Одинцов (1929-1978 гг.), майор.

* * *

Вполне искреннее благодарственное лукавство Бродского простирается и в иных нравственных параллелях. Думается, что свое особое место, самость своего нерушимого, нерукотворного, божественного «части фрагмента огромного полотна»... поэт осознал задолго до чтения «Повстанца в пыли», задолго до 10 декабря 1987 г. (дата данного интервью). Может быть, даже в 1963 году, когда Анна Ахматова столь высоко оценила его действительно божественную «Большую элегию Джона Донна».

Может быть, это случилось заметно раньше, в 1958 г., когда написал «Стихи под эпитафией», состоящие практически из пословиц. Может быть, в тот день, когда его величайшее умение мыслить оценил безвестный миру дядя Гриша из деревни Сквятино Череповецкого района Вологодской области... Может быть, благодарил судьбу в лице Ахматовой и Одена, отлично сознавая, что пять лет подневольной жизни среди кому-то родных северных болот, где общественная и частная культура собираются такими мелкими крупичками, что человеческой жизни зачастую не хватает даже тем, кто готов скапливать эту духовную малость сутки напролет...

Если Анна Ахматова, вечная поднадзорная жительница СССР, и считала себя хоть отчасти виноватой в аресте Бродского, то она, в числе других литераторов мирового пространства, сделала все возможное для освобождения поэта из ссылки. С.175: «Ахматова бросилась защищать меня... В конечном счете я был освобожден благодаря ее стараниям и поднявшемуся на Западе шуму».

И все-таки до выхода в свет (2006 г.) книги «Американский кабинет Иосифа Бродского» смотрелось каким-то необоснованным такое величайшее обожание гениальным поэтом и эссеистом королевы Анны. Теперь расставлены все точки над «i»... в данном вопросе. А пока что вопросов о жизни и творчестве Бродского осталось великое множество, судя по обилию знаков пропуска («...») только в книге А.К.И.Б. Зато теперь можно высказать более весомое предположение, что самым первым и самым добросовестным пропаганди-

стом творчества Бродского на Западе была именно ленинградская королева, получавшая степень Почетного доктора в Оксфорде в 1965 году. Вероятно, что именно Ахматова выступила и в роли почтальона, передала на Запад рукопись первой книги стихов Бродского «Остановка в пустыне», изданной на русском языке в Нью-Йорке, в 1970, в издательстве имени Чехова.

«Ахматова много о вас рассказывала. – вспоминала жена Спендера, позже увидев Бродского... Это Спендер тогда летом 1972 года повез Бродского на Би-би-си для интервью в ночном выпуске новостей...» (А.К.И.Б.)

Возможно, были и другие каналы связи с Западом, поскольку в 1971 году Бродскому передали подарок Олена – сборник его стихов с подписью автора. Словом, Бродский спал и видел, как он встретится с Оленой, и был вынужден лукавить, изображая себя в роли «пнутаго сапожишем» (Александр Галич, 1918-1977 гг.), но сумевшего не обидеться на Россию.

Во всяком случае, на фото из книги Льва Лосева «Иосиф Бродский» (опыт литературной биографии) – «Москва. «Молодая гвардия», 2006» – в аэропорту «Пулково» в день эмиграции 4 июня 1972 года... Бродский смотрится скорее загадочно-счастливым, нежели «пнутым». Благодаря дневнику Ахматовой, поставлена еще одна желанная точка из жизни Бродского. Игорь Ефимов, его книга о поэте «Нобелевский тунец» (2005 г.). С.31: «11 сентября 1965 года освобожден Иосиф по решению суда. Это большая и светлая радость. Я видела его за несколько часов до этой вестн. Он был страшен – казался на краю самоубийства».

Конечно же, в большей (меньшей) степени «вид самоубийства» был вызван тем, что единственная любовь поэта «укутила» в Москву с другим. «Нобелевский тунец» (С.18 и 24). Но и главнейшая мысль, навеянная записью из дневника Ахматовой, тоже в другом заключается. Вот как изяшно, в отличие от Александра Солженицына с его справками «про психопатию», чисто по-женски, по-матерински, с тихой ангельской радостью умудренного и многократно обиженного жизнью человека, сообщила миру (дневнику) Анна Ахматова о времени побывки в Ленинграде ссыльного поэта.

Жизнь Анны Ахматовой уложилась в две семерки – 77 лет (1889-1966 гг.). Семерка число счастливое. Двойная семерка, и счастья вдвойне. Была ли счастлива Анна Андреевна? Несмотря на все горе и беды, выпавшие на ее женскую долю, была счастлива. И очень счастлива. И это не лукавство. И не кошунство над памятью ленинградской королевы. Сколько современников Ахматовой остались благодарны ей за умение поддержать словом и делом, промолчать в нужную минуту, принять удар на себя, не предать...

На подобное – были и есть – способны единицы.

2006-2008. Коноша – Череповец.

* * *

Вероятно, дальше всех современников от реалий жизни поэта (писавших о Бродском) все время располагалась Елена Кумпан. «Ближайший подступ к легенде» (2005 г.), С.288: «... Незадолго до отъезда, где-то на перевале 1970-1971-х, хотя тогда об отъезде еще никто и не думал, даже помыслить об этом никто, в том числе и сам Иосиф не мог...»

В слово «никто» невозможно включить с большей долей определенности «и сам Иосиф», и его ближайших друзей. Далекость Елены Кумпан от будущих возможностей Бродского еще больше подчеркивается данной частью цитаты. С.294: «... мы говорили о Бродском. Год уже Ося пропал в архангельской ссылке, возил навоз в деревне Норинская».

Понятно, что Ахматова в разговоре с Кумпан и словечком не обмолвилась о страстях, кипевших за границей рядом с фамилией Бродского, и не без ее ведома, мановения ее королевского перста. Уж не королева ли Анна и подбросила особо любопытствующим эту душно пахнущую фразу. С королевы и не такое станется.

Была у Бродского в деревне Норенской и такая работа, которой по собственной воле и желанию занимались многие русские поэты до и после гения. По словам Таисии Пестеревой, жительницы деревни Норенской, в доме которой жил Бродский, – «иногда он пас телят...» – «Со стороны работа легкая. Я кололчу железной, и телята вернутся все».

Слово «железина» типично северное, деревенского окраса и бесподобной многоликости. Устами Таисии Ивановны говорят века. Новгородское вече собиралось под звон «железины о железину». На вокзалах отправку поездам давали ударами «железины о железину», до недавних пор (в глубинке и до сего дня) началом и окончанием школьного урока тоже командовал колокольчик... слегка облагороженная железина.

Уж не говорю, надеюсь, о вечном на Руси – звоне церковных колоколов.

Интересно: гений подметил или нет эту величайшую красоту российской глубинки – звон безымянной железины в краю северных болот и душевного (духовного) неудобья для жителей столиц. Во всяком случае, ни в одном из интервью не заикнулся, не намекнул о своей полтуромантической трудовой деятельности в окрестностях деревни Норенской.

Минус вам, мыслитель и гений.

* * *

Как это ни странно – где Бродский, а где начинающий, – но неплохо бы читать стихи и прозу гения всем начинающим литераторам. А «Большая кни-

га интервью». где временами, как неуправляемая стихия, блещет ораторское мастерство Бродского, может стать настольной не только для начинающих и профессионалов, но и отличным пособием по различным вопросам жизни, искусств... Вот образчик одной из многочисленных мини-лекций по абсолютно «неизговоренному» вопросу в области поэзии. Б.К.И., С.22:

– Вы считаете, что надо прямо смотреть на вещи. Возможно, поэтому вам нравится сюжетно – повествовательная поэзия?

– Да, верно. Разумеется, можно прибегнуть к иронии. Но нельзя руководствоваться ею в общем подходе. Повествовательная поэзия дает представление о масштабах вещей. Она гораздо ближе к жизни, чем короткие лирические стихотворения. Хорошая поэзия имитирует жизнь. Надо привыкнуть читать сюжетную поэзию, пусть это и не прекрасный маленький шедевр, который можно прочесть быстро и легко. Чтение поэзии – это борьба, как и все в жизни.

* * *

Неинтересных бесед в Б.К.И. практически нет. Интервью Иосифа Бродского с Юзом Алешковским – это небывалая изюминка, прочесть которую не повредит любому мыслящему человеку. А начинающие литераторы и есть все до одного мыслители. Вопросы-рассуждения журналистов тоже порой дорогого стоят. Хотя и брошена о них на обложке Б.К.И. предельно уничижительная фраза «Вопросы мало осведомленных репортеров...».

Автору данной книги, одному из мало осведомленных репортеров... о-о-очень хотелось бы знать: где в России (в мире) живет и здравствует человек, «осведомленный» больше Иосифа Бродского хотя бы в плане литературы. Который в состоянии в считанные секунды назвать лучших (заметных) литераторов мирового пространства и столь же скоро и объемисто дать кратчайшую характеристику нескольких произведений каждого из них. Без раздумий, без подготовки.

Редко-наредко, беседуя с Бродским, журналисты делали пометку: «задумался».

Среди моих ровесников-провинциалов в юности (и позже) было принято для подтверждения того, что незнакомый человек пишет стихи, читать ему что-то менее известное, но очень известного поэта. Если слушатель называл хотя бы двух-трех наиболее подходящих для ответа поэтов, то его награждали весьма приятной фразой: «Заметно, что ты сам (сама) пишешь стихи!».

Такая «проверка на дорогах» поэзии ничего не давала начинающему, кроме абсолютно бесполезной, если не вредной, нравственной приятности, всегда щекочущей самолюбие любого (большинства) литератора планеты. Совсем иное дело, если начинающий возьмет (хватит силы-воли взять) за правило ме-

тод Бродского при изучении иностранных языков, можно в несколько иной интерпретации. Прочсть первые и последние строки неизвестного стиха какого-нибудь вполне достойного поэта, а потом самому написать середину данного стихотворения. Самая максимальная приближенность к чужому тексту – станет первой и очень заметной ступенькой роста для начинающего поэта в духе гениального Бродского.

Метод Бродского буквально по изучению иностранного языка, несомненно, великолепен для всех юных (и не только), чья сила характера и обилие свободного времени адекватны. Из уважения к таким сильным личностям, умеющим схватывать (усваивать) суть, даже на интуитивном уровне, цитирую Бродского. Б.К.И. С.433:

– ...Мое знакомство с английским в то время было ничтожным. Что я делаю? Переводил с помощью словаря первые три строчки стихотворения, скажем, Ийтса, потом последние три-четыре, а потом пытался представить себе то, что могло быть в середине. Это было своеобразное упражнение, которое много давало и было необычайно захватывающим.

Теперь, когда мы знаем, как много было сокрыто (тайлось) в последнем предложении из будущего Иосифа Бродского, вся цитата идет на вес золота. И открытия для начинающих (и не только) продолжают. Если рифмующий не любит играть в слова, то его литературное будущее зыбко, сокрыто в непролипаемом тумане. Едва ли он сможет когда-нибудь обрести равновесие в этой ускользающей зыби и ряби. Еще одна лингвистическая игра из серии: Бродский – начинающим. По словам самого поэта, он не смог написать чего-нибудь стоящего только в духе (в манере) Марины Цветаевой. Стилистика остальных поэтов спокойноенько укладывалась на белый лист пред очами гения, когда у него случалось неодолимое желание поиграть в слова. Для начинающего умение написать стихи хотя бы в манере ближнего собрата по перу будет не просто увлекательной прогулкой в мир поэзии, но и следующим по счету шагом по ступенькам личной поэтической лестницы или, что тоже неплохо, в любом случае, ошутимым намеком на этот вполне возможный шаг.

А чего стоит один перенос слогов, когда для развития, уточнения, углубления независимо порхающей, грозящей улететь мысли, все не находится подходящее слово. Мысль-то непременно вернется, но сумеет презрительно намучить за время отсутствия. Обилие переносов, как всякое обилие, может раздражать и глаз, и душу. А редкий гуляка – перенос придаст сказанному, даже чисто графически, некоторый литературный шарм.

Игра в слова (в мысли) настолько волшебна, насколько капризная судьба или воля Всевышнего расположена одарить смертного этим редчайшим и бесценным подарком. Поэтому неплохо с первых шагов в мире литературы узнать

о возможностях переноса слога, слова или оставления в строке этих милых капризуль, когда мысль будет завершена следующей строкой – «Что губит все династии – число/ наследников при недостатке в тронах».

А сокращение какого-то общезвестного слова пусть бы и для рифмы. «Вы все уйдете в ночь/ И проч., и проч., и проч...». Начинающий непременно отметит невероятное обилие героев древних легенд и мифов. Автор будто бы спрашивает: «А ты, дружок, знаком хотя бы с малой частью названных мною «мификов»? Поэтический ликбез только набирает силу. Практически все перечисленное в помощь начинающим (и не только) отчего-то необычайно раздражает А.И.Солженицына. Его поколение в юности, вероятно, миновала незатейливая шутка провинциалов: «Все хорошо, но в меру, как сказал Неру».

Рифмовала десятки лет. Читала чужие рифмы не меньше лет и зим. Но только в стихах Бродского впервые отметила приятное двузначие некоторых строк (это не многозначие пословиц). «Точно Тезей из пещеры Миноса./ выйдя на воздух и шкуру вынеся...» (1972. «Часть речи» С.218). Маленькая исследовательская смешинка-глупинка-изюминка: свою – прошу меня извинить – шкуру вынес или шкуру, на которой спал-почивал.

Стала просматривать собственные рифмулята. И было очень лестно и приятно найти в них подобное (примерное) двузначие. В частности, такой абсолютно самостоятельной получилась последняя строчка, которую легко сделать однозначной, внося личное местоимение. Но в таком виде четвертую строчку можно в равной степени отнести и к автору (лирическому герою), и к его собеседнику: «Не знаю, о чем говорите?/ О каких-то обидах речь?/ Вы ушли с моей орбиты./ Не в пруду ли с горя залечь?».

Не менее интересно смотрится в данной ситуации необоримое прозаическое двузначие абсолютно одинаковых по написанию фраз, недоговоренных, недописанных, но хорошо понятых близким по жизни собеседникам:

1. Вот накоплю сил (физических), и смогу переносить тебя (в другую комнату);
2. Вот накоплю сил (нравственных), и смогу переносить тебя (со всеми капризами, прихотями).

Это можно назвать двузначием для узкого круга людей. Вероятно, в природе литературы существует и необоримое двузначие, хорошо понятное любому числу присутствующих. Весьма показательны фразы:

1. Ты взялся за писание двух книг сразу? Это тебе не по возрасту.

Если это сказано молодому человеку, то никакого второго смысла здесь нет. Совсем иначе видится значение фразы, если она адресована человеку преклонного возраста. Это можно назвать «возрастным необоримым двузначием». Здесь – как ни смотри – солидный возраст не только сложности физического написания текста, – можно и не успеть написать. Но солидный возраст пред-

полагает и тщательность отбора материала, текста, строки, слова, когда трудно достичь желаемого удовлетворения, угодить самому себе, значит, своевременно закончить начатое.

Конечно же, вся эта божественная смысловая красота – глупинка, надеюсь, жила в душе и до встречи с творчеством Бродского, в частности, до работы над книгой. Но тут она предельно обострилась, будто вышла из повиновения, предельно ласкает разум и душу. Вероятно, многие поэты – любители и профессионалы – хотя бы ради собственного удовольствия, пытались написать стихи, похожие на чьи-то. Иосиф Бродский в данном плане отказался «соперничать» только с Мариной Цветаевой. Автор данных заметок проводила этот божественный эксперимент неоднократно. Выходило по-разному, но всегда получалась какая-то бледная копия. Стихи в духе Бродского ни разу не шагнули дальше первой строчки, а пародия на стихи гения, вероятно, получилась: «Я сижу у окна./ Под окном осина./ Я люблю немногих./ Однако сильно» («Часть речи» 1971. С.304.)

«Я сижу у окна, под окном береза/ несчастливая, утирает слезы./ «Утирает» – слабовато тут однако./ умокрела от затылка и до пяток./ Вы бы тоже умокрели на ее-то месте./ много любят, больше губят, нету, нету чести».

* * *

Внимание, особое внимание, господа начинающие, цитирую ответ Бродского своему собеседнику, Б.К.И., С.178: «Когда я начал писать, я показал свои стихи одному из тех поэтов, которые были на четыре-пять лет старше меня, и он сказал, что если я хочу писать, то количество прилагательных нужно свести до минимума, главное – существенные, чем больше, тем лучше... Это, может быть, главный урок, который я получил в своей жизни».

В первую секунду ответ Бродского ошеломил новизной. Об этом не только не слышано и не думано, но без обилия прилагательных русская поэзия попросту не мыслилась. И не было никакой возможности в считанные секунды принять или отринуть правоту «главного урока» в литературной жизни Бродского. С этой же колокольни – «бесприлагательного» стиха – еще раз посмотрела предельно строгий и одновременно лукаво-философичный «Подсвечник». И впору было охнуть еще раз: Бродский прав в абсолют, в сорока строчках только дважды упоминается прилагательное «бронзовый». И на этом все словесные («прилагательные») красоты исчерпаны. С горя включила радио, а там – «Отговорила роша золотая березовым веселым языком».

И сразу все встало на свои законные, веками апробированные места. Главный поэтический урок в жизни Бродского может быть бесподобен (частично

или полностью) для тех, кто пишет в его манере. Отдельные стихи данного плана, вероятно, у каждого найдутся. Если нет, то можно дерзнуть на переделку собственных шедевров и посмотреть, что из этого получится.

Смелость не только города берет. Сидящему за столом перед чистым листом бумаги и смелому вполне можно доставить себе неизъяснимое наслаждение от собственного переименованного шедевра. Который не стал хуже от необычайной переделочки прежней одежды – изгнания с поэтического поля прилагательных, но еще и приобрел неожиданный поэтический оттенок, которого никогда бы не увидеть рифмуемому, не познакомься он с теорией создания «бесприлагательного» стиха.

И какое же это счастье, что можно наслаждаться практически «бесприлагательной» поэзией Бродского и традиционным обилием прилагательных, в частности, в стихах Есенина. И оба поэта окажут только им свойственное влияние на первые поэтические опыты начинающих. Сколь же должен быть счастлив (в мире литературы) сегодняшшний ребенок, чья мама, читая напевно-мелодических Пушкина и Есенина, непременно прочтет что-нибудь из поэзии Бродского. И проведет крагчайшую, умнейшую параллель между поэзией этих (других) поэтов. Хотя «Большая элегия Джона Донна» займет (может занять) самое достойное место в ряду лучших колыбельных песен мира.

Все эти или почти все милые поэтические премудрости творчества Бродского найдутся у многих современных поэтов. Кроме бесприлагательности. Смотрю подборку стихов поэта и прозаика Бахыта Кенжеева («Знамя», №8, 2001). Умные, глубокие и прежде любимые многие его стихи, обильно украшенные прилагательными (вполне традиционное количество для русской поэзии), стали казаться подслащенными. В душе возникла какая-то пустота, на сей раз заполненная таким уж давно исписанным одиночеством, обилием поводов для «стопариков»... Но ведь весь этот джентльменский набор душевного неуютя поэтов всех времен и народов при желании можно найти и в поэзии Иосифа Бродского.

А вместо этих поисков, вероятно, из настырной вредности ко всему, что не Бродский, при чтении подборки Кенжеева в душе звучит, как мощная Ниагара, – «Точно Тезей из пещеры Миноса...». И что уж совсем мало свойственно поэзии Бродского, но мои ассоциации таковы, что рядом с клокочущей Ниагарой дзинь-дзинят нежнейшие колокольчики – ниагарчики – «Есть острова далекие, как сон. И нежные, как тихий голос альта: Майорка. Минорка. Родос и Мальта». Вероятно, не каждое ухо в состоянии выдержать Ниагару без «группы поддержки», и душа сама о себе позаботилась – напомнила об этих музыкантинках-ниагаринках.

Спешу заметить, что фраза «обилием поводов для стопариков» не несет никакой уничтожительности, простая констатация факта. Сознать свое бесси-

лие, свою абсолютную закабаленность, растворенность души своей в любимом деле, свою предельную ничтожесть до тех пор, пока небеса не отпустят на кратковременный отдых окаянную и покаянную, казалось бы, ни в чем перед ними не виноватую душу. Пока не произойдет этот божественный взрыв-прорыв прекрасного из распахнуто-озаренной души. Пока небеса не сжалятся, не подадут какой-то удивительной мысли, самой необходимой в данный момент и облеченной в слово, в строку – терпеть все это без допинга извне – подвиг, пока что достойными словами неозначенный. И уж так-то легко на время забыться, прекратить это божественное самоистязание, миленько и простенько опрокинув «стопарик».

* * *

Всю жизнь в душе смотрела снисходительно на тех, кто систематически посещает могилы усопших, особенно созвучных его занятиям, пристрастиям, душевным устремлениям. Один из моих добрых знакомых стал абсолютно неподходящим для создания семейных отношений, произнес с какой-то непонятной, надрывной душевностью, а потому мгновенно ставший неприятным моей бунтарской и свободолюбивой душеньке: «Буду теперь в каждый год ездить в Михайловское. Пушкин для меня...».

И вот сама сподобилась, и даже дважды оскоромилась, стала смешна в своих глазах, если из прежних лет глянуть. Переживала, о чем Бог не велел: закончу заметки о Бродском и придется сдать в библиотеку «Большую книгу интервью». Не хотелось бы. На обложке портрет Бродского. Хотелось бы иметь его в доступном месте. Чушь и блажь. А дальше в лес – всегда и дров (блажи) больше. Уже через два месяца работы над заметками о жизни и творчестве Бродского – ноябрь 2005 года – подумалось: «Хочу побывать в Сан-Микеле. На могиле Бродского». Абсурд, но тот мой добрый знакомый, не последний из лущих, – навсегда потерян из-за подобного абсурда.

* * *

Не менее интересно, потому что есть элемент куда большей фантазии, читается глубинная жизнь Бродского по фотографиям. Они почти всегда отражают особую тональность души, случается, сиюминутную тональность. Снимок на обложке книги Кейса Верхейла «Танец вокруг мира». Бродский на том фото чуть ли не древний дедушка с удивительно молодыми и, должно быть, очень ласковыми руками, владеющими особенной мужской страстностью. Иных мяукушки на дух не переносят, не то что ли позировать согласятся.

Этот снимок навевает чувство нежности и одновременно жалости-сострадания и грустной надежды на более светлый завтрашний день. Смотрю на эту фотографию, чтобы подзанять недостающей сиюминутной умиротворенности души, и в любом другом настроении люблю смотреть, получая иногда абсолютно неожиданный душевный заряд из бесконечно богатой духовной жизни...

Бродский здесь еще и снисходителен, но это ни капельюшечки не обидно. Поэт нисходит к нашей пустопорожней суете не с вершин своего гениального Олимпа, из опыта своей прежней жизни, в которой и сам не был лишен суетности быта и духа. Вольно или невольно – другой разговор.

Любимая фотография на обложке «Большой книги интервью» (фотохудожник Яков Гордин) внутренне очень далека от первой, на первой взгляд. И почти всегда вызывает во мне какую-то непонятную, может быть, и ненужную обычному смертному тревожную настороженность, – до приближения к пространству гения настолько близко, что охватывает необоримая духовная дрожь. Насолько, что невольно ощушаешь душою какие-то непонятные предостережения, непонятно от чего предостерегающие, но вызывающие обилие ответных противоречивых чувств, четко не означенных, но явно осознаваемых, – всякое противоречие силе гения идет во спасение.

Я смотрю на этот снимок, чтобы подпитать свою бунтарскую душу, когда собственные тревожные чувства на исходе, истончились, огрубелись в битве с бытом. Этот снимок в равной мере мешает, беспокоит. Но и жить без его космической распластанности во времени и пространстве невозможно, хотя со школьных лет помнятся великие строки Алексея Максим Горького (1868-1936 гг.): «Рожденный ползать – летать не может». Но духовные небеса столь просторны. Летающих (обитающих) там такое мизерное количество, что каждый уважающий себя духовный «ползун» может бесконечно приближаться к «летунам», отлично зная, что никогда не коснется их духовно насыщенных душ.

Есть у меня и самая любимая фотография Бродского (обложка данной книги), где облик поэта вопиет о боли духовной, но ничего, кроме Вселенной и дымка от сигареты, невозможно и представить рядом с предельно отрешенным обликом мыслителя. Редкий из смертных смог бы постоянно находиться рядом с гением, мириться с его космической отрешенностью, выносить неизъяснимо придиричивый, строгий, предельно вопрошающий и требовательный взгляд, его неимоверную печаль, его постоянный уход от собеседника за многие версты мыслительного горизонта...

Такие вот думы навеял профессионализм фотохудожника Марка Штейнбока.

Кейс Верхейт Т.В.М., С.182: «Что меня больше всего поразило 10 декабря 1987 года, так это безмятежность сияющего от удовольствия Иосифа Бродского, с самого утра и до поздней ночи... И позднее, если речь заходила о stokголь-

мской зимней сказке с горящими днем и ночью свечами, речами, музыкой и вечерними туалетами в три часа пополудни, то он, снова сияя, неизменно употребляет придуманное им самим слово, воплотившее для него всю атмосферу праздника. – «Нобелевка».

По банкетному фото Бэрэе Турессон, Б.К.И., С.181, можно писать психологический роман о превратностях нашей жизни. Так уж получилось или такой была задумка фотографа, но вокруг Бродского на снимке и в самом деле живых не просматривается. Соседи по столу все отчего-то в туманной дымке утонули. Официанты напоминают каких-то роботов, или манекенов, или обслугу какого-то виртуального праздника.

Лицо Бродского излучает покой, счастье, довольство и небывалое для него блаженство. Еще больше в нем иронии с лукавством. И невозможно избежать мысли, что перед нами сидит и не верит ни одному сказанному слову, не принимает всерьез все это великолепное, шумное – в пределах всего белого света, действо, что у него на все про все свой расклад, что на этом фото изображен не кто иной, как поразительно молодящийся, любезнейший Павел Иванович Чичиков из «Мертвых душ» несравненного и, вероятно, предельно несчастного Николая Вас. Гоголя (1809-1852 гг.).

Первое сравнение данного плана ангел Бродского мне простил, рука испытывала только легчайшее напряжение, но когда я второй раз вздумала «прогуляться» по тем же пределам, рука перестала писать, а глаз неизменно закуресил до слезотечения. Знать, сверчок излишне зависил свой шесток.

Второй раз отметила это куда как большее пресловутое сходство, но в профиль, на снимке, где Кейс Верхейл вручает Иосифу Бродскому первый экземпляр голландского перевода книги поэта «Меньше единицы» в стокогльмской гостинице, тоже 10 декабря 1987 года. Фото Вероники Шульц.

Позднее нашла себе оправдание в стихах Бродского, раньше как-то не замеченных. Тем уж более, что и в самом деле не совсем прилично соотносить на полном серьезе реального человека и литературного героя только на основании лукавого блеска в глазах или строгой самодовольности, даже какой-то неземной пресыщенности, как на фото Вероники Шульц.

М.Б. «Часть речи», С.54: «Нет под нами земли, но листва в небесах./ и свое отраженье в твоих глазах./ приготовившейся мысленно к дележу./ Я, как новый Чичиков, нахожу».

* * *

Если наша жизнь осознанное помимо нас стечение закономерностей, то мне лестно и знобка. Почему Бродский приснился именно мне. Почему именно

меня, спустя три месяца. «добровольно принудит» писать заметки о его творчестве, всегда и давно любимые мною почеркашки-критикушки. Да, оставила любимую работу. Не пошла в библиотеку, когда ей официально присвоили имя Иосифа Бродского (3 марта 2004). Моя гордость отчего-то не глянулась гению. Или наоборот. И он решил все по-своему переназначить. Думала о Бродском не больше, чем о других великих. Отлично работалось и с рифмулятами (по аналогии со «стишатами» Бродского), и с почеркашками-критикушками о творчестве других литераторов.

Сон о Бродском, возможно, прошел бы мимо сознания, все-таки о его творчестве не однажды говорила в библиотеке. Но 31 августа 2005 года проснулась с ощущением какого-то внутреннего приказа – надо писать о творчестве Бродского. Не собираюсь унижаться – велик, мала, – но этот внутренний приказ меня смутит. Это уже не назовешь случайностью, тут – хочешь или нет, но проглядывала неподвластная мне закономерность. Приказы такого порядка души тоже не обсуждаются. И понемногу стала проследиваться канва книжечки о Бродском, а там и один из предельно искренних ответов Бродского на вопрос журналиста, отчего-то успокоил мою душу. Б.К.И., С.195: «Я ошущаю свою инородность, в общем, более или менее постоянно. По отношению ко всему. Где бы то ни было. Это было дома, осталось и здесь. Видимо, это сугубо индивидуальное».

* * *

Мне лестно и знобко, потому что бита жизнью с ясельного возраста, потому что не могу подписаться ни под одной из этих прекрасных фраз из книги Людмилы Штерн: «Мне невероятно повезло с родителями. Оба – петербургские интеллектуалы... Меня не унижали, никто не ущемлял моих прав... Я росла и выросла в атмосфере доверия и любви».

Такой семейной обстановки мои сельские ровесники (их большая, меньшая часть) и представить себе не могли. Кино и радио в деревне моего дошкольного детства не было, а запоем читаемые в школе книги были сплошь начелены на строителей строительства коммунизма. Мы были, за редчайшими исключениями, одинаково работаши, голодны и дурно одеты. Я отличалась еще и тем, что рядом со мной не было лучшего друга и советчика – родной матушки. Меня миновала «самая лучшая в мире академия – материнские колени» (Роберт Лоуэл). Поэтому последние строчки из цитаты Людмилы Штерн теснят сердце застарелой, а потому неизбежной обидой «не унижали... не ущемляли... в атмосфере доверия и любви».

Не порицаю, но пишу с печалью в душе, иные из моих ровесников или более старших товарищей и по сей день не избавились от замашек провин-

шального строителя коммунизма. Все сказанное только малая крупица моей знобкости. Создавая о ком-то свои почеркашки-критикушки, обычно отдыхала, читая детективы, слушая радио, гуляя по Коноше. Заметки о Бродском настолько поглотили, растворили в себе мою духовную суть, что могла одновременно заварить чай сразу в двух чайниках (особенно в первые месяцы работы над книгой), пройти по улице, не заметив хорошо знакомого человека, но глядя на него в упор. О детективах вспомнила только сейчас. Первые полгода чуть ли не ночевала в библиотеке, но стоило только подумать: «Надо бы написать для книжечки о Бродском «Заметки счастливого человека» и «Много званных, да мало избранных»; о ровесниках и о себе, баженой, как обе эти любушки чуть ли не сами по себе с кончика пера на бумагу стали падать, падать – хоть построчно, хоть поабзашно.

Выходить на прогулки по Коноше было столь же знобно, сколь и радостно. Мои любимые рифмуленочки просто атаковали меня со всех сторон. И, что особенно приятно и значимо, среди них было много рифмулят для детей. Такого чуда-чудного раньше в моей жизни не бывало. Единицы детских стихов из прошлых лет не в счет. Заметки, т.е. черновик о Бродском, на исходе, а какая же новая, не мною выношенная и осознанная закономерность ждет меня впереди. Страшновато. Страшновато и дальше работать в таком перенасыщенном (уплотненном) темпе и ритме, но и страшнее страшного сесть на нескончаемую литературную мель. Тем уж более, что не дает мне временами покоя мысль, навеянная Бродским, о писании «бесприлагательных» стихов. Не собираюсь, надеюсь на это, обеднять, строжить, очерствлять свою типично русскую душу полным отказом от русской песенной, певучей лирики. Но вот впервые в жизни сознательно выдала неприлагательную рифмулену. Знаатоками, местными любителями изящной словесности, этот шедевр оценен выше среднего.

И тут оказалось, что многие прилагательные в моих рифмуленах легко заменимы. И смотрятся эти рифмуши в неприлагательной одежке неплохо. А какой из вариантов наиболее приемлем, об этом в Коноше и поговорить не с кем. Вот тебе и «Лучше жить в глухой провинции...». Тут уж и море не помогло бы. Выходит, что сама себе открыла на дому литературный ликбез, в котором и томлюсь в собственном соку. Сошлюсь на цитату Игоря Ефимова, сказанную по иному поводу, но ее первая часть точнехонько в русле моего ликбеза и пребывает, тем уж более, что это слова человека, который в то время жил в Санкт-Петербурге: «Как часто мы испытываем это разочарование: пытаешься поделиться с близким тебе человеком радостью, доставляемой тем или иным поэтом (*все-таки, точнее, стихами того или иного поэта* – Н.Б.), и «натякаешься на равнодушие, глухоту непонимания».

С некоторой долей определенной направленности (Пушкин и Бродский, оба во главе своих литературных углов) перелистала «Евгения Онегина». И ручаюсь: большая часть «недостатков», отмеченных Солженицыным в стихах Бродского, лукаво-лукавейшее приплясывает на страницах почти всей «эпопеи русской жизни». Обилие героев мифов и легенд, перенесены или оставлены в строке смысловые слова, части фразы... Вся «эпопея», кроме образа Татьяны и прелестнейших картин природы, буквально (используя слово Солженицына) «просочена» иронией до сарказма.

Но все подано с легчайшим лукавством, чисто-начисто по-вольтеровски, будто бы и не всерьез, будто бы всерьез идет только игра в поэзию. Игровых моментов – пруд пруди. Можно запросто, не касаясь образа Татьяны и картин природы, сократить энную часть «эпопеи» или написать еще столько же, но в данном стиле. Ничего не изменится. Две цитаты – «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Каково? По методе солженицынского анализа текстов – так мог сказать только Иосиф Бродский, который любил только себя.

Интересно другое: никто об эту фразу, подобных в «Онегине...» несть числа, за двести минувших лет прилюдно даже не споткнулся. Или: «... в высоком лондонском кругу зовется вульгар. (Не могу) Люблю я очень это слово, но не могу перевести...». Это наше-то «солнце русской поэзии» не могло перевести. Не смешно ли? И тут уж с какой стороны ни посмотри, ни за что не заметишь великую любовь Пушкина к слову «вульгар». О любимых знают всегда больше, чем говорят. То есть идет сплошная литературная игра в литературные подделки. Ну и на здоровье! Чем бы это прелестное полуафриканское дитя ни тешилось на русской литературной ниве. Кому от этого плохо? А в итоге в нашей литературной копилке-сокровищнице, все-таки – эпопея.

И, тоже все-таки, один момент из жизни Пушкина, заметно отвлекающий от глубинного прочтения его творений, надо непременно отметить. В одном прекрасном фильме из юности ровесников Великой Отечественной, о летчиках советских лет, был такой эпизод, оставшийся практически незамеченным, да и поданный режиссером как-то поверхностно-судорожно. Зато сегодня, в сгущающихся сумерках наших буден, от эпизода этого мурашки по коже. Молодая летчица, отправляясь в очередной полнебесный рейс, тщательно просматривает свои личные архивы. При этом что-то безжалостно уничтожает.

Только на фоне данного эпизода посмотреть, то Александр Пушкин, вероятно, находился в ряду тех истинно великих, кто старательно, до судорожности, накапливал свое будущее величие (вполне истинное и без этих накоплений) с первой удачно написанной строки, многократно исправленной и перечер-

кнутой... Неизмеримо способствовала будущему величию небывалая порождительность и трясина личной жизни человека, одаренного взрывным негритянским наследием. (*Прощу прощения за повтор «негритянизма»* – Н.Б.).

Вполне возможно, что поэт попросту боялся, что его удивительную, вольтеровскую легкость стиха потомки могут считать за первоначальную легкость писания стихов вообще – быстроту, немучительность, не поэтическую обморочность от усталости недостижения желаемого результата, и поэтому старательно накапливал сундуки из своих черновых замазюль. Которые, вероятно, испортили прекрасное ранее зрение многих и многих талантливых трудолюбивых на ниве исследования чего-либо вообще, и талантливых сундучных замазюль великого сверчка, в частности. Пусть бы уж лучше пушкинисты вздыхали от недостатка поэтических черновики, чем от обилия оных. Недостаток более существенный дивительный к любому совершенству – мысли, фантазии, в частности.

Обидевшись за Пушкина, рассердившись сама на себя за крамольные мысли о «великом сверчке», правда, мысли эти много ранее навеяны безвестной критикессой (радиопередача) из славной вологодской глубинки – старинного городка Тотьмы, а позднее и небывалой рьяностью Владимира Набокова, – кинулась перечитывать любимую со школьных лет «Капитанскую дочку». Школьные впечатления не испарились – легкость, нежность, изящество стиля, но... ни одной завалишей мысленки в любимом произведении нет. Мысли о русском бунте? Да можно ли найти хоть один бунт, наполненный смыслом.

Берусь за многократно «читанное», отчасти заимствованное, но со школьных лет подаваемое чуть ли не вершиной любовной лирики «Я помню чудное мгновение». И... что ни фраза в нем, то по сути глыба несуразная, оскорбляющая действительно божественный русский язык, в частности, его любовную лирику. «Передо мной явилась...» Попробуйте опозитизировать топорное словечко «передо» – язык сломается, душа омертвеет от обиды. «Явилась» – можно подумать, что из-за угла выплыла нежеланная копна сена, а ведь дальше речь идет о видении, которое только мелькнуло, которое настолько неуловимо, что его легче вообразить, чем рассмотреть.

Здесь весьма уместно вспомнить строчку из песни самодостаточного ленинградского барда Олега Митяева («...то ли девочка, а то ли виденье»).

Страшно и странно, что мои любимейшие, да попросту обожаемые учителя литературы не споткнулись на фразе «гений чистой красоты» – грязной красоты не бывает. Рассердившись на великого шутника Пушкина, уж слишком много несуразностей в такой крохотуле выставил, в который уж раз припомнила шутки великого сверчка, которые добродушные россияне повторяют чуть ли не третье столетие. «Гений и злодейство несовместны». Мы, совершив лингвистическое злодейство по отношению к великому шутнику, произносим

«несовместимы» – утратив в итоге переделки прежнюю стилистическую музыкальность с ее богатейшей исторической тональностью. И повторяем чуть ли не с издевкой к памяти великого «сверчка», вероятно, смеющегося над нами с небес, неближну о Сальери, вполне самодостаточному, если не столь же гениальному или более гениальному, чем Моцарт. И в своей духовной нечуткости не осуждаем данного поэтического злодея. Как бы сказали сегодняшние молодые знатоки литературы: «По нулям». Или убежденные седины: посеял ветер, пожнешь бурю.

Слегка перефразировав божественно прекрасную строчку Осипа Мандельштама о картине Клода Моне (1840-1926 гг.) «Сирень на солнце» (1874 г.), можно с неизбежной уверенностью констатировать: только сохраненные варианты (не черновики-варианты) хотя бы нескольких творений великих вполне могут дать дотошному или равнодушному зрителю (читателю) достоверные и достаточные глубокие знания о том, «какой глубокий поэтический обморок» испытывал сам Мандельштам при написании только данных строк, кажущихся нам в итоге такими воздушно-насыщенно-легкими.

На фоне этих «замазольных сундуков» двухвековой давности действительно великими, но не столь оглашенными на всех перекрестках – от примитивного быта и до вершин искусства, смотрятся те, кто просто уничтожал свои творения, казавшиеся им недостаточно зрелыми, чтобы представлять творца и века спустя. Пример. В последние годы жизни Клода Моне (Ксения Георг. Богемская. Москва. «Искусство» 1984 г.), утрачивавшего свое зрение, «нежнейшее по восприятию окружающего мира», в саду его поместья по вечерам горели костры, на которых он сжигал, по его мнению, неудавшиеся полотна.

Бр-р-р. На фоне этих костров о-о-очень импозантный профиль седобородого Клода Моне завораживает какой-то редчайшей силой воли и наполняется небывалым духовным и душевным величием. Титан мысли, искусства и духа.

Можно посмотреть на эти «художественные костры» разумом истинно советского человека, который хорошо помнит «байку» великого Аркадия Исаак Райкина (1911-1987 гг.) про балерину, которая «бесполезно крутит ножкой. Вот если бы привязать к той ножке шнур динамо-машины, то сколько бы необходимого стране электричества можно было получить дополнительно».

И сколько бы залов можно было украсить сожженными полотнами Клода Моне (не он один сжигал) с пометкой: автор не считал их совершенными. Подобные картины, расположенные в стенах учебных заведений, могли стать прекраснейшей академией искусств для начинающих художников и тонко чувствующих дилетантов, которые умеют илти вперед, находя ошибки, недоработки в творениях великих. Это, вероятно, один из множества коротких путей к вершинам мастерства.

В моем активе провинциального журналиста предостаточно бесед с художниками Архангельской и Вологодской областей, но ни один из них, даже самый продвинутый, по местным меркам, не заикнулся о сериях картин по одному и тому же сюжету. Ах и увы, значит, ни один из них не достиг, не пытался достичь уровня Клода Моне или, хотя бы ради «спортивного» интереса, написать дюжину набросков на самый любимый художником сюжет. Ах, как прав был великий «сверчок» – «Мы ленивы и нелюбопытны».

Цитата из книги Богемской – «Клод Моне – автор идеи писать серии картин по одному сюжету. Однажды Моне привычно работал на натуре, увидел, что освещение изменилось... Попросил дочь сбежать за новым холстом... Спустя некоторое время все так опять изменилось, что он был вынужден на том же месте начать новое полотно, и т. д... Так сложилось представление, что серия картин с одним мотивом – это наивысшее достижение точности наблюдения, фиксации отдельных мгновений».

* * *

Шагнем дальше божественной идеи Клода Моне. Возможно, великий француз или автор книги Ксения Богемская не сочли нужным сказать об этом. Идея Клода Моне, вероятно, является и одним из непреложных законов для глубочайшего восприятия и воспроизведения мира прекрасного художниками, скульпторами, музыкантами, литераторами...

Мои высоколобые (знак уважения) ровесницы в Череповце и Вологде перечитывали Достоевского, Чехова, Моэма, но никто не поразовал тем, что перелистывал «Евгения Онегина». Что там листать, если не над чем посидеть и подумать. Тогда как на одном «Подсвечнике» Бродского можно «сидеть» и размышлять (по настроению, по времени года и суток) о бренности нашего бытия до бесконечности. Картины, написанные нашим сознанием, будут меняться в зависимости от возраста, погоды за окном, развития, воображения, образования...

* * *

Или уж Пушкин выражался почти по-вольтеровски километровыми стихами, или Вольтер по-пушкински разливался соловьем на тех же километрах. «Орлеанская девственница» С.160: «...Ведь тебе известно./ Что против героических голов./ Когда грешила Ариоста лира./ У нас гораздо больше дураков./ Спаси меня от всех болванов мира./ От всех хулителей моих стихов».

Обе цитаты – Вольтера и Пушкина («Кто жил и чувствовал, не может в душе презирать людей»), кроме явного пренебрежения ко всему белому све-

ту, кто не данные имяреки, кроме необычайной усталости от жизни, объединяет необычайная простота, понятность, воздушная легкость, невесомость стиха. Второй раз читать нечего. Разжевано. Проглочено. С Пушкиным все яснее белого дня. Творчество Вольтера, легкость его стиха, слегка настораживают. Сошлюсь на Кейса Верхейла. Т.В.М., С.105: «... Хемингуэя, Фолкнера и Апдайка русские уже давно читают с не меньшей жадностью (правда, в переводе, то есть видоизмененными)».

И кто бы мог сказать о степени «видоизмененности» языка (стилистики) проказника Вольтера? Без мнения Бродского по данному вопросу вперед дороги «нету». Б.К.И., С.185: «... но перевод – это утрата по определению». С.191: «В любом, даже самом совершенном переводе вещи теряют».

Но мы-то хорошо знаем, что переводы не могут быть совершенными. Значит, мы, не владеющие иностранными языками провинциаты, читали всю жизнь запоем нечто среднее, между каким-нибудь высоколобым Патриком и не менее высоколобым родняшкой Петровым. То есть сплошной эрзац. И еще восхищались до умопомрачения. Впору посыпать бедную начитанную голову едчайшим литературным пеплом. Аминь.

* * *

Вероятно, пока Бродский не стал смотреть на потуги журналистов с колокольни цитат из Вольтера или Пушкина (любых, им подобных), они необычайно расшатывали его нервную систему своими «горячими» вопросами. Надеюсь, что десять лет жизни в свободной от многих комплексов Америке и престижная Макартура достаточно расслабили и одновременно закалили поэта. 1982. Б.К.И., С.205:

- Значит, вы страдаете от эмиграции меньше, чем другие поэты и писатели?
- Несомненно.
- Как, например, Солженицын?
- Если, конечно, он вообще страдает (смеется). Да я его никогда не встречал, я про него не знаю.

Во всяком случае, за чистоту, литературную традиционность русской поэтической строки Солженицын страдал. Поэтому и не считал себя грешником, не боялся гореть в аду, бросив отравленный камень нелюбви в поэтическую реку Бродского, которая одновременно, в одном и том же месте бывает мелка и глубока, тиха и порожиста, приземленная и в небеса устремленная... Всем, кто ничтоже сумняшеся хочет бросить камень (гадкое слово) в адрес Бродского, надо сначала просчитать до десяти, то есть всего-навсего прочесть интервью «Человек все время от чего-то уходит». Б.К.И., С.С.497-498. Ваш язык сам прилипнет к небу.



Читая Б.К.И., С.654, впервые ужаснулась пришедшей мысли: мой любимый поэт и эссеист Бродский заметно глубже моего любимого прозаика Солженицына, умеющего бесподобно уложить, упаковать без сучков и задоров нашу угловатую, острую жизнь в свои величественные эпопеи. Возможно, Солженицын, осознававший себя более мудрым и не менее гениальным, был сердит на Бродского не только из зависти к шумному мировому признанию его поэтических и прозаических талантов, но и не в меньшей степени (вспомним не любовь Сомерсета Моэма к трудновоспринимаемым текстам) обескуражен непонятностью стихов Бродского. Ибо про рыбу, которая сама собой подразумевается (как «мысленная рифма» по мнению Кейса Верхейла), если в стихе есть кряк и море, – никто не в состоянии был догадаться без авторской подсказки.

Январь 1995. С.654: «...да плюс русская провинциальная тенденция во всем, что происходит, во всяком страшном опыте видеть руку Провидения... Все это осталось и у Солженицына... Солженицын не понимал и не понимает одной простой вещи. Он думал, что имеет дело с коммунизмом, с политической доктриной. Не понимал, что имеет дело с человеком».

Стопроцентно принять или отринуть все сказанное Солженицыным в адрес поэзии (даже быта) Бродского с лету – невозможно, если не имеешь его литературного уровня. Не знаешь близко человека, не понимаешь его внутренние, не подвластные ему порывы, направляющие столь негативную и столь сильную энергию столь великого ума на столь мизерное в итоге деяние. Но все резко отрицательное исподволь несет (накапливает) и многие весьма и весьма положительные моменты...

Если что-то с литературного воя Бродского ненароком и упало, то его поклонники и почитатели положат обратно и еще воздадут сторицей. А милый мудрый старец так и останется в данном спорном поле при своих интересах, в роли старого-престарого ворчуна, которому не столько не нравится белый свет и его обитатели, сколько его широкая душа все-таки оказалась узковата, некуда положить такие естественные изменения в природе литературного мира, обилие его вариантов, в частности. Возможно, и поэтому литератор уровня Солженицына, буквально на каждом шагу чуть ли не по-садиistically скальпируя стихи Бродского, хоть изредка, но с полным литературным комфортом, приземляется в им же до краев наполненную саркастическую литературную лужу. Хотя, по сучи сказанного, Солженицын чаще всего бывает прав.

Поэтический (литературный) анализ заметок Солженицына сделан на «хор.» и «отл.» Игорем Ефимовым в его статье «Солженицын читает Бродско-

го». Он не стал останавливаться на непричесанном, поскольку это бесполезно по невозможности. громадном «Представлении» («Часть речи», С.469). Солженицын тоже сказал всего ничего. Хотя именно здесь и можно было отметить множество отрицающих моментов.

Вероятно, Солженицын не принял всерьез «Представление». Это действительно «срыв в дешевый раешник». Бродский здесь переиграл самого себя. С какой целью? Это знает только сам автор. Ибо все умно-разумные слова со стороны... прямого попадания в искривленную суть написанного – не дадут, отразив только одну из малых граней большой и абсолютно непонятой (возможно, непонятой) литературной игры. Хотя во всем, что изобразил художник, – крайне неординарно, предельно грубо, порою, до глупости, раскованно-изошренно (хотим мы этого или нет), проглядывает часть заскорузлого доньшка его души, духовной сути, сокрытой до поры, до времени.

Один человек (часть его сути) вполне мог написать подобное «Представление». Именно таким подан Бродский на фото Алы Струве (ох, уж эти женщины – фотохудожники, стреляющие в душу ближнего без промаха). Рим. Пьяцца Навонна, накануне Рождества 1975 г. Иосиф Бродский рядом с тогдашней дамой его сердца, голландкой Элен Хоогевееген и два Кейса, Верхейл и Смит (супруги). То ли эта абсолютная двусмысленность ситуации – дама с такой внешностью не могла бы покорить душу гения. А рядом еще парочка нетрадиционалов. Может быть, гений умел и любил расслабляться в Италии. Но его рука, поднятая в каком-то нацистском шутковском приветствии, не пионерском же, и весь его внешний вид можно с чистой совестью обозначить: раешно-глубочно-гаерский. Но поэт имел полное право быть таким, каким огнем в тот миг душа его пылала.

Вероятно, у каждого художника легко найти свое «Представление». Пусть бы и на иной манер. По всей вероятности, «Роман без вранья» Анатолия Маренгофа в части его дружбы с Есениным – своего рода «Представление». Из той же оперы строчки нежнейшего рязанского соловья – «Что ты смотришь синими брызгами, али в морду хошь». Меня же интересует только нравственный аспект сказанного Солженицыным о душе, духовной сути поэта Бродского. То, что Игорь Ефимов обозначил весьма деликатно, в духе старых петербуржцев – «не нашлось добрых слов».

Здесь уж не улыбнешься на «устойчивую привязанность, заноченность». Здесь совсем иной ленок к солнцу тянется. Один пример, который непростоительно обнаруживать в толстом журнале даже за подписью кухарки, которой будто бы и в самом деле когда-то было дозволено управлять государством. Кухарка бы та, вероятно, покраснела. А Солженицын провел основательные раскопки в чужом грязном белье. В результате этой изначально дурно пахнувшей

по всем направлениям деятельности выяснилось (сядьте, чтобы ненароком не свалиться от солеянного Бродским), что Бродский как-то умудрился улететь майора и начальника Коношской милиции настолько, что поэта отпустили на три дня из Норенской в Ленинград. По мнению Солженицына, поэт Иосиф Бродский совершил преступление века. Журнал «Новый мир» за номером 12 1999 года о том свидетельствует: «... он (Бродский – Н.Б.) привез оттуда медицинские справки о психопатии...».

Уровень дурно пахнувших раскопок и стилистики языка вполне соответствует поведению старшей сестры мисс Гнусен из прекраснейшего романа Кена Элтона Кизи «Над кукушкиным гнездом», отделение психических больных. Нет нужды цитировать весь «кухаркинский» абзац по уровню злости, зависти, поверхностности мисс Гнусен. И так уж каждому мыслящему человеку ясно-понятно: окажись на месте безвестного коношского майора известный всему просвещенному миру писатель и майор Солженицын, то все пять лет ссылки в Норенской под алфавитно-строгим надзором второго майора... задетая психика поэта и его больное сердце, подхлестываемое неуравновешенным характером гения, означали бы, как ни посмотреть на ситуацию со стороны – верную смерть или раннюю поэтическую инвалидность.

Вопру опять посыпать голову пеплом. Ибо за чистоту написанного и обилие отлично охваченных тем – гениальностью не отмечают. Она прежде всего небесами даруется. И весьма избирательно. Иначе бы Солженицыну прямая дорога в лауреаты премии фонда имени Макаруров. И не хватает для этого Солженицыну, может быть, самой малости – непохожести ни на одного из литературных имяреков. У Бродского этой непохожести через край переливается. Может быть, этот избыток и породил «Представление».

* * *

Одинцов Венямин Иванович (1929-1978 гг.). Родился в деревне Дымово Богородского района Кировской области.

Главное сделано – рядом с гением поставлен обычный майор, сделавший для Бродского даже невозможное для человека в погонах.

А вот что, в стиле Эзопа, сказал сам Иосиф Бродский в Б.К.И., С.280: «... Начальник местной милиции, человек необыкновенный (его потом убили бандиты, да упокоит Господь его душу) вызвал меня и сказал: «Послушайте, уехать вам отсюда нельзя, но оглянитесь и поищите какую-нибудь работу, которая вам подходит».

Заставила улыбнуться фраза Солженицына в адрес вполне сформировавшегося человека и литератора (1978 г.): «... Я написал ему об этом... Бродский революционно сотрясает русское стихосложение». Этот и подобные ему разговоры поднадоели поэту, судя по сердитым ответам Бродского только в беседе с Беллой Езерской в 1981 году:

– Ничего я русский стих не лишал и ничего в нем не взрывал. У каждого человека своя дикция, и у меня, видимо, тоже своя...

Сомневаюсь, что даже в 1958 году Бродский принял бы в расчет совет, не стоящий его внимания. (Вспомним, понятый и принятый к действию совет Евгения Рейна о «бесприлагательных» стихах). Во-первых, как всякий много обижаемый, а потом поднявшийся в заповедные литературные выси, значит, пооторвавшийся от земли-матушки во всех отношениях, едва ли Солженицын умел давать приемлемые советы вообще, а уж в глазах Бродского он не мог быть советником, в частности. Что доказательно и подтвердил позднее своими полупасквильными заметками о жизни и творчестве гения.

Во-вторых, человека почти зрелого (близок к тому) возраста, принимающего безоглядно советы со стороны, не умеющего самостоятельно и успешно править в сумасшедшем (или излишне суматошном) литературном мире (в любом другом), едва ли когда-нибудь признают гением. С Бродским сей великий «казус» приключился почти через три года после получения невостробованного им сожалеательно-предупредительного послания Солженицына. Последний, вероятно, в тот светлый для Бродского день испытал шок удивления и остороженности в адрес мыслящей мировой элиты, выведшей на небывалую литературную дорожку человека, не закончившего средней школы...

Для Бродского это «революционное сотрясение русского стихосложения» было, вероятно, не больше, чем абсолютно необязательная светская игра в ученика с учителем. Учитель выглядел весьма успешно и солидно: возрастом, обилием прекрасных книг и серьезных дипломов, а ученик (как уже было сказано) – не имел аттестата о среднем образовании. Естественно, что каждый образованный выходец из России, всерьез играя в слова, стремится во что бы то ни стало навечно оставить свое литературное тавро на крупе обезьяемого им пегасенка.

Но игра в слова не проходит бесследно даже для такого эрудированного человека, как Солженицын. Обвиняя Бродского в сплошной текстовой иронии, обвинитель отчего-то не замечает, что сам вешает о Бродском чаще всего на уровне... сарказма. Да, Бродский виноват перед собой и Богом, да, любил поэт несколько раз «тиснуть» одно и то же словечко, если в не строку, то в стих все-

непрерывно. Вот и красивое «зане» он приветил излишне сердечно. Слово это помечено Солженицыным как высокопоэтическое. «Биографический словарь» (Русские писатели XX века) поясняет эту изюминку излишне просто – «ибо». «для того», «потому что». В такой компании любая простота вполне уместной окажется. О какой «высокопоэтичности» здесь может идти речь – только самому Богу и понятно. Если понятно.

Вероятно, знай Бродский, что такое великое внимание серьезного писателя выпадет этому простоватому при пояснении «зане», то всенепременно уж использовал бы его собрата, еще более вальяжную и загадочную в слуховом варианте копию – «занеже»...

В какой уж только бытовой безнравственности (это было бы терпимо, пиши Солженицын деликатно, но подробнейшую биографию поэта, а не просто анализируя стихи) и не упрекнул Бродского Солженицын, вероятно, считая себя просвещенным солнцем до последней волосинки – религия, демократия, ирония. Но полторы из последних заключительных строчек статьи вызывают только чувство жалости и обреченной безысходности к великому прозаику – ведь Солженицыну с таким неподъемным саркастическим багажом осталось и всего-то ничего, чтобы шагнуть за 90: «Он был всегда элитарист, так и говорил откровенно. Он – органический одиночка». Какой бы сардонически-казуистический смысл (в чем был замечен еще Людмилой Штерн) ни вкладывал Солженицын в это словосочетание, прочту его так: одинокий духовно, душевно, гено: не нуждающийся в ежесекундной подпитке окружающих; не желающий, не считающийся нужным; не терпящий общаться с кем бы то ни было длительный временной отрезок...

Так ведь это наше естественное, природой человека-творца востребованное органическое (врожденное) одиночество. Так уж природа-матушка возжелала. А сам человек, если пожелает быть другим, то просто убьет свою Богом данную самость, но ни за что не сможет в своей дивнейшей психологической конструкции удачно и полноценно поставить... телегу впереди лошади...

Об одиночестве Бродскому, будто сговорившись, напоминали постоянно, но с уважением к его внутреннему миру, с жалостью (или сочувствием) к естественным в такой ситуации потерям, утратам определенных ценностей жизни, рассчитанных только на человека, окруженного толпой друзей, почитателей. Б.К.И., С.92, 1982:

– Голос, который звучит в ваших собственных стихах, кажется мне страшно одиноким. Похоже, что поэт и не ищет взаимодействия с людьми?

– Да так и есть. Ахматова сказала то же самое о первых моих стихах, которые я ей принес в шестьдесят втором году. Буквально то же самое. По-видимому для меня это характерно.

С.93: «Сама идея одиночества меня скорее привлекает. Неплохо осознать, что ты собой представляешь... хотя особой радости это знание не приносит. Ницше сказал: если человек остается наедине с собой, то он остается в обществе собственной свиньи». (*Прошу извинить за повтор цитаты* – Н.Б.).

С.535: «Когда ты посвящаешь чему-то свою жизнь, ты ждешь того же от своего окружения и платишь за то, что твои ожидания не оправдываются. Окружение не идет за тобой. В результате перестаешь обращать внимание на тех, кто обвиняет тебя в бездушии...»

Это очень серьезный, осознанный со всех сторон (уже в дополнение к врожденным задаткам) шаг к неодолимости внутреннего одиночества. Естественно, что Бродский все-таки испытывал определенный дискомфорт от постоянного одиночества. Отчасти, вероятно, и потому он приводит в Б.К.И. высказывание римлянина Марциала. С.72: «Если хотите жить счастливо, говорит он друзьям, не заводите близкой дружбы ни с кем... Когда такое послание приходит через тысячелетие, оно сильно трогает».

Не удержусь, чтобы не поправить мудрого Марциала. Здесь более всего уместна фраза великого сверчка: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Отсутствие близких друзей едва ли хоть кому-то прибавит счастья, а вот покоя и воли (буквальной свободы) прибавится несть числа.

С.472. 1990 год:

– Однажды вы написали, что «одиночество – это человек в квадрате». Поэт – это человек-одиночка?

– Одиночка в кубе или уже не знаю в какой степени. Это именно так, и я в известной мере благодарен обстоятельствам, которые в моем случае это физически подтвердили.

– Сегодня вы остаетесь человеком более или менее одиноким?

– Не более-менее, а абсолютно.

Сам о себе человек имеет полное право сказать все, что ему заблагорассудится. Читателю, если уж он считает свою колокольню настолько высокой, что он получил от Господа право на безоговорочное осуждение всех и вся, необходимо, прежде всего, ответить на один-единственный вопрос: отчего бы литератор сказал такую, по мнению мыслящего читателя, околесицу с чересполосицей. Повторять же слова литератора с ехидством, недобрыми подковырками – это такая мелкая ничтожесть, свойственная только тем, кто не имеет своих мыслей о предмете разговора, кто не способен поставить себя на место человека, задетого хлестким бичом жизни заметно больше многих.

А в данном случае даже аристократическое по форме и сути словечко «элитарный», особенно в устах умного и образованного существа человеческого происхождения, обрушивается на чуткий слух, как «буржуин», «капиталист».

«милитарист» и прочая трескучая и много бившая по душе пустопорожняя звонь из, к счастью, пройденных нами лет, пройденных не без потерь различного вида и свойства. Место «элитарной» нежности и благородства неизяснимого Солженицын умудрился заполнить сплошной ругательностью.

Органический одиночка и того проше пляшет. Вспомним других великих художников, современников Солженицына и Бродского. Виктор Петр Астафьев в «Зрячем посохе» сказал, что у него был единственный друг, критик Александр Никол. Макаров. Один из них жил в Москве, другой – в Сибири. «Дружили» письмами и редкими встречами, чаще всего на квартире Макарова. Все остальное время обходились без друзей, как органические одиночки что ли?

Дружба эта носила опять же форму школьного урока. Прозвенел последний звонок для Макарова, и дружба Астафьева с семьей критика тотчас сошла на философское «нет». К слову молвить, Астафьев жил в моей любимой Вологде десяток лет, но ни сам писатель, ни его многочисленные коллеги по цеху ни разу не произнесли таких магически-нежных и убагаотворяющих фраз – «мой друг», «уехал друг!» Насильно мил не будешь. Для вологодских литературных зубров тех лет Астафьев в учителя все-таки не годился. До «мелкой литературной сошки», вероятно, сам не снизошел.

Припомнится явный (без натяжек и кавычек) и прекраснейший органический одиночка Михаил Юр. Лермонтов (1814-1841 гг.). Практически каждое его стихотворение (и проза) исполнено грустными мотивами, с присущим художникам одиночеством: «Я думал: «Жалкий человек./ Чего он хочет! Небо ясно./ Под небом места много всем./ Но беспрестанно и напрасно/ Один враждует он – зачем?» («Валерик»).

Это произведение вечно юного Лермонтова было как-то особенно близко Иосифу Бродскому, что он и подчеркнул в беседе с Евгением Рейном, в фильме «Прогулки с Бродским» (Ноябрь. Венеция. 1993).

Можно посмотреть проблему органического одиночества в глубь веков. На примере жизни и творчества человека, который тоже ни с кем не-со-пос-та-вим в этом мире. «Тоже великий континент», остров в океане интеллектуальный безбрежности. Это Микеланджело Буонарроти (1475-1564 гг.): «... которую в последние тридцать лет своей жизни вел в Италии совершенно одинокий... великий художник Микеланджело Буонарроти...»

Алексей Карп. Дживилегов (1875-1952 гг.). Титан (Микеланджело. Композиция) М, «Молодая гвардия», 1973.

Вероятно, каждый творец старательно оберегает свое время от попользований свободных от мыслительной деятельности посетителей, но интереснее

многих в данном направлении все-таки выразился биограф одного из сильнейших художников Франции... Эжена Делакруа (1798-1863 гг.): «Если гость занятен, Делакруа увлекается беседой, что, однако, не помешает ему потом, едва закрыв за посетителем дверь, проклинать его за отнятое время».

Филип Жюллиан. «Эжен Делакруа» Москва «Искусство» 1986 (Перевод с французского И.В.Радченко).

Боюсь, что этот ряд великих (и не совсем) одиночек будет бесконечен. Одно счастливое исключение в данном прегрустном ряду все-таки имеется. Это Александр Исаевич Солженицын. Ну и ладно! Ну и слава Богу! Как говорили в старину: «Дай-то Бог вашему теляти да нашего волка зысты!»

И, пользуясь тем, что моя строка в моей власти, осмелюсь внести в текст собственную рифмулену, которой вполне уместно закончить наш душевный разговор обо всех органических одиночках, ставших в глазах людей еще и гениальными – «Не надо мерить гения/ На собственный аршин./ Не знали вы падения./ Не ведали вершин».

* * *

А мне пора вернуться к милому ангелу-хранителю Бродского. Три года тому назад (минусую с 2005) с необычайной приятностью прочла книгу Людмилы Штерн о Бродском. Сейчас, при постоянных поглядках-уточнениях, с не меньшей приятностью просмотрела еще несколько раз. Впечатления прежние: каждому бы смертному увидеть с небес сказ подобной тональности о себе, несравненном. Остался и прежний цап-царап обиды на автора. Не прилегает к душе Людмилы Штерн первая (единственная тож) любовь Иосифа Бродского – прелестная и необычайная из необычайных художественных натур – Марианна Басманова. Это, естественно, личное дело Людмилы Штерн, но коль скоро книга вынесена на обозрение масс, то массы (в моем лице) получили негласное право слова.

Понывает моя душенька этим неприлеганием и будет понывать, пока не поставлена последняя точка. К тому же я – «весы», мне ни жить ни быть, но чтобы всем и все было поделено до последней крошки и поровну. А то уж слишком (хотя любви лишка не бывает) Бродскому много выдано. Правда, и он в долгу не остался, до гения дошел, всей России честь, хотя «страна его и пнула сапожищем». А Марианне досталась самая малость... и не любви, а так – с боку припека. Иногда все это выражено словесно. Как поджог штор во время дружеского застолья золотой ленинградской молодежи. Уверена, что ленинградская студенческая юность (и не только ленинградская) позволяла себе (и, верно, по-

звонят) не менее шокирующие «шуточки». Но ведь и неоднократное вскрытие вен тоже не прогулка в летний полдень, и едва ли это мухростенькое деяние можно зачесть в актив будущего гения. Но в любом неординарном случае с Бродским все время чувствуешь если и не душевную (сердечную) боль автора, то уж душевную смуту, уют, неразделенную тревогу за его психическое неравновесие. – всенепрерывно. А ведь поэт и его первая любовь на бытовом уровне были два сапога, составляющие, со стороны глядя, пару и, вероятно, очень даже подходящую.

Валентина Полухина, признанный специалист жизни и творчества Иосифа Бродского (обложка Б.К.И), в беседе с Зофьей Ратайчак-Капусциньской («Звезда» 2005/5, С.178): «... Я знаю, что она (*Марианна Басманова* – Н.Б) самая важная женщина в жизни Иосифа...»

Тут все дело в подаче текста. Анатолий Мариенгоф, злой гений Зинаиды Райх, настолько неприязнательно, чтобы не сказать любовно, описывал шкодливые непристойности соловушки Есенина в адрес жены и матери его детей, что поневоле восхищаешься неизбежностью настоящей мужской дружбы. Ибо женщина о женщине едва ли так напишет. Восхищаешься – Мариенгоф заставил силой своего литературного дара, а душа содрогается от брезгливости и нравственной нечистоплотности певчей российской птички.

Еще один эпизод, где милое лукавство Людмилы Штерн (скрываемое неприятие Марианны Басмановой) преобладает стукнуло самого поэта. Стукнуло скрытно, но прочесть между строк легко и просто. В 1989 году Иосиф Бродский обратился «к самой главной и самой любимой в его жизни женщине» с последними стихами. Только он один знал, сколь полна чаша его страдания, наполненная любимыми руками, поведением этой недостойной, по мнению его ближнего окружения, женщиной.

И все-таки необходимо подчеркнуть, что чаша страдания наполнена при его попустительстве, если даже и не с его помощью. Что более всего и вероятно. Вероятно и то, что в последних стихах, посвященных Марианне, поэт дал нам вполне достоверный портрет его любимой женщины. Во всяком случае, реальный, если смотреть на Марианну глазами уставшего от пустопорожних терзаний поэта. Но он же, как всякий тонко чувствующий художник, изначально знал, кому распахнул свое сердце. И тут уж, что бы ни сказала Людмила Штерн, все будет отдавать лукавством и детским лепетом. Тем уж более, нелепо приводить в упрек Бродскому бабочка-мотылек, порхал с цветков, вне зависимости то того, кто ждал его за ближним поворотом – божественная невеста или многолетняя юная жена.

Продолжает Людмила Штерн: «Реакции на этот демарш (*любовная цитата из Пушкина* – Н.Б) не последовало». Было бы странно реагировать гению на

запрограммированные природой шумы улицы. Людмила Штерн: «Строки «развлекалась со мной, но потом сошлась с инженером-химиком и, судя по письмам, чудовишно поглупела» показались мне просто чересчур жестокими – они показались мне недостойными его любви».

В этой шутке почти все поставлено с пяток на затылок. Потому что на самом деле каждое слово «жестокое» стихотворения изначально занимает строго отведенное ему место в душе поэта. Он ни капли, если зреть в корень, не оскорбил Марианну. Она живет своей жизнью и никто ей не указ, даже самый из самых гениальных эссеистов. Поэтому Бродский отхлестал только себя, самого любимого на белом свете. Ибо кто был умен, тот поглупеть просто не в состоянии. Просто поэт решил – имел право – расслабиться перед всем белым светом и выплеснуть ему в жаркие очи все то гадкое, черненькое, грязненькое, которое теплится в каждом из нас с рождения. Согласна на редчайшие исключения, но в реальной жизни это присутствие отсутствия наблюдать пока что не доводилось. У великих мира сего... уж в точности не доводилось. А вот дать этому реально-виртуальному парусу волю или нет – зависит только от каждого из нас. И проявляется это гаденькое существо, существо всегда постыдное, скрываемое от глаз людских, если абсолютно расслабить свой крепко сжатый нравственный кулак, то бишь... всегда слабую человеческую душу.

Владимир Маяковский, по словам его современников, любил смотреть на умирающих детей. Валерий Брюсов утешался с козой... Перечень предельно уничтожителен и бесконечен. Есть в стихе фраза, за которую можно все простить гению, если бы он нуждался в чем-то прощении. «Развлекалась со мной», в ней (этой фразе) поэт унижает себя (только себя) до бесконечности, будто бы он и не достоин серьезного отношения со стороны любимой женщины, будто бы сам он нравственный и физический обсевок в поле полновесных знаков.

Пожалуй, только одну фразу «из демарша» Людмилы Штерн одолеть обычному смертному с лету невозможно «... они показались мне недостойными его любви». Как это понимать: любимая гения должна быть не менее гениальна. Но тогда надо анализировать способности художника Басмановой. А мы, то бишь Людмила Штерн, противопоставляет все-таки обычную слабую женщину с одной стороны, а с другой... насмехается над женщиной, не обычный смертный мужчина, а человек с мировым именем, отмеченный всеми литературными регалиями. Именно поэтому предельно искренние проявления его гениального... задетого, обиженного... ума какой-то смертной букашкой, о которой не забудут только потому, что на нее пала великая тень – уже не достойна любви гения.

В реальной жизни все смотрится несколько иначе: достоин ли любви великий (гениальный) человек, утопляющий свою единственную любовь в поlyingе пошловатых слов – «развлекалась», «сошлась», «поглупела». Вот в чем вопрос.

Любовь настолько неуловима. Разве можно удержать в ладонях ветер. Не менее сложно подать свою боль и обиду, не оскорбляя свою прежнюю (хотя любовь не бывает прежней, вчерашней) любовь, которая всегда сегодня. Она мстит за себя. Хотим мы этого или нет, но она, оставленная, командует нами, нашими недостойными мыслями, нашей рукой за нас пишет страшные, дичайшие несуразности. И это (в форме любовной лирики) хоть отчасти, но происходит почти со всеми, кто не Марина Цветаева. Вот в чьей любовной лирике можно купаться, как в чистой речке незамутненного детства. Вот к чьим божественным истокам можно припасть, заблудившимся в любовных терзаниях, не боясь в очередной раз заразиться холодом и неуютом, вот в чьих стихах можно дышать и не надыхаться, вот с кем можно сравнивать любивших, разлюбивших: наказанных поруганной любовью...

Есть неоспоримые (достоверные) сомнения и в том, что стихотворение 1989 года, посвященное Марианне Басмановой, было последним. 1991 год. «Письма римскому другу». С.256. Стих «Письмо в оазис». Посвящения здесь нет вообще, но есть предположительная уверенность, что, начиная с названия стиха, стрелы лирического героя (автора) летят именно в адрес Марианны Басмановой. Прочитав второй столбик, хотя вполне характерны для вероятного предположения все четыре: «Теперь в твоих глазах амбарного кота, / хранившего зерно от порчи и урона, / читается печаль, дремавшая тогда, / когда за мной гналась секира фараона».

Конечно, не каждое горящее (пылающее) лыко поэт изначально, задумано ставит в строку. Но... когда строчки написаны, он всегда знает: благодаря кому именно они просочились на белый свет из мглистого небытия.

Не знаю, какие глаза у Марианны Басмановой, да это и не имеет значения. Не так уж много было рядом с Бродским таких неординарных женщин, которых он мог от всей души назвать предельно ласково (кот, кошка, мяукающая Марианна) и одновременно столь же уничижительно – «амбарный кот». Больнее всего и бьют самых любимых. В.П.Астафьев «Зрячий посох». Цитата из Ивана Бунина: «Все и все, кого любим мы, – есть наша мука». Фразы, подобные «амбарному коту», с луны не падают, они только констатируют факт того, что однажды задев любовью душа всю жизнь кровоточит по-прежнему. Тем уж более, если в любимых глазах по-прежнему «читается печаль», что, вне всякого сомнения, бросает любящих то в пламя, то в полымя.

Любые предположения видятся особенно достоверными, если вспомнить тот факт, что во время ленинградской полуофициальной побывки поэта в родном городе Марианна укачала в Москву с другим; что после ссылки поэта их отношения настолько возобновились, что они породили жизнь сына Андрея. Которому, по словам Кейса Верхейла, было четыре года в день изгнания Бродского из России.

Еще большей обидой и безнадежностью, чем «Письмо в оазис», какой-то нечеловеческой обреченностью и безысходностью и. естественной с таким соседством, грубостью – веет в стихе «Итака», который вполне мог быть написан о Марианне. Это прекраснейшая психологическая (жизненная) драма в поэзии. Сердце захлестит болью, поскольку Бродский, обретший (обретавший) семейное счастье, вполне мог бы писать стихи уж если и не о любовной семейной идиллии, то о вполне спокойной семейной жизни. Где, по крайней мере, первоначально и (частенько) в последние годы семейного счастья, царят удивительные волны понимания и принятия своего партнера по совместному чаепитию...

Особенно много пустопорожнего шума наделало стихотворение Бродского от 25 декабря 1993 года. Вспомним, что в одном семейном гнезде в данный период уже разместились три самых близких человека, носящие одну фамилию, появилась настоящая (официальная) семья супругов Бродских, где были папа, мама и богоданная доченька. Шум и путаницу наших дней благословил, прежде всего, журнал «Крестьянка» (Март, 2003 год) весьма импозантной статьей, только потому импозантной, что в заголовке умудрились одной буквой все поставить с ног на голову: «Иосиф Бродский: посвящение М.В.». В книге стихов «Пейзаж с наводнением», С. 148, посвящение «М.В.». Равно и в других публикациях засветились только инициалы «М.В.». В частности, «Сочинения Иосифа Бродского», Том 5, С. 151. Стихам за 25 декабря 1993 предпосланы «М.В.»

Можно бы счесть, непонятно откуда взятое предположение «Крестьянки» в адрес жены поэта, инициалы-то одинаковы с Марианной Басмановой. Но невозможно поверить, что семейное гнездышко с новорожденной дочерью для полного счастья требует так быстро пресытившемуся домашним уютом поэту, еще и пресловутой «кожух овчара» – что-то вроде обоза на дороге, звезды и счастливые цыганские страдания под кожухом. Право, и здоровье, и возраст поэта мало подходили для подобной идиллии.

Просто в душе внешне счастливого человека – семья, признание, литературные мировые высоты – опять предательски ворохнулась прежняя любовная заноза – Марианна Басманова. Поэтому первая строчка спорного стиха может говорить только о памяти к Марианне. Только рядом с нею поэту для чуда-то и вообще ничего не требовалось. Она сама была воплощением чуда-бе зудержного, своевольного, она сама собой воплощала то, что так скандально-доверчиво разместилось в строке – «Что нужно для чуда? Кожух овчара». Практически каждая последующая строка поет о величии и величавости двух любящих, которым достаточно видеть «... огрызок пространства и неба кусок».

Можно предположить и реально существующую «М.В.» Можно, но тогда поэт и гениальный мыслитель смотрится, мягко говоря, мелковато, если его

горячая (последняя) любовь не цыганка из табора. Принять и понять его рядом с любой загадочной «М.В.», при устоявшихся семейных отношениях, можно только в том случае, если его великолепно-дурашливая любовь – все-таки, как ни посмотри, достоверная копия любимой художницы. Впрочем, все может быть и много проще: гении любят пошутить для того, чтобы его потомкам можно было не без личной пользы и литературного удовольствия потратить на развязывание шутивого узелка энное количество времени и скорби о том, что могло бы быть, да не вышло.

И все может быть заметно проще, естественнее и... трагичнее. Когда человек, вставший на дорогу к Богу, знающий о скорой встрече с ним на небесах, в бесконечное число раз во Вселенной, но каждый по отдельности впервые, особо остро просматривает свою личную дорогу жизни. Так ли жил, ради чего жил, можно ли было прожить иначе: легче, проще и быть более счастливым, наблюдая из-под полы кожуха «огрызок пространства и неба кусок».

В свете данных рассуждений смею предположить, что и одно из труднейших по восприятию эссе Иосифа Бродского «Кошачье «мяу» (1995 г.) написано с мыслями о Марианне Басмановой, единственной в мире «двуногой кошке», не бросившей опального поэта без внимания ни в психушке, ни в отделении милиции.

В добротной биографической книге Людмилы Штерн есть только один необоримый недостаток. Как только разговор выходит на линию – Бродский и Басманова, допускаю, что непроизвольно (но именно эта непроизвольность еще больше подчеркивает глубинное, неосознанное неприятие Марианны), но делается все возможное, чтобы распушить, как перья павлину в многолюдном зоопарке, недостатки Марианны. Тогда как главное достоинство книги, возможно, всей жизни Людмилы Штерн заключается опять же в непроизвольном умении, старании понять, принять и душевно согреть каждого из рядом живущих имяреков. Болен ли он СПИДом, имеет ли нетрадиционную ориентацию (всегда несущую дополнительные сложности в жизни) – всех приветит добрым словом и не пожалеет времени на добрые дела, если для этого приходится лететь в любую американскую тьмутаракань, всех пожалеет еврейская мама... Людмила Штерн. Только на долю Марианны Басмановой постоянно выпадает ошутимый холодок.

* * *

Один эпизод из книги просто поверг в длительную апатию. Прошу у автора прощения за немыслимое, возможно, именно таким покажется мое предположение, но не надо было оставлять следующий дальше абзац. Он оказался

самым устойчивым и целенаправленным в мире бумерангом, но действовал с точностью до наоборот. Поразил (сразил) всех подчистую, кроме намеченного объекта, кроме Марианны Басмановой. Она вышла из этой грязной лужи чище всех и непорочнее. Все остальные утонули. Данный абзац уж слишком измельчил, опростил и даже опошлил родителей Бродского. Все-таки настоящих интеллигентов прежнего ленинградского разлива.

Правда – ах и увы – в их интеллигентность (интеллигентность автора книги о Бродском тоже), после прочтения цитаты, просто-напросто не верится. В нравственном плане это не что иное, как какой-то купеческо-мещанский междусобойчик в его худшем из вариантов. Впрочем, счастливой и неуниженной в детстве и юности душе Людмилы Штери ни за что не заметить вселенской боли, предопределенности личной (человеческой) судьбы Бродского в подобных фразах: «В свою очередь Александру Ивановичу и Марии Максимовне (родители Бродского – Н.Б.) очень не нравилась Марианна. Они этого не скрывали и с горечью повторяли: «Она такая чужая и холодная, что между ними может быть обшего?» – «Как будто у нее вместо крови по жилам разбавленное молоко течет...» – добавлял образно мыслящий Александр Иванович».

Возможно, в образности мышления отцу Бродского и не откажешь, а вот в примитивнейших знаниях психологии, в частности, души собственного сына, его внутреннего мира, – у него полный провал. Вулканически живущему и мыслящему поэту – что особенно страшно – и требовалось в обыденной жизни (прошу прощения у очень приятной мне дамы по имени Марианна) что-то вроде «разбавленного молока». Это истина непреложная, поскольку веками выверенная. Но этот эпизод, как тот несчастный дом, где все окна только на Север, где судьба любого человека заранее предопределена не только свыше, а еще и родителями, любящими только себя эгоистами. Ребенок из такого дома, стиснутый рамками родительского эгоизма, обязательно недополучит (или с превеликим опозданием) даже то, что ему самим Богом даровано. Недополучит, потому что все время будет идти против течения, даже при вполне благополучных поворотах судьбы, а так в реальной жизни редко случается.

Прошу извинить меня за строки из собственной биографии. Какой бы героический поступок я ни совершила в детстве или в юности, мачеха всегда реагировала неадекватно. О моих успехах на трудовом фронте: «Дурак работает». О моем любимом пединституте: «Там тоже полно дураков...».

Изначальное предубеждение друзей-приятелей поэта в сторону Басмановой, а тем уж более убийственное отношение к ней родителей Бродского, – добавляли сплошной яд и горечь и так-то в отравленную донельзя бытом (поджог штор, вскрытие вен) дружбу художницы и поэта. Окна на Север здесь были распахнуты круглые сутки. И не Марианне было их закрыть. Если все вокруг

были плохи по отношению к ней, то она была вынуждена плыть против этого «родственного» течения, плыла и платила окружению Бродского той же монетой, подчеркнуто, возможно, (по молодости), излишне подчеркнуто, – шла определенными ею нравственными дорогами. Дороги эти, со стороны и с предубеждением на них глядя, обгично смотрятся, мягко говоря...

Марианна Басманова, судя по неестественной (на взгляд обывателя) привязанности к ней необычного человека и творца Иосифа Бродского, а также по, вероятно, вполне искреннему словесному портрету из книги Людмилы Штерн, одна из тех редких на свете женщин, которые встречаются на пути далеко не каждого мужчины. Которые и во вред себе всегда идут против течения (прошу извинить за повтор мысли), которые одновременно любимы и любят, но одновременно же, не осознавая этого первоначально, ненавидят и ненавистны; не понимая своей вины. Да ее и нет, той вины, ибо мы все в равной мере Божьи создания, а разница только в том – находимся в данный момент в рамках обывательского приличия или нет. Словом, пришла пора озвучить оставшиеся в памяти слова прелестнейшей песенки из юности – «Пепита дьяволо, Пепита дьяволо, а дьяволы не любят унывать!»

Капелька этого «дьяволо» только украшает каждую, особенно северную женщину, предки которой прозябали в рабстве. Кровь которой, изначально «подморожена» климатическими условиями, для которой любой миллиметровый шаг в сторону от общепринятых норм – неприятная и непонятная трагедия для окружающих. А каково жить человеку с такими трагедийными задатками, об этом, естественно, никто из дружественного окружения гения не считал нужным задуматься. А кто и озаботился судьбой Марианны с Иосифом всерьез, то в те годы сумбурной, светлой и прекрасной юности просто не считал нужным выступить в защиту Марианны Басмановой, в душе, естественно, прежде всего, жалея поэта. Возможно, защитив Марианну, ненароком защитил бы от посягательств и дальнейших поползновений личную жизнь поэта, сделав ее более спокойной и одновременно более суматошной рядом с божественной «Пепита дьяволо».

Позволю себе предположение, возможно несурзное, – рядом с прелестным для сердца «дьяволо» поэт, естественно, сторел бы раньше, но его творения имели бы абсолютно иной характер. И так-то ярко выраженная гениальность мысли и слова сверкала бы доселе неизвестными гранями. Проходных километровых творений, вроде «Горбунов и Горчаков», пожалуй бы, и не было. Пресловутое (безнравственное, если хотите) «Представление», поданное чуть-чуть в ином, «дьявольском» ключе, стало бы небывалым совершенством, более естественно проявилась бы только предугадываемая (неошутливая практически) переключка наших дней с «божественным» адом Данте. Это могло стать произведением российского Данте о вечном, но уже земном аде. Бродский назвал этот сегодняшний ад, еще в конце прошлого века, «постхристианской эрой».

* * *

Преклоняюсь перед гениальностью поэта, его нечеловеческой силой воли и характера, сумевшего во множественном кольце блокады – партия с правительством, друзья-приятели и даже родители – выстоять и даже выйти победителем, естественно, не без урона. И, тоже естественно, с превеликой изначальной помощью королевы Ахматовой. Всеми перечисленными и многими неназванными барьерами гонок с препятствиями дни его были сильно укорочены, а душа исторгала обиду в стихах, пропитанных желчью. Но бросить в поэта камень просто некому, если смотреть на полном серьезе и высочайшем уровне нравственности. Правда, подобные стихи, пропитанные «абсурдом», вероятно, и пишутся в смутной надежде на конкретного адресата. Уж если он и не окажет автору духовной помощи, то и равнодушным не останется.

* * *

Коношские архивариусы относятся к своим обязанностям до самозабвения трепетно, и у меня на столе лежат ведомости по зарплате за май, июнь, август 1964 года, где помечены капиталы Иосифа Бродского, оплаченные потом и кровавыми мозолями. Не стала бы заниматься арифметикой, не лежит моя душа к цифири, но в одном из интервью Бродский сказал о моей любимой деревне (пишу о Норенской, а перед глазами родная Вологодчина): «Они там все такие необразованные...».

Тамара Пивкова практически после седьмого класса «села под коровушку» (стала работать дояркой). После окончания семилетки мы впервые встретились, когда закрутился наш пятый десяток. Мои мечты и планы всегда или где-то параллельно литературе, иногда счастливо пересекаясь редкими публикациями за пределами области. А Тамара, уловив удобную минуту, произнесла мечтательно: «Отпустят на пенсию в пятьдесят, первым делом вставлю красивые зубы!»

У меня сердце сжалось от любви, нежности и обиды на жизнь, которой пришлось жить Тамаре, но я еще как-то сумела пошутить: «Купишь самое красивое платье, туфли и... пойдешь королевой!» Шутка была, мягко говоря, глуповатой. Во-первых, куда пойдет Тамара в таких обновлениях в деревне, ехать куда-либо в город – того смешнее. Богато одетый деревенский житель (особенно тех лет) всегда нелеп на городском асфальте, если большую часть жизни проходил в резиновиках и телогрейке.

Дорогой и красивой одежды у моих деревенских ровесниц, может быть, и побольше было, чем у любого районного журналиста, но очень редко из этого набора можно было скомпоновать приличный ансамбль даже для поездки в

райцентр. Покупалось, если покупалось, много, бездумно, потому что трудолюбивая доярка зарабатывала в несколько раз больше не менее трудолюбивого районного корреспондента.

Почему бы тогда не вставить красивые зубы смолоду? Меня не поймут сегодняшние молодые жители деревни, а горожане – тогда и сегодня – сочтут все сказанное дальше за несусветную глупость. Как уж ни сочтут, но это абсолютная правда для большинства трудолюбивых деревенских жителей. Основная масса доярок и телятниц (были еще и семейные заботы, и сложности попадания в райцентр...) просто не хотела на долгое время отдавать стадо в чужие руки. Потом родных животных не узнать, беспокойные делаются, долго входят в норму, да и молоко или привесы сбавляют.

Припомнился пример не менее безоглядной любви к работе пожилой женщины, трудившейся на лесозаготовках: «Первое время, как вышла на пенсию, нали плакала – жалко лесу-то» (п. Бурачиха, Няндомский р-н, Архангельская обл.).

Я не хотела бы жить жизнью моей ровесницы и одноклассницы, но я преклоняюсь перед нею. Когда мы обо всем насущном (для Тамары) переговорили, я по каплеюшечке подвела разговор к своей любимейшей колее, но так, чтобы это не ощущалось интеллигентным литературным обухом по нежному в своей непритязательной глубине и одновременно простоте милейшему сельскому затылку моей ровесницы. Однако Тамара, не прилагая заметных для моего придиричьего глаза усилий, заставила меня в считанные мгновения буквально отвесить ей поясной поклон, ибо из двух-трех давно мучивших меня фраз первой строки стихотворения тут же выбрала самую подходящую.

Мне легче прикусить собственный язык, чем назвать Тамару необразованной. Ибо образование души неоценимо. Такие люди всегда были, есть и надеюсь, будут жить среди нас, естественно, не претендуя на образованность...

Возможно, что-то подобное узрел в русском мужике Владимир Маяковский, написав: «Сидят папаши, каждый хитр./ землю попашет, попишет стихи». Но это возможно в том случае, если деревня сохранится. Деревня и всегда-то жила на обочине: культуры, экономики, обеспечения насущных проблем человека... Все туда шло по остаточному принципу. Даже селедка подавалась в деревню не первой свежести.

Вспомнилось об этом давным-давно, еще при чтении превосходной лагерной прозы и столь же прелестных, акварельной нежности и свежести, легких и прозрачных, как паутинка, стихов Варлама Тихон. Шаламова (1907-1982 гг.). В частности, в прозе он спел аллилуйю обыкновенной селедке. Благодаря которой, по мнению Шаламова, люди умудрялись выживать в колымских лагерях без зелени, без приличной пищи вообще. Та селедка всегда отдавала ржавчиной или гнильцой, или тем и другим одновременно.

Мне, так уж видится и думается, тоже не забыть сеledки из своего деревенского детства. У нас, после пятидесятых, всегда были в наличии добротная деревенская еда, ягоды, зелень, но сеledки, редкой на деревенском столе, тоже хотелось всегда. И почти всегда она имела описанный Шаламовым легкий или вполне ощутимый налет ржавчины или гнильцы.

Духовная и материальная обочина деревни остались. Деревни нет. Даже на официальном госязыке – это теперь поселение. Вот куда нас, Россию, опять шарахнуло. В аракеевские военные поселения что ли? Вероятно, около правительств от века подвизаются графоманы-сочинители. Чем-то они еще успеют обродовать моих ровесников, ровесников Великой Отечественной?

Моя душа болит, когда деревенских жителей называют необразованными. Но я отлично понимаю Бродского. Сорок лет тому назад, приезжая в родную деревню, все такая начитанная и огорожаненная от затылка до пяток, до того уж интеллигентенная, что хватало ума летом приехать в деревню в легчайших, красивейших ажурных перчатках – обычных по длине или до локтя, обычных для юных модниц города тех лет.

Да, сорок лет тому назад, мы, абсолютно нищие по доходам горожанки деревенского происхождения, форсили напрапую и... считали всех деревенских... необразованными. Слава Богу, что хватало ума не говорить об этом прилюдно, но это легко читалось только по одним ажурным перчаткам, которые в деревне смотрелись на манер того лошадиного седла на корове.

Глядя из сегодняшнего далека, я отлично понимаю юношу Бродского, по сути ровесника. Молодости всегда была и будет свойственна поверхностность суждений. Бродский около года жил в деревне Норенской. Но он жил все-таки параллельно вековой деревенской сути, получая материальную и духовную поддержку извне. Мог слышать по телефону родные голоса: жил надеждой на скорое освобождение, чтобы навсегда и с радостью покинуть это тусклое, серое, неприятное и непонятное в его глазах место, которое зовется русской деревней. Мои предельно огорожаненные ровесницы тоже с радостью покидали поднадоевшую за месяц деревню – отсутствие минимальных бытовых удобств и культурных развлечений, присутствие пересудов, пристальных взглядов, пронизывающих от затылка до пяток, и не всегда желанных, по мнению новоиспеченных горожанок, вопросов...

Но наша пуповина с деревней не разорвана и по сей день, поэтому мы начинали скучать по малой родине и мечтать о новом приезде хоть на недельку, еще не шагнув за деревенскую околицу. За границей, говорят, не существовало и раньше деревень в российском обличии: бездорожье, обреченность на определенный уровень общения, материальная нищета... Поэтому в дальнейшей жизни Бродскому помянуть, смягчить, углубить, расширить свои представления о

плюсах и минусах деревенской жизни было попросту негде. Может, и не хотелось вспоминать о деревне, может, руки не доходили...

А сейчас потанцуем от русской печки. Но вопрос сугубо городской. Много ли в России литераторов, которые смотрелись бы в глазах Бродского образованными, умеющими мыслить и видеть окружающий мир с примерной ему духовной колокольни? Много закомплексованных и амбициозных, но гении не разжигают глеюшие головешки...

* * *

Осталось глянуть пристальнее в платежные ведомости. За три месяца – май, июнь, август – Бродский отработал в третьей бригаде совхоза «Даниловский» 55 дней, заработал 52 рубля 92 копейки, начислена 20-процентная надбавка в сумме 10 рублей 61 копейка. Общий заработок составил 63 рубля 53 копейки. В среднем, на каждый месяц приходится по 21 рублю, на день где-то около 70 копеек.

Списочный состав каждой из трех ведомостей больше или в пределах двадцати человек. Обычно 4-5 человек работали большее число дней по сравнению с Бродским. Остальным и совсем не повезло: иные трудились от одного до десяти дней в месяц. Две пенсионерки заработали за августовский день по 19 копеек каждая. Зато тракторист В.М. в августе заработал аж 125 рублей 88 копеек, включая и 20-процентную надбавку. Ужасает строка удержания подоходного налога, где, за малым исключением, с рабочего совхоза вычтено 0 рублей и несколько копеек.

На деньги, заработанные в третьей бригаде совхоза «Даниловский» за любовью из названных месяцев 1964 года, не прожить и одному человеку. А как быть, если в семье несколько нетрудоспособных? Пахать, пахать на личном подворье «до выпуча глаз», каждую секунду зная, что могут оторвать от дела и отправить на совхозную работу, за которую получишь всего ничего, но золотое времечко на личных грядках тоже будет упущено.

Фраза «до выпуча глаз» была в ходу в моей родной деревне долгие годы, и эта данность настолько вошла в плоть и кровь моих ровесниц или людей более старшего поколения, что иные не могут уйти с работы и в том случае, если получают неплохую, по нашим нищим меркам, пенсию.

Доярке или телятнице тех лет на ферму надо было сбегать (в те годы производили только это слово) три раза на дню, при условии, что не ожидалось отелов. Каждый из тех «побегов» длился больше двух часов. И все это в резиновых сапогах: в одежде, пропахшей фермой; с руками, которые начисто промывались только в бане или во время стирки... Если женщина не успела причесаться с утра, то

времени на это в течение дня не находилось. Дети, если в семье не было дедушки-бабушки, были позабыты, позаброшены. Правда, зарплата доярок, телятниц была по тем временам почти приличной, по сравнению с разнорабочими.

Мне, районному корреспонденту, рассказывает доярка, многолетняя мать, которая одна воспитывала (это слово в данной ситуации смотрится как насмешка) ребятнишек: «Особенно страх брат, когда бежала с фермы затемно: живы ли там мои ребята: не захлебнулись ли в луже, не замерзли ли в снегу, коли зима на дворе. Забегаю в дом, и душа сразу на покое, от радости нали (даже) заплачу. Все, слава Богу, живы и здоровы, и даже все спят: у кровати один приткнулся, другой на лавку как-то забрался, а третий – самый тогда маленький – через порог перелезал, да тут его и сморил сон-багюшка...».

Была ли эта женщина достаточно образована? Если после рождения очередного ребятенка чуть ли не на следующий день – моя собеседница вырастила шестерых – бежала на ферму, чтобы носить полнехоньки ведра воды или молока. Таскать на собственной спине кузова (большие корзины) с ситосом, сеном, травой... Чтобы летом между делом (управами) успеть накосить подкормки коровушкам, которые оставались на ферме (приболели, ожидался отел...). Чтобы зимой на все стадо нарубить лап ельника на подстилку. Чтобы весной и осенью просто-напросто хватало сил таскать самое себя по непролазной деревенской грязи, в неуправляемом половодье прифермских территорий...

Кошунственно в таких условиях работы и жизни вести разговор про образование этой несчастной белки в колесе, крутившейся по дому, по ферме, по лугу, по пастбищу чуть ли не все двадцать часов в сутки. Верно. Кошунственно. Просто хочу на небесах устылшить светлую тень Бродского. Небось, знал, кого выбирал в собеседники и оппоненты.

* * *

Еще больше собеседников, но все сплошь добровольцы, оказалось у Солженицына. Возьмем хоть бы эту цитату из его заметок о стихах Бродского: «Срок первоначально 5-летний лагерный – сведен был к 17 месяцам деревенской ссылки, по гулаговским масштабам вполне детский». По форме и сути все верно сказано. Но Солженицын не желает знать, что все мы из разного теста вылеплены. Общеизвестно выражение: лучше я буду первым человеком в деревне, чем вторым в городе. Такому живется в деревне припеваючи. Он и в уме не держит возможные городские просторы культурной жизни, общения – архиважнейшая составляющая культуры...

Другим – Бродский в их числе – лишний час жизни в деревне кажется вечностью, даже и в том случае, если он сам себе и властелин. Но если человек не

волен распорядиться собою, то деревенская жизнь покажется ему хуже любого Гулага. Даже такого лагеря, который Солженицын архиталантливо подал в «Один день из жизни...» века.

Меня, деревенскую по рождению и сути, любящую деревню и деревенских жителей такими, каковы они есть в моих глазах, удивляет даже то, что Бродский, горожанин от затылка до пяток, человек с высочайшими духовными запросами естественными и привычными, смог выдержать в деревне даже эти 18 месяцев, не озлобившись. Напомню строчки песни из прекраснейшего и очень давнего кинофильма о деревне «Дело было в Пенькове»: «Тем, кто держит свой камень за пазухой, тем, ох, трудно в деревне у нас». Камень за пазухой любого добропорядочного интеллигента, интеллектуала тех лет общеизвестен, одинаков для всех людей высочайшей духовной культуры: их абсолютное неумение, невозможность раствориться в том, к чему душа их не лежит – деревенские привычки, повадки, разговоры... Даже сегодня, бывая в деревнях краткосрочными наездами, общаясь там не с последними людьми, иногда весь вечер стараюсь найти удобный момент для разговора о литературе, музыке, живописи, хотя бы на уровне дилетанта. Такой свет в конце тоннеля, чаще всего, не загорается. А и случится такая приятность, то радости практически не испытываешь, человек судит не «суть вещей, а сами вещи» – понравилось, не понравилось. Поэтому и сегодня бы Бродский испытывал здесь прежний духовный неуют.

* * *

Сколь бы ни была велика обида в адрес Солженицына, пустопорожне временами порицавшего поэта даже за его бытовые зигзаги, благодарность в адрес любимого писателя Солженицына не меньше. Порицая Бродского, невольно принудил еще раз, но с несколько иной колокольни, посмотреть окрест ближний и дальний литературный мир. Это, в свою очередь, принесло, иногда только на уровне ощущений, совсем уж крохотульные открытия в области изящной словесности. Вполне вероятно, что как-то проявились неуловимые мгновения противоречивости мнений на иные, излишне претенциозные высказывания гения в адрес литераторов, предвзятость озвученных вариантов.

Бродский – поэт, эссеист непроизвольно обволакивает, утопляет, растворяет душу читателя в объемности, необычайности, непохожести своих мыслей; в беспредельно-насыщенных уходах в запредельные дали, откуда, что еще удивительнее, легко и просто, одним предложением, фразой, словом – возвращает в наш обычный и привычный для нас мир. Не замечая (имеет право), что мы, среднестатистические по всем параметрам граждане, все еще барахтаемся в предложенных нашему уму-разуму мыслях, облеченных в слова. Они давно уж

минули горизонты поэта, а мы едва-едва успели проникнуться этой глубинной вселенской сутью, расслабляемся, забыв, что находимся в «компании» гения, который опять ушел далеко вперед. Подобные измышления можно вести бесконечно, если читаешь стихи или эссе Бродского. Порою для мгновенной и точной оценки ответа Бродского требуется серьезное знание хотя бы одного иностранного языка. Б.К.И., 1988, С. 330:

– Вы думаете все так же, по-русски?

– Я не думаю по-русски или по-английски... На языках не думают... Приходят мысли, и я их формирую на русском или английском языке.

И все-таки гений поспешил с ответом. 7 мая 2006 года. Радиомост «Норвегия – Архангельск». Бывшая архангелогородка Л.Л. много лет живет в Норвегии, по-русски говорит только с детьми по телефону, в остальное время «... говорит, думает, видит сны на норвежском».

Сентябрь 2008 года. Радио «Россия». Иеромонах Антонин (в миру Андрей Капустин), позднее архимандрит Антонин: «Я часто ловлю себя на том, что думаю по-гречески».

* * *

В очередной раз, перелопачивая свой скромный багаж познаний творчества Иосифа Бродского, невольно подумала: «Не напиши поэт и эссеист доброй части своих лучших произведений, его можно счесть гением только за умение давать интервью. Его собеседники жили в разных уголках планеты. У себя на родине они были далеко не последними хотя бы в мире журналистики. Каждый готовился к встрече с поэтом...».

У Бродского такой возможности не было. Продолжу сказанное словами Энн Лаутербах. Б.К.И., С.305: «... прочитав его книгу (*«Меньше единицы»* – Н.Б.), я знаю, что этот восприимчивый, живой и смелый ум невозможно свести к одному образу». И все-таки изредка «восприимчивость, живость и смелость ума» заводят Бродского в тупиковые ситуации. Б.К.И., С.346:

– У англичан тоски по мировой культуре, по-видимому, нет?

– У англичан, может быть, нет. Но, например, в Латинской Америке она существует в лютом виде. Совершенно так же, как в России. Чем объясняется успех латиноамериканской литературы за последние десять, двадцать лет? Потому что они дерут у всех: у французов, немцев, итальянцев, американцев, русских... И это очень живой процесс.

Вот что сказано об этом «живом процессе» в Энциклопедии для детей. Том 15. Часть вторая. С.572: «Не имея собственной традиции, эта литература вынужденно использовала европейские направления и жанры, последовательно

усваивая барокко, классицизм, романтизм, реализм, натурализм, символизм, авангардизм. Но заимствованные литературные формы латиноамериканцы всегда старались приспособить для отражения своей собственной действительности. Этот особый способ развития литературы можно определить формулой: поиск «своего» в «чужом».

Наверное, латиноамериканская литература – единственная, дату рождения которой можно указать с точностью даже не до года, а до дня – 12 октября 1492 года. Христофор Колумб внес в свой дневник первые восторженные записи о новооткрытой земле. Колумб, правда, никогда не узнал, что открыл новый континент, зато его дневники и письма содержат зародыши тех образов и тем, которые впоследствии станут отличительными чертами латиноамериканского художественного создания... Собственно художественной прозы в колониальную эпоху не существовало, зато развивалась поэзия».

За всю латиноамериканскую литературу, даже за полное собрание сочинений только одного аргентинца Хорхе Луиса Борхеса (1899-1986 гг.) судить не берусь. Но его новелла «Непрощеная» – жемчужина из жемчужин высочайшего художественного уровня, где каждая строка бесподобна: проста, глубока, правдива; чистейший литературный язык. Читая Борхеса, так легко раствориться в стилистике его произведения. Такую манеру письма, если в душе литератора абсолютная пустота, невозможно «содрать». По данной новелле Борхеса, равно и по эссе Бродского «Путешествие в Стамбул», очень даже можно изучать со студентами тематику создания данных жанров.

Цитата из начала новеллы – «Постараюсь передать ее верно (*услышанный эпизод* – Н.Б.), хотя боюсь, что могу поддаться писательскому искушению что-то подчеркнуть или добавить какую-нибудь деталь». Окончание новеллы – «Теперь их (*братьев, любивших одну женщину и убивших ее*, - Н.Б.) связывали новые узы: женщина, с горечью принесенная в жертву, и необходимость забыть ее».

Создается впечатление, что по глубине сказанного и обилию мыслей в строке, в частности, проза Борхеса более всего перекликается с эссенстикой Бродского.

Стихи Борхеса обладают каким-то непонятным и небывалым доселе, но явно ощущаемым вкусом настолько, что будто бы рот наполняется слюной. Данное вкусовое чудо, может быть, вообще свойственно литераторам латиноамериканцам. Правда, отдельных ярчайших предложений, свойственных поэзии Бродского, поэтическое поле Борхеса не имеет...

И еще один образчик явной стреноженности «восприимчивого, живого, смелого ума» гения. Б.К.И., С. 209: «... мне просто не нравится, когда ими манипулируют умы, которые я считаю слабее своего». Собеседница гения – Хелен Бенедикт, обозначила сказанное, как «высокомерное заявление». (Цитата

заметно больше и вся в таком же тоне выдана). Верно сказала Бенедикт. но очень уж поверхностная оценка. Здесь Бродский, прежде всего, сам себя высек преизрядно. Разве где-то гениальные умы – Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ломоносов – когда-нибудь манипулировали мнением толпы, разжигали ее дичайшие стадные инстинкты.

Давая характеристику поэтам, прозаикам – современникам или классикам. Бродский обычно говорит без полутонов настолько, что мысленно и невольно показываешь ему неприличную дулю в кармане (о Тютчеве, Блоке, Шолохове, в частности). Подобный разговор невозможен о творчестве Пушкина. Здесь критические веса Бродского находятся в постоянном движении. Б.К.И., С. 145:

– Кем был для вас Пушкин?

– Русская поэзия началась задолго до Пушкина. Она началась с Симеона Полоцкого, Ломоносова, Кантемирова, Хераскова, Сумарокова, Державина, Батюшкова, Жуковского... Сам Пушкин и гармоническая школа, возникшая с ним, как бы очистили стих от этих метрически-арханческих элементов и создали чрезвычайно гибкий стих, которым мы пользуемся и сегодня... с этой водой было выплеснуто и изрядное количество младенца... в этой шероховатости, неуклюжести таились свои собственные преимущества, потому что у читателя мысль задерживалась на сказанном... И привлекательность Пушкина заключается в том, что в гладкой форме у него есть чрезвычайно сгущенное содержание... Пушкин – это до известной степени равновесие... Баратынский был куда более глубокое и значительное явление, чем Пушкин. Одно из наиболее замечательных свойств поэзии Пушкина – благородство речи, благородство тона. Это поэзия дворянская. Это дворянский тон...

Не смотрел Бродский заметки Виссариона Григор. Белинского (1811-1848 гг.) или не счел нужным обратить внимание, но так или иначе его высказывание о «дворянском тоне» Пушкина стало вторичным. Сочинения Александра Пушкина». 1984. С.91. Прим. 20 «Таким «литератором», усмотревшим в Пушкине поэта «будуарного» – поэта «высшего сословия», был автор цикла статей о Пушкине, по-видимому, С.Е.Райч».

На взгляд дилетанта, самая «дворянская» из строчек Пушкина – «Над вымыслом слезами обольюсь». Для тонко чувствующего литератора и реалий жизни девать некуда. Можно начать с «Несжатой полосы» Николая Алексеев. Некрасова (1821-1877 гг.). Можно вспомнить прекраснейший и жутчайший рассказ (1989 г.) современного прозаика из г. Архангельска Михаила Конст. Попова (1947 г.) «Последний патрон» (хроника недавних дней), где на шестнадцати листах такая правда жизни уложилась, что никаких слез не напасешься...

Продолжим тему латиноамериканцев, которые...

– Дерут, как и многие русские?

- Как и многие русские. да...
- Кроме Пушкина?
- Кроме Пушкина. Гоголя и Достоевского. Но, между прочим, и Пушкин тоже будь здоров драл.

Может быть, сказано грубовато, но все-таки близко к истине, если на полном серьезе прочесть комментарий к «Медному всаднику». Валерий Яковл. Брюсов (1873-1924 гг.), поэт и тонкий, пронизательный критик, автор книги «Мой Пушкин», писал: «Фабула «Медного всадника» принадлежит Пушкину, но отдельные эпизоды и картины повести созданы не без постороннего влияния. Мысль первых стихов «Вступления» заимствована из статьи Батюшкова «Прогоулка в Академию художеств» (1814 г.).

Константин Никол. Батюшков (1787-1855 гг.) – один из крупнейших поэтов начала XIX в., ближайший предшественник Пушкина.

Примечания Пушкина к «Медному всаднику»: «Альгароти где-то сказал: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу». II в итоге строчка из «Вступления» к повести «Медный всадник»: «Природой здесь нам суждено/ В Европу прорубить окно?»

Альгаротти Франческо (1712-1764 гг.) – итальянский публицист и писатель. Фраза, приведенная Пушкиным, из его наиболее значительного произведения «Письма о России».

Ссылается Пушкин и на влияние конкретного стиха Петра Анд. Вяземского (1792-1878 гг.), на его «Вступление». На описание Пушкиным Петербурга сказало влияние двух сатир польского поэта Адама Мицкевича (1798-1855 гг.). «Революционный писатель XVIII века А.Н.Радишев, который первый ввел в русскую литературу тему Медного всадника (в «Письме другу, жительствовавшему в Тобольске», написанном на второй день после открытия монумента), писал о постаменте: «Крутизна горы суть препятствия, которые Петр имел, производя в действо свои намерения».

А.С.Пушкин. «Медный всадник». Комментарий. С.77. П. Боголепов.

* * *

Впрочем, кто из пишущих хоть раз не вдохновился на писание собственных строк, прочтя чужие. Слова Бродского неожиданно аукнулись самым удивительным образом. Есть ли хоть одно из многочисленных исследований жизни и

творчества А.С.Пушкина такое, где бы по строго нумерованным литературным полочкам раскладывались все (большая часть) его заимствований по степени литературного величия источника, по степени вхождения в чужой текст Пушкина.

Если подобного исследования пока не существует, то нас, тончайших ценителей божественно-прекрасного и предельно объемного во всех своих проявлениях русского слова, ожидает дивная паутинка небывалых открытий. Знакомство с творчеством забытых в веках поэтов, с короны которых, не смущаясь, сдирали мелкие и крупные бриллианты, и ташили в свои светлейшие варяжские шатры, великие некто.

И таким-то образом они давали великолепнейшую возможность проявить истинно исследовательский дар критикам-аналитикам. Умение по тональности, имеющей цвет, запах и свою особую музыкальность, отличить авторское от пришлого, заимствованного. Таким образом, миру откроются два гения: сумевший украсть, сумевший заметить чужой бриллиант в хорошо отлаженной поэтической короне.

Не знал Бродский первоисточников, у кого Пушкин «драт». Или считал, что сиволапые россияне и так заплотят это словесно-революционное извержение. В любом случае тогда можно подчеркнуть, что русская сиволапость, самая надежная в мире сиволапость. Ибо, прожив за рубежом шестнадцать лет, Бродский от нашей сиволапости ни на гран не избавился. Сказав о Пушкине слишком громкое «а», тут же «сиволапушка» вернулся на исходные позиции, рассуждая типично по-русски:

– ... Но это был человек гениальный. Дело в том, кто дерет, а не у кого.

Вот уж нет уж, дорогой Иосиф Александрович, ваше уточнение шито белыми нитками, изнанка торчит. Нам, вашим ровесникам, еще в средней школе говорили: «Заимствовал Пушкин, приспособливал, углублял, поднимал на более высокий уровень...». А как тот уровень проверить, если первоисточников тоже не называли. Обидно с юности ходить в сиволапых. Не знать того великого поэта, не иметь собственного мнения о том, какую липку или тополек (несколько сразу) столь старательно обдирает гениальный Пушкин.

Как-то по-особому умилила фраза Бродского на С.52. Б.К.И.: «Пушкин никогда не сводится к одной строчке, он действует всегда всем ансамблем стихотворения, всей массой». Возможно, потому и не сводится, что ту строчку еще надо иметь под рукой, в своем поэтическом багажнике. Много ли у Пушкина таких строк, которые равно прекрасны и в тексте, и в гордом одиночестве не затеряются, глубиной и многозначием яркие и ярые – «Старуха пряла свою пряжу». Для чего, допустим, Элиоту «ансамбль и масса», если его строка привораживает вас помимо вашего желания, одновременно жутка и поэтична – «Ты увидишь ужас в пригоршне праха».

* * *

Идеальный собеседник поэту – не человек, а ангел. Б.К.И., С. 274. Пожалуй, что именно таким собеседником все время старался быть для Бродского его самый первый, самый лучший друг и наставник еще из ленинградской юности и до последних дней – Евгений Рейн, живущий в Москве. Беседовали друзья в Венеции, в 1993 году, во время съемок первого отечественного фильма о поэте-лауреате Нобелевской премии: «Прогулки с Бродским».

Б.К.И., 1994. С.640. Евгений Рейн:

– Я считаю, что есть всего одна сильная строфа в мире. Написал ее очень небездарный человек по фамилии Исаковский: «Пускай замерзал я в болотах./ Пускай погибал я во льду./ Но если ты скажешь мне снова./ Я снова все это пройду».

– А я считаю, что в этом есть невежество. Нас научили, натренировали – говорить от имени народа...

– Но ты же не будешь спорить, что за всем этим стоит некая российская традиция?

– Это не традиция. У Державина этого не было... Да и Александр Сергеевич этого не делал...

Вопрос весьма спорный. Надо прежде всего хорошо знать поэзию Державина. Но с Пушкиным Бродскому уж точно не повезло, если вспомнить его самодержавную гордость: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа».

* * *

Б.К.И., С.199. 1982:

– ... Что касается поэзии... В России есть пара первоклассных поэтов... (Только после моих неоднократных настойчивых просьб Бродский согласился назвать имена Евгения Рейна и Юрия Кублановского – Виллем Г. Вестстайн). Надеюсь, что у них не будет из-за меня неприятностей: эх, хуже, чем теперь, им все равно уже не станет...

У меня под руками только восемь строк Евгения Рейна из книги Людмилы Штерн: «Мы прощались с Бродским в его любимом Гринвич-Виллидже, недалеко от Мортон-стрит. Об этом прощанье Рейн написал: «Небольшая толкучка на Бликер-стрит в Гринвич-Виллидже./ потихоньку здороваются, протягивается сигарета./ Боже мой, чего тут по случаю не увидишь – / лимузин премьеры, супер стар балета. <...> Возвращаются, закусьвая в промежутке./ и какой-то довод, незнамо зачем, приводят./ Но вот тот, кого жду я уж третьи сутки./ не приходит, о Боже мой, не приходит».

Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. С.П.Б.: журнал «Звезда». 1998. С.306.

Простота написания двух последних строк стиха Евгения Рейна потрясает негромкой величию. величию утраты настолько, что строчки воспринимаются типично женскими, будто плачет историческая Ярославна. Их так и хочется внести в причеты лучших плакальщиц Вологодской области (г. Тотьма), понятных всем, кто душой воспринимает русский северный фольклор.

1995. Интервью Бродского и Михника. Б.К.И., С.647:

– Не верю, что ты не задаешь себе таких вопросов. Что не раздумываешь, скажем, над судьбой Пушкина – от декабристов до служения царю, до камер – юнкера?

– Говоря о Пушкине, все забывают, что он был дворянином, что присягал на верность императору. И потому в конце концов не мог выступать против него.

Пусть будет так, но сколь же в рамках сказанного гений был несправедлив по отношению к другому поэту, Федору Иван. Тютчеву (1803-1873 гг.). Подчеркнув дворянство Тютчева, абсолютную феноменальность стихов Денисьевского цикла, все-таки заключает сказанное: «Тютчев же лижет государев сапог по сугубо внутреннему побуждению» 1988. Б.К.И., С.351.

Душа было всплакнула по смертельно оскорбленному Тютчеву, была согласна навсегда отвернуться от Бродского, но память подала сказанное Бродским в декабре 1981, на С.184: «В повседневной жизни я мало говорю по-русски».

1982. С.103: «Я часто думаю, насколько все бессмысленно – за двумя-тремя исключениями: писать, слушать музыку, пытаться думать. А остальное...»

С.106: «... на сегодняшний день английский язык – это главный интерес, оставшийся у меня в жизни. Это отнюдь не преувеличение и не печальный итог – это чистая правда, да?»

А поставить надежную точку рядом с относительно благополучным по жизни Тютчевым вполне уместно будет словами великого Льва Никол. Толстого: «Федор Тютчев. Полное собрание сочинений в стихах и прозе. 2000», С.10: «... а Толстой, более того, превознес его над Пушкиным, утверждая, что Тютчев «глубже», даже несравненно глубже» (хотя Пушкин – «шире»). Но для Льва Николаевича вообще характерны идушие «против течения» высказывания, и истина, надо думать, в том, что Тютчев в ценностной иерархии отечественной поэзии занимает место непосредственно вслед за Пушкиным».

Лев Николаевич Толстой, все-таки сказавший, что «Пушкин шире Тютчева» угадал в самый корень. Пушкин – это маленький Солженицын африканского происхождения, архиудачно и многожды (широко) застолбивший дорогу во всех видах (жанрах) литературы. Аминь.



Раздражение Бродского, учитывая давнее нездоровье поэта, особенно в последние годы жизни, легко понять. Особенно, если корреспонденты из ума выпирают, задают вопросы, подобные представителю журнала «Огонек» от 11 апреля 1995. Б.К.И., С.659:

– В свое время Пушкин так далеко ушел от своих современников в стихах, что ему пришлось объяснять, что он пишет, чтобы его поняли. Вы не собираетесь это сделать?

– Вы знаете, никто от своих современников не уходит... У меня вышло в возлюбленном отечестве несколько сборников с комментариями. Может быть, молодой читатель, если он окажется внезапно заинтересован моим творчеством, сможет найти эти книги, и то, что ему непонятно на бумаге, в тексте моих стихов, станет понятно с комментариями.

Никаких таких глубоких мыслей, изначально спрятанных в непроходимом для чужака поэтическом лабиринте, в поэзии великого «сверчка» не наблюдается. Возможно, «сверчок» лукавил «непонятностью», набивая себе цену типично по-негритянски, желая застолбить еще более высокие горизонты всемирной славы. И непонятно, отчего корреспондент журнала «Огонек» не назвал ни одного произведения, которое поэту пришлось пояснить чуть ли не двести лет тому назад. А без первоисточника утверждать (опровергать) что-либо, мягко говоря, глуповато. Хотя в непонятность певучего «сверчка» попросту не верится. А.С.Пушкин. Медный всадник. Комментарий. Ю.Б. Боров (1960 г.): «Пушкину при его виртуозном владении ритмом... вообще ничего не стоило сменить медного всадника на правдоподобного бронзового».

Спустя и двести лет Пушкин абсолютно понятен, если не считать устаревших от времени слов или выражений, которые в тексте все равно понятны без пояснений.

С творчеством Иосифа Бродского все значительно сложнее. Сомневаюсь, что современному читателю (или века спустя) фраза «Ошибиться крюком или морем», уже отмеченная ранее Дэвидом Бетеа, будет понятна с комментариями, если в них прямо не сказать, что речь идет не про самоубийство, а про обыкновенную рыбу, потому что есть слова «крюк» и «море». И не исключено, что в следующем творении, где будут в наличии оба знаменательных слова, но речь будет идти просто-напросто о «примитивнейшей сквородке», Абракадабра. Примерно так. Почему-то не верится, что сможет по-бродски прочесть, в частности, данную фразу (подобную) даже человек, равный поэту по гениальности.

Эта необычайная самость гения Бродского (равно и любого другого), вероятно, никакому анализу и комментариям не поддается. Ее надо принимать как историческую (лингвистическую) данность. Есть желание время от времени просматривать «непрочтенные» с лету строчки, испытывая гордость за любимый русский язык, на котором умеют т-а-а-к говорить гении, подбирая (наннзывая) русские слова неправдоподобно по-своему. Просматривайте. Нет – на нет и суда нет. Небесный мир, может быть, и не сильно обеднеет, но ваша душа всплакнет всенепременно. Вероятно, человек (человечество) издревле испытывал что-то подобное данным непонятностям. Не на пустом же месте возникли насмешливо-снижительно-успокоительные фразы про «сверчок» и «шесток».

Поскольку проза Бродского – сколь ни уходит от нас в горние выси умаразума гений – абсолютно понятна, то в утешение страждущим легкой понятности и поэзии Бродского, приведу его слова из Б.К.И., С.23: «Чтение поэзии – это борьба, как и все в жизни». А для перехода в день сегодняшний отличная фраза из кинофильма «Черный ворон» – «Думы у истинного литератора не могут быть простыми».

Работая над заметками о жизни и творчестве Бродского, однажды непроизвольно подумала: «Чтобы глубже понять Чехова, надо было прочесть слова Сомерсета Моэма о нем. Чтобы Пушкин стал менее стилизован под классика, а более понятен и глубок лингвистически и по-человечески, надо было прочесть все сказанное о нем Бродским».

В молодости с удовольствием читан Сергей Доризо (?), но он все больше подчеркивал невинатость в пушкинской трагедии женской сути его косенькой умницы-красавицы Натали, писавшей стихи, и в этом плане абсолютно обойденной вниманием Пушкина. Гений не просто отказался сделать какой-то разбор рифм юной Натали, он попросту отмахнулся от жены, как от надоедливой мухи: мол, свои стихи надоели.

Однако же из школьных лет тянется (тянулась) полувяная ниточка предубеждения к ветреной Натали, чуть ли «не сгубившей гениального поэта своей любовью к балам и нарядам». Добротная точка на этой ереси из школьных лет была поставлена еще на подготовительных курсах в Череповецкий пединститут. Первый на нашем пути неординарно мыслящий литератор, сообщив нам о количестве рождений и выкидывшей Натали Пушкиной, спросил в лоб: «Было ли у юной жены Пушкина время для флирта?»

Мы попросту растерялись: зачатых деток было больше, чем прожитых с Пушкиным лет. Предубеждение против Натали почти что автоматически переметнулось на Пушкина. Это была первая и неосознанная душою (точнее, разумом) критика в адрес солнца русской поэзии.



Лет пять назад «улыбчивая» критическая волна хлестнула через край. Радио Вологды транслировало передачу, подготовленную в прекраснейшем старинном городке Тотьма. Слушать всерьез стала только при упоминании фамилии Пушкина, поэтому тотмичанка осталась неизвестной, она анализировала «Сказку о рыбаке и рыбке: «... где это Пушкин нашел в России такого мужика, который жил в избушке-развалюхе... Ну, это еще куда ни шло. Может, строевого леса поблизости не было. Но чтобы русский мужик не смог своевременно выдолбить новое корыто для стирки, да в это и поверить не могу...»

Мысленно заглянув в мою родную деревню еще добрую полсотни лет тому назад, тоже не поверила Пушкину. Не мог тогдашний здоровый старик, а с неводом слабаку не управиться, не мог не иметь в заводе (в хозяйстве) запасного деревянного корыта для стирки, для сечки капусты, для... Если вспомнить предубежденность высказываний Солженицына в адрес Бродского, но острей критической стрелы направить в сторону Пушкина с его сказкой, то литературный криминал налицо: не любил великий Пушкин, ох, не любил безобидного старичка из приморской деревни, оклеветал его от затылка до пяток.

Критика тотмичанки заставила пойти в детскую библиотеку, посмотреть современные издания данной сказки Пушкина. И оказалось, что, за редким исключением, на обложке книги (страницы) по-прежнему красуется старуха, крутящая веретено. Спросила библиотекаря, вчерашнего словесника из средней школы, мол, как объясняли ученикам практически чуть ли не единственную божественно-прекрасную и по-прежнему абсолютно невоспринятую художниками-оформителями фразу – «Старуха пряла свою пряжу». Юное создание ни на секунду не задумалось: «А мы на этом внимание ребят не акцентируем».

Какое все-таки счастье, что учителя-словесники моего поколения не жаловали слова «акцентируем» и объясняли нам, что та пушкинская старуха крутилась по дому белкой в колесе день-деньской... Этого, к сожалению, не знают и те художники, которые отлучили старуху от прялки и усадили ее на скамеечку. Где можно было увидеть еще добрых полсотни лет тому назад крепкую старуху, сидящую без дела. Вероятно, пройдут еще годы, и пушкинская бабуля усядется на лавочку семечки лузгать у какой-нибудь многоэтажной похилившейся хоромины.

На десятки лет раньше тотмичанки критически глянул на творчество Пушкина (радиопередача из Ленинграда) Владимир Влад. Набоков (1899-1977 гг.), который потратил двенадцать лет на уточнения, исправления, дополнения... – словом, написал нового «Евгения Онегина».

А вот как интерпретировал Бродский двенадцатилетние деяния Набокова. Б.К.И., С.548: «... даже написать «Евгения Онегина» в прозе. Он и перевел «Онегина» как аргумент в споре с пушкинистами, опустив рифмы и представив на суд совершенно другое, в сущности, произведение».

Впрочем, ни одно самое яркое, ярчайшее высказывание литератора нельзя принимать на веру стопроцентно. Пример. Набоков считал, что Ходасевич силен как критик. Бродский, что «Ходасевич, пожалуй, лучший русский поэт того времени». И потому, и поэтому хотелось бы глянуть на тот загадочный труд Набокова. Узнать, в чем корни его критических размышлений, столь серьезно и ретиво переведенных в дела.

Александр Пушкин. «Евгений Онегин». Издательство «Олимп». 2000. Малоизвестный комментарий к «Евгению Онегину».

Свой комментарий Набоков назвал «Заметки переводчика». Печатали их... в нью-йоркском «Новом журнале» (№49)... в журнале «Опыты» (1957, №8).

Публикуем наиболее интересные фрагменты из набоковских «Заметок».

Владимир Набоков: «Из комментариев, объясняющих содержание и форму «Онегина», образовался том в тысячу с лишком страниц, и из него я привожу здесь несколько заметок в сокращенном виде».

После чтения сокращенных «Заметок» Набокова вопросов стало заметно больше прежнего. Как можно выбрать «наиболее интересные фрагменты» – около 15 страниц – из «тома в тысячу слишком».

Один пример, который касается всех моих провинциальных ровесников, не владевших иностранными языками. – «Тогда как переводы не бывают гениальны, а Пушкин и его Татьяна читали не оригиналы, и эту-то чепуху поэт называл гениальной...»

Набоков дал глубочайший анализ практически каждой строки «Онегина» со ссылками на тех авторов, кого Пушкин смог прочесть в переводе, а Набоков – оригинал и все последующие переводы, переписки литераторов, имеющих, опять же, хоть какое, то отношение к тексту «Онегина»...

Словом, Иосиф Бродский откомментировал в Б.К.И., на С.548, «совершенно другое, в сущности, произведение», абсолютно неизвестное литературному миру, но только не семилетний труд (радиопередача сообщила о двенадцати годах) Владимира Набокова «Заметки переводчика».

Склоняю голову перед литературной дотошностью и вездливостью Владимира Набокова, потратившего годы, чтобы выразить собственное мнение о художественности «Евгения Онегина». А тем уж более, что особенно и привлекает в работе Набокова, сумевшего пойти против течения, против устоявшихся, незыблемых, казалось, хвалеб поэме Пушкина за два минувших столетия.

И поэтому все-таки скажу несколько слов об одной из самых неординарных вещей гениального (по широте тематического литературного охвата) «сверчка»: – «Евгений Онегин» – это прелестно звучащая, но очень уж затянутая ария не менее божественной балалайки (кстати, инструмент аристократов, поскольку был предельно дорог для простолюдина). Где вне критики только дивнейшие картины природы и образ Татьяны.

* * *

Особость островной страны Англии, английского языка подчеркнута множеством раз. В плане литературном тоже. Эта особость равновелика в кондовых и «пришлых» англичанах, отлично владеющих английским. Сомерсет Моэм всю жизнь мечтал переписать «Воскресенье» Льва Никол. Толстого. Однако Моэм, прожив дольше Набокова на четырнадцать лет, все-таки пожалел тратьить всегда драгоценное и краткое, быстро летящее время, на переделку чужих, по его мнению, недоделок.

В данной ситуации опять произошла перекличка мнений Моэма и Бродского, на этот раз о творчестве Толстого. Правда, Моэм никак не пояснил свое желание переписать роман «Воскресенье». Зато Бродский выразился привычно откровенно, с распахнутостью, размахом гения о романе «Доктор Живаго»: «...стихи, которыми завершается роман Пастернака, прекрасны, а роман плох... роман получился неожиданно толстовским. Мертворожденным. Преображение поэта в романиста почти никогда не удается. Обратное происходит легче: тому примеры – Томас Харди, Иван Бунин» – (1987. Б.К.И. С.286)

Проникновение самого Бродского в самую английскую речевую культуру крайне необычайно – путь гения. Сначала благодарственная цитата любимому русскому языку, которая не столь громка и трескуча, как «великий и могучий» Ивана Серг. Тургенева (1818-1883 гг.), зато значительно глубже. До Бродского такую честь, вероятно, оказывали только французскому. Б.К.И., С.128: «Русскому языку суждено быть языком поэзии».

Из чистого огня, да в грязное польмя. С.272: «Способность языка мутировать чудовишна. Ну прямо как у тараканов».

Следующее высказывание, вероятно, не бесспорно. Может быть, доступно только уму и логике людей, досконально изучивших несколько иностранных языков и владевших переводом художественных текстов. Но уж очень интересное мнение Кейса Верхейла и, вполне допустимо, глубоко индивидуальное, свойственное только Бродскому. «Танец вокруг мира», С.263: «... Умение Иосифа писать и говорить по-английски находилось в то время на начальной стадии.

хотя как переводчик он уже был на уровне Джона Донна и других поэтов, прославившихся своей «мудреностью».

Любовь гениального мыслителя Бродского к языку, к слову, порой выраженная шутливо (шутейно), может на мгновение лишить дыхания, тоже неравнодушную к слову душу, но эти дивные лишения из тех, которые желанны и неповторимы. Б.К.И., С.118: «...когда я пишу стихи по-английски. – это скорее игра, шахматы, если угодно, такое складывание кубиков». С.302: «Во-первых, мне нравится писать шуточные стишки».

Мое провинциальное поколение ровесников Бродского само себя многожды обокрало. Мы не знаем английского, и у нас нет под руками перевода шуточных английских стихов Бродского. Которые: «Нечто вроде шоу под открытым небом – для одного или двух актеров, со слайдами и т.д., чтобы люди хотя бы имели представление». С.302.

Вероятно, каждый поэт благодарен Бродскому за высокую оценку их литературных «высочеств». С.143: «Люди, которые занимаются поэзией. – наиболее совершенные в биологическом отношении образцы человеческого рода». А более того за фразу, ибо кого из пишущих не прожигала подобная мысль, но сформулировал ее опять же Бродский. С.55: «Поэзия – лучшая школа неуверенности». Эта фраза достойна отдельного разговора специалистов, и это когда-нибудь случится всенепременно.

Рассуждения Бродского о прозе Андрея Платоновича Платонова (наст. фамилия – Климентов, 1899-1951 гг.), вероятно, будут безынтересны специалистам, но я возьму только бесподобное и небывало краткое сравнение русского и английского языков. С.57: «... его (*Платонова* – Н.Б.) главным инструментом была, так сказать, фактура. Это был его главный прием. Прием, который действительно невозможно реконструировать в английском языке. Вы можете его реконструировать, но только в определенной мере, за рамками которой по-английски он становится скучным. А по-русски это наслаждение».

Не могу судить, как звучат по-английски данные строки, а по-русски это высочайшее наслаждение смыслом и поэзией одновременно. С.129: «Жизнь, которой./ как дареной вещи, не смотрят в пасть./ обнажает зубы при каждой встрече./ От всего человека вам останется часть/ речи. Часть речи вообще. Часть речи».

* * *

Диапазон наслаждений нашей жизни необычайно велик. Особенно согревает душу данный ниже абзац, ибо, работая над заметками о творчестве Бродского, впервые в жизни хорошо помню не только на какой стороне раскрытой книги, но

и в какой части листа располагается необходимая мне фамилия, факт. явление в «Большой книге интервью». С.213: «... У меня такое чувство, что до тридцати трех-тридцати четырех лет я помнил свою жизнь до мельчайших подробностей. Я мог вспомнить, на какой стороне раскрытой книги прочел то или иное предложение».

Невозможно не упомянуть, сказав об Англии и английском языке, одну из цитат Бродского, которая не просто странна, которая жестка и жестока по отношению к людям, к стране, язык которой способен одарить наслаждением всех и вся, многих. С.393: «...англичане действительно имели в 1918 году возможность колонизировать Россию, и я очень сожалею, что этого не произошло. Но это так, замечание с претензией на оригинальность».

Это не оригинальность. Это юмор невольника, которому на помосте по секрету шепнули: «Веревки гнилые, но будем поднимать и вешать до тех пор, пока душа твоя сама по себе не шагнет в ад, но и там процедура продолжится. Сколь долго, то нам не ведомо». Несусветная оригинальность гения, по сути, не удивляет, только душа мечется в поисках выхода, которого нет. Человек, пронзительный унижением от затылка до пяток хоть однажды, помнит об этом всю жизнь.

О том же особенно красноречиво свидетельствует эпизод из фильма «Прогулки с Бродским». Камера солгать не даст. Благодатная Венеция, божественная атмосфера почтения и почитания. 1993 год. Прошло два десятка лет свободной и относительно обеспеченной жизни, но стоило Евгению Рейну сказать, что – теория стихосложения – этот эпизод все равно вырежут из фильма, как Иосиф Бродский в запальчивости: «Пусть вырежут. Они себя вырежут...»

Душа не выдерживает накала хлынувших страстей, прежних, двадцатилетним мхом поросших «они себя вырежут», и поэт, гений, лауреат, почетный доктор – отворачивается в сторону, камера не солжет, оставаться в памяти потомков с лицом обиженного жизнью человека, ох, не хочется.

Еще лет полсотни тому назад деревенские женщины панталон не носили, искусством длительного скороговорения и вовсе не владели, дойдя до белого каления, открывали несговорчивому собеседнику одну из своих интимных частей тела, которую в спокойном состоянии и под пистолетом не оголили бы, смачно хлопали себя сильными работающими ладонями и в исступлении кричали, в частности: «Вот тебе твоя Англия! Вишь. Вишь!»

Тут уж ничего не убавишь и не прибавишь. Тут иной беседы не получится. Это не журналисты, которые абсолютно одинаковыми вопросами настолько замутили память гения, что и он не избежал в ответах накладок.

Б.К.И., С.181:

– Однако вы как-то сказали, что вам не нравятся книги о России, написанные людьми, которые там не бывали!

– Сдаюсь!

С.304:

- ... повлиять можно только на свое поколение.
- Мандельштам ведь повлиял на вас...
- Ну... (смеется) ну тогда я беру свои слова обратно.

Подобных «шагов» в книге интервью много. Чаще всего журналисты подчеркивали изящную легкость соглашения Бродского с критикой его собеседников.

Есть в Б.К.И. только одно интервью – «Наглая проповедь идеализма», где собеседники почти равноправны. Вопросы американца Дэвида Бетеа не менее (иногда более) интересны, дают больший простор для размышлений, чем ответы Бродского. Возможно, сказалась отлично продуманная и разумно поданная первичность вопросов – для журналиста. Тогда как Бродский уже отвечал энное число раз почти на каждый из них. И по длительности эта беседа почти в пятьдесят страниц (505-552). Можно бы вполне издать отдельной книжечкой, дав какой-то фотоматериал. Разговор того стоит.

С.521:

– ... Когда я читал мемуары Герштейн, я был ошеломлен... что она абсолютно не понимает некоторые эссе Мандельштама и говорит ему об этом, на что ему приходится отвечать, что он «пишет, опуская некоторые звенья». Это самый исчерпывающий ответ для того времени для определенной стадии развития культуры.

– То есть своего рода акселерация.

– Именно. Мандельштам потому и писал, опуская звенья, что эти звенья были для него самоочевидными. Этим живет культура, но другой вопрос, живет ли этим население... Публика должна идти вперед, чтобы встречать поэта хотя бы на полпути, чего не происходит, и публика продолжает судить о поэте со своей галерки.

Очень редко на прямой вопрос Бетеа давался столь же прямой ответ, но оба собеседника были довольны друг другом. Читатель тем уж более. Ибо мысль одного из собеседников не подтверждалась ответом, не отвергала его, а звала, пусть и в указанном направлении, но за несколько иные мыслимые горизонты. Иногда на уровне собеседника (равно вопрос и ответ), иногда в каких-то бесконечно удаленных даях и высях. Один изумительно нежный по тональности эпизод из разговора, казался бы, на большую для литераторов тему.

С.546:

– В конце одного стихотворения вы говорите: «Не купись на басах, не сорвись на глухой фистуле, коль не подлую власть... так не все ли равно, ошибиться крюком или морем». Это что, косвенный призыв к самоубийству? Вы вообще думали когда-нибудь о...?

– Конечно же, даже как-то пытался... Не помню, к чему отсылают эти строки... конечно, не к тому, чтобы немедленно наложить на себя руки. «Крюком или морем» – это значит, если ты рыба, неважно, чей крюк глотать, в каком море плавать...»

Обидно, что больше никто не просил Бродского расшифровать строки данного стиха. Было бы великое множество интереснейших версий. Моя основана на поговорице, которую отчего-то любили в моей родной деревне – «Ради дела (друга, подруги) – сто верст не крюк». Подобную путевую (от слова «путь») интерпретацию слова «крюк» можно встретить в «Недоросле» Дениса Иван. Фонвизина (1745-1792 гг.): «... в этой стороне по большой прямой дороге никто не ездит, и все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее (речь о придворных интригах).

Окончание данного интервью не менее глубоко и прекрасно.

С. 549:

– Теперь совсем коротко. Иосиф, у меня с собой список поэтов, я хочу, чтобы вы назвали несколько их произведений, первые, что приходят в голову. Итак, Баратынский...

Бродский стал скоро и круто отстреливаться произведениями более чем доброго десятка литераторов разных стран. Боюсь, что суть многих произведений (о литераторах-то все-таки хоть слышали) для среднестатистического россиянина, даже преподавателя литературы средних школ, – практически темный лес. Это неоднократно проверено. Узнав, благодаря непередаваемой словами эрудиции Бродского, новое для меня в литературе (живописи, музыке) – летела с вопросами к наиболее продвинутому учителю литературы. Потом, чаще всего, летела в спасительную библиотеку. Если продолжить по нарастающей тематику густоты или скорости литературного обстрела, то, несомненно, воинского звания для гения Бродского пока что не придумано. Генералиссимус от литературы? Претенциозно и мелкогато.

Есть в этом прекрасном интервью одна очень грустная нота. Тем уж более поданная на фоне «Генералиссимуса от литературы». Впрочем, она, вероятно, убивает только иностранцев. А россияне, многократно «катаные и битые», многократно униженные, давно закалены. «Мою душу кузнец закалил не вчера». – Николай Семен. Тихонов (1896-1979 гг.). Примеров данного плана несть числа. Можно взять «Колымские тетради» Варлама Шаламова, первично изданные во Франции. У нас в то время «не было» ни секса, ни тюрем, ни психушек... Можно взять абсолютно полярную арию, из той же великой литературной оперы – публицистики. Это бесподобный «Лад» Василия Ив. Белова. Серия превосходных очерков о быте и жизни северных областей. Эта книга Белова будет жить до тех пор, пока на земле существует цивилизация. Вероятно, это отлично понимала и наша издательская элита. И все-таки «Лад» первично издала Финляндия.

В данном случае речь об эссе Иосифа Бродского «Путешествие в Стамбул» (или «Бегство из Византии»). Б.К.И., С.546: «... Знаете, в добрые старые новые времена «Новый мир» попросил у меня что-нибудь прозаическое, и я предложил им «Путешествие в Стамбул» и «Об одном стихотворении» (о «Новогоднем» Цветаевой). Я предложил любое на выбор. Они не приняли оба, они не взяли Цветаеву из-за кальвинистских идей и еще потому, что «это скорее литературоведение», как они сказали. Внутри редакции мнения вроде бы разделились, но и «Путешествие в Стамбул» в конечном итоге не прошло. Вот так».

Надежду на лучшие времена в литературном развитии народных масс России оставляет только фраза «Внутри редакции мнения вроде бы разделились». Поскольку «Новый мир» был всегда среди читаемых журналов, то россияне, при более благоприятных условиях, смогли бы насладиться чтением лучшего (одного из лучших) эссе Бродского еще в 1990-1991 годах. «Путешествие в Стамбул» – это нерифмованная поэзия высочайшего уровня. Невозможно из целого прекрасного выбрать одну фразу, надо переписывать все произведение. Ну что, казалось бы, можно сказать о пыли. Оказывается, можно. «Как все чистильщики сапог, эти люди – большие философы. А лучше сказать – все философы суть чистильщики больших сапог».

Июнь. Стамбул – Афины. 1985.

* * *

Моя любимая привычка в спорных моментах надевать всех сестер одинаковыми серьгами, пожалуй, впервые дала сбой. Душа на стороне обиженного властью Бродского, но никак невозможно понять, потому что нет ни одного факта, равнозначного его злобным выпадам в сторону Евтушенко и Вознесенского. Возможно, такие убийственно-вопиющие факты виноватости названных поэтов откроются в 2046 году, когда будет обнародован полный архив гения.

А пока мы имеем то, что имеем. Чисты поэты перед гениальным мыслителем Бродским. Именно Евгений Евтушенко в июне 1966 года вывел вчерашнего осужденного на сцену МГУ – читать свои стихи вкупе с Беллой Ахмадулиной и Булатом Окуджавой (Б.К.И., С.282). Правда, Евтушенко же, зав. отделом поэзии в журнале «Юность», не смог договориться с Бродским о публикации его стихов. Каждый из них желал видеть в журнале стихи на свой вкус (С.282). Но кто из литераторов не прошел по данным шпалам.

Евтушенко не сообщил Бродскому о том, что последнего собираются «выкинуть» из России? Но нельзя же требовать, даже гению, чтобы вся страна «задрал штаны, бежала за комсомолом» в лице мятежного бунтаря Иосифа Бродского. На основе только этих и других подобных фактов как-то жутковато

читать на С.357: «И в этой паре отечественных гнедых (хотя лучше в этом слове переставить ударение и заменить «е» на «и», «ы» на «а» для вящей точности) они узнавали и, естественно, до сих пор узнают самих себя».

«Для вящей точности» придется признать, что этот абсолютно безнравственный бумеранг летит только в огород гениального Бродского, и никуда более. Таких зло грубых бытовых выпадов в Б.К.И. предостаточно, но упомяну еще об одном, где речь ведется о поэзии Евгения Евтушенко. С.235: «...я давно не читал ничего гаже, чем недавние стихи Евтушенко в «Новом мире». Интервью помещено в газете «Русская мысль», 3 февраля 1983 года.

В райбиблиотеке (прелести жизни в глубинке) имеется подшивка «Нового мира» только за 1986 г. «Электронка» из Архангельска назвала единственное стихотворение Евгения Евтушенко, опубликованное за данный период. Это поэма «Мама и нейтронная бомба». Строчкам поэмы предпослано объявление из западных газет: «Наша фирма принимает заказы на специальные бункера типа люкс, полулюкс и одинарные, которые вас спасут от любых атомных бомб, включая нейтронную... Оплата по соглашению».

Придумал это объявление Евтушенко или оно имело место быть в газетах, но в любом случае оно знаменательно, ибо отражает всю глупость современного мира. Сколь долго можно держаться в том люксе, если все живое на земле превратилось в пепел. Да, здесь присутствует элемент провинциализма, но ведь Евгений Евтушенко и не претендует на место рядом с Бродским в литературной епархии. Он живет и трудится в меру таланта, отпущенного ему Господом. И стыдно, должно быть, с высот литературного Олимпа попирать достоинство русского поэта и человека. Стыдно.

Бродский, пища что-нибудь, уходит мыслью в космические выси, в созданный им самодично, естественно, глубоко индивидуальный мир, который частенько, примеров несть числа, особенно в поэзии, никто не может назвать, объяснить, угадать...

Евтушенко пишет о том, что у нас в мыслях, рядом с нами, о нашей жизни, и пишет прекрасно (речь только о названной поэме) настолько, что частенько невозможно оторваться от строки. Строчки из поэмы, в которых уложился не просто горькая судьба мамы поэта, это и судьба большинства женщин-россиянок, по жизни которых жестко и жестоко прошлась Великая Отечественная – «Мама выиграла Отечественную войну./ Мама пела на фронте с грузовиков и даже с «катуш»./ и танки, в бой уходя, на броне увозили/ серебристые блестящие с концертного платья мамы/ и увезли ее голос, пропавший без вести на войне./ После войны моя мама пела в фойе кинотеатра «Форум»/ рядом с буфетом, где победители Гитлера пили пиво./ обнимая девчонок в прическах под юную Дину Дурбин./ не слушая сорванный голос худой некрасивой певицы/ и даже

не подозревая, что и она победитель./ Мама выиграла Отечественную войну/ и проиграла свой голос».

Примерных-прекрасных, глубоких, правдивых эпизодов в поэме великое множество. Я бесконечно благодарна Иосифу Бродскому за то, что прочла эту поэму Евгения Евтушенко. Он как-то не стал одним из моих любимых поэтов, не считая его стихов, которые стали песнями. Любимыми. Известными. Вечными в цивилизованном мире.

Укажу одну словесную изюминку, абсолютно первичную литературную находку Евгения Евтушенко (их в поэме много): «И мама вздохнула горько: «Никто послезавтрашних газет не берет». Надо признать, что здесь есть некоторая смысловая переключка с названием книги о море, о морях Виктора Конецкого «Вчерашние заботы». Но в любом случае «послезавтрашние газеты» давно покойной мамы – прекрасны.

Конечно же, Евтушенко знал об отношении к нему Бродского. На этом фоне, резко отрицаяшем самое право на жизнь обычного смертного поэта, две строчки из стихотворения от 25 февраля 2004 года, посвященного Бродскому, смотрятся доброжелательными и по-философски мудрыми: «... и не надо нам было дружить./ ибо ссорясь, мы сделали больше».

Евгений Евтушенко. Памятники не эмигрируют. Стихи XXI века. Москва. Эксмо 2005. С.382.

* * *

Главка закончена. Точка поставлена. Недоумение осталось. Позволю себе одно предположение о необычайной нервозности гения в адрес двух названных поэтов. Неужели Бродский не был до конца уверен в одинокости своего литературного «я» на Олимпе Богов? Неужели?

Не сравнения ради, но отчего-то именно теперь душа желает сказать несколько слов тоже о громадном (1457 строк) произведении Иосифа Бродского, диалоге «Горбунов и Горчаков». С.574., Б.К.И.: «В «Горбунове и Горчакове» (1965-1968 гг.) есть две строчки, в которых все более или менее и заключается. Это самые главные строчки, которые я, по-видимому, написал: «Я думаю, душа за время жизни приобретает смертные черты». Вот и все. А все остальное – более-менее развитие, комментарии. Это уже до известной степени вторично».

С.58: «Я могу долго говорить об этом стихотворении, просто потому что оно одно из самых серьезных вещей, которые я сделал за свою жизнь... Это то, за что я себя уважаю... Жаль, что перевод этих стихов действительно никакой. Я вычеркнул его из книги».

С.572: «В «Горбунове и Горчакове». кстати, как раз до известной степени стояла такая задача – переабсурдить абсурд, что, я думаю, до известной степени мне и удалось».

Приятно, что россияне имеют возможность прочесть оригинал. Не зная этого, было бы трудно плясать от пачки. Зная, скажу: я преклоняюсь перед теми, кто прочел диалог – все почти полторы тысячи строк – от начала до конца по собственному выбору. Уж если есть и такие, что прочли с интересом или, не дай Бог, с наслаждением, то они мне понятны куда меньше гениального Иосифа Бродского, все-таки разместившего в диалоге несколько неподдельных бриллиантов философского плана – «Река, как уверяет нас философ, стоит на месте, убегая влать».

Впрочем, природа понимания текста вещь сама по себе непонятная. Владислав Фелициан Ходасевич (1886-1939 гг.), о котором Бродский неоднократно отзывался в превосходной степени, и в сравнении с Набоковым, в частности. С.547: «Встретив Ходасевича, Набоков понял разницу между собой и подлинным поэтом, поэтом по определению».

Владислав Ходасевич. Стихотворения. Москва. «Молодая гвардия». 1991 г. (других сборников в райбиблиотеке нет). С.6: «Лет через сто какой-нибудь молодой ученый или поэт, а то и просто сноб, долгоносый болтун, вроде Вишняка...» У каждого литератора свои Вишняки. По данному сборнику «Вишняка» не отыскать, не рассмотреть, значит, и его вины перед Ходасевичем. Об архиве Ходасевича громкие речи не велись. Так и канет Вишняк неопознанным, неприговоренным правдивым словом к позорному столбу. Вернемся к приятному поэту Ходасевичу.

С.109: «Люблю людей, люблю природу./ Но не люблю ходить гулять./ И твердо знаю, что народу/ Моих творений не понять».

Сколько ни старалась, не смогла отыскать в сборнике ни одной непонятной строчки. И даже все мысли в стихах, прописанные хоть намеком, догадкой, абсолютно понятны раньше, чем дочитана строка. Возможно, поэт лукавил или, не дай Бог, написал для рифмы такое «красивое и серьезное утверждение».

С незапамятных времен люблю эту (и не только) строчку Ходасевича, уважаю поэта-мигранта за глубину, четкость и правдивость данной строки – «Да, меня не пантера прыжками/ На парижский чердак загнала». Виталий Зверев, автор заметок о жизни и творчестве Ходасевича, подчеркнул, что летом 1924 года в Париже он напишет стихотворение «Перед зеркалом», в котором загадочно обмолвится. Трудно найти в строчках о «пантере» еще какую-то загадку. Третьего не дано: если поэт не по собственной воле покинул Россию, то, можно предположить, не смог принять новые порядки, не захотел как-то служить новой власти.

А что касается отсутствия друзей в Париже, шемящего чувства одиночества, то все это жило в стихах Ходасевича (больше, меньше) с первой страницы

сборника – 7 ноября 1904 года, за восемнадцать лет до миграции. Все свое (заметно отяжелевшее почти за два десятилетия) и прихватил в дорогу. 5 ноября 1921: «И будут спрашивать, за что и как убил. – / И не поймет никто, как я его убил». (*Воображаемое уби́ство* – Н.Б.). 7 ноября 1921: «Так, чтобы этот язык / Зубами насквозь прокусить...»

В стихах Ходасевича есть одна (несколько их) особенная, которая подмечена Бродским в поэзии у Мандельштама, но принятая как вполне естественная для его творчества. Б.К.И., С.533: «Он не был сумасшедшим или лунатиком... И он знал, о чем говорит... Просто ему было наплевать, насколько он соответствует... Уже в «Tristia» он говорит: «И на заре какой-то новой жизни./ Когда в сених лениво вол жует./ Зачем петух, глашатай новой жизни...» Что он делает? Он рифмует жизнь с жизнью. Отдает ли он себе отчет? Вряд ли... а дальше – больше: он пишет стихи с пропущенными связями, с «опущенными звеньями». Естественно, его никто не понимает и все думают, что он просто спятил. Ничего подобного! Это было ему органично, идиосинкразийно. Он мог себе это позволить. То, что опускалось, было самоочевидным и потому ненужным».

В это, вероятно, можно и надо поверить, но как читателю раствориться в строчке, которая «самоочевидна» только для автора. В это можно и надо поверить, потому что опытному стихотворцу ничего не стоит мысленно найти подходящую рифму, но как быть читателю – тоже рифмовать за автора?

В словах Бродского все-таки чудится что-то неземное, обожествляющее Мандельштама. Ибо, читая Ходасевича, ни за что не согласишься с мнением Бродского – скучно читать повторы у Ходасевича. С.153: «С берлинской улицы», «в берлинских улицах», «Дома – как демоны», «Шеренги демонов», «Дневные помыслы», «Дневные помыслы». Душа страдает не столько от повторов, сколько от недополучения возможной смысловой, поэтической глубины. Если Владислав Ходасевич говорил о подобной непонятности, то он непонятен...

Стих «Перед зеркалом» тоже имеет свою особенку. Божественное начало – «Я, я, я. Что за дикое слово? / Неужели вон тот – это я? / Разве мама любила такого. Желто - серого, полуседого / и всезнающего, как змея?». Потом идут еще пятнадцать типично эмигрантских строк – пояснение жизни, катящейся под уклон, – идет постепенное ослабление, провисание первых пяти строк, звенящих, как гитарная струна. Потом две любимых божественных строки и три опять же о привычном эмигрантском одиночестве, но рожденном еще в России.

Бродский, прожив в деревне около года, потом всю жизнь вкраплял (украшая их строгость, поэтическую глубину, философичность) в свои стихи певучий северный диалект. Владислав Ходасевич, воспитанный кормилицей и няней, тульской крестьянкой Еленой Александр. Кузиной, сохранил в памяти и в стихах только одну сельскую музыкалинку, которую даже я умудрилась забыть.

а ведь раньше в моей родной деревне ни одну хулышку-тонконожку не пропускали, чтобы не сказать ей любовно или не очень: «У-у-у, тонколягая!». У Ходасевича, С.180: «Вдруг жидколягая комета». И эта любимая малость была очень приятна в устах изнеженно-изысканно-аристократичного Ходасевича.

В благодарность назову его стихи, вырванные из сборника литературным варваром из Коноши, С.С.29-30: «И снова голос нежный», «Вновь», С.С.49-52: «Дождь», «Закат», «В тихом сердце – едкий пепел».

* * *

Все познается в сравнении. «Горбунова и Горчакова» можно счесть попыткой Бродского передать обшение больных или считавшихся таковыми... Но, вероятно, от имитации разговора и поведения больных, от желания передать обстановку «психушки» и до надежного, достоверного литературного среза, воспринимаемого за правдивые обстоятельства места и действия, – дистанция огромного размера. Даже гению она оказалось непосильной, не смог он одолеть жутчайших литературных вершин этой скорбной темы. Подмечена она еще только двумя авторами, но в прозе.

Пожалуй, я поспешила, назвав Иосифа Бродского лучшим в мире абсурдистом. Это небывалое звание принадлежит Кену Элтону Кизи (1935 г.р.) за его роман «Над кукушкиным гнездом» (1962 г.). Роман в России более известен по фильму Милоша Формана «Полет над гнездом кукушки» (1975 г.).

Весь роман абсурдиста-юмориста Кизи бесподобен, но его окончание так небывало насыщено, что каждый читатель, вероятно, непроизвольно приглаживает свои возбужденные «литературные» вихры. Несколько человек, от имени которых ведется повествование, видят, понимают, оценивают происходящее покруче многих психически здоровых людей.

Настоящая хозяйка одного из отделений «Гнезда...» – старшая сестра мисс Гнусен, потому что ее подруга инспектор, в чьем ведении данное отделение. И дважды знакомая российская действительность. Семейный образчик советских реалий отрицательного плана. И вечная тема нашей российской жизни – работа по благу.

Мисс Гнусен, как водится, изощренная садистка в плане уличения больных за самые мелкие грехи настолько, что когда она в итоге «... кивнет своей аккуратной седой прической, улыбнется аккуратной улыбочкой, повернется, уйдет в стекляшку (*пост старшей сестры* – Н.Б), а большой будет стоять и думать, что же он все-таки делал этой салфеткой».

Читая роман Кизи, невозможно избавиться от мысли, что вся наша окружающая жизнь и по сей день – один сплошной сумасшедший дом. Это, вероятно, и

недостаток романа, и его высочайшее художественное достоинство. Припомнив фразу Бродского о том, что «Пушкин действует всем ансамблем», можно сказать, что Кизи одинаково прекрасно действует на читателя и «всем ансамблем», и отдельными строками. То ли автор романа в душе поэт, то ли где-то открыты им алмазные словесные россыпи личного пользования – «Мы шли и смотрели, как земля за кормой погружается в море», «В детстве земля была как песня ребенка», «О прошлом, куда мы смогли бы вмечтать себя», «В мои тонкошение годы...»

Одну строчку из книги, если она будет перенздаваться, крайне необходимо перевести иначе. С.48: «До двух часов группа дерет бедного Хардинга». В книге еще раз употребляется слово «дерет», но речь идет именно о половом насилии.

«Палата №6» Антона Павл. Чехова, вероятно, более близка к жизни сумасшедшего дома. В таком случае одну лишнюю литературную «собаку» можно убрать из числа обвинений, повешенных на классику. Видимо, реализм изображения действительности более других свойствен русской душе. Психологический текст Чехова – тяжелое чтение для души, не прочесть – душа тоже не позволит.

Один эпизод из рассказа – портрет сторожа Никиты, в руках которого буквально и фигурально находятся обездоленные сумасшедшие все 24 часа в сутки. С.104: «У него суровое, испитое лицо, нависшие брови, придающие лицу выражение степной овчарки, и красный нос: он невысок ростом, на вид сухошав и жилист, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежит он к числу тех простодушных, положительных, исполнительных и гупых людей, которые больше всего на свете любят порядок и потому убеждены, что ИХ надо бить. Он бьет по лицу, по груди, по спине, по чему попало, и уверен, что без этого не было бы здесь порядка».

Томится душа читателя и по причине непотопляемости в нашей жизни порядков из «Палаты № 6». За минувшие с лишним сто лет в «психушках» едва ли что изменилось. Может быть, «сторож Никита» и не лежит сегодня на куче зловонного тряпья. К его услугам имеется какой-нибудь кабинет психологических разгрузок...

* * *

Б.К.И., С.127: «После его возвращения из ссылки в 1965 году Бродский продолжал вызывать раздражение властей. Два раза его помещали в психиатрические больницы».

– Это было самое ужасное из того, что мне довелось пережить. Действительно ничего нет хуже. Они добиваются многого – публичного покаяния, пере-

мены в поведении. Они вытаскивают тебя среди ночи из постели, заворачивают в простыню и погружают в холодную воду. Они пичкают тебя инъекциями, используя всевозможные подтачивающие здоровье средства.

В подобной ситуации едва ли еще кого-нибудь, кроме Солженицына, усиленно подчеркивавшего нелюбовь Бродского к людям, удивляют слова поэта, сказанные летом 1973, а в январе 1974 дополненные и исправленные. С.28: «... И я пришел к выводу, что люди мне опротивели – прошу прощения за это – и что я предпочитаю предметы...»

Неясные тени такого озлобленного неприятия людей обычно зарождаются в раннем детстве. А там уж куда кривая поведет. В случае Иосифа Бродского, естественно, это на взгляд со стороны, страдания неординарного мальчишки. «исчадия ада», начались с первых дней учебы в школе. Это и «переэкзаменовка» по английскому в четвертом классе, «второгодничество в седьмом», «уход из школы в восьмом», и отсутствие доверительных отношений с родителями... 1981. С.180. Б.К.И.: «Я плохо учился, и это очень раздражало отца, чего он никогда не скрывал. Родители столько ругали меня, что я получил настоящую закалку против такого рода воздействий. Все неприятности, которые причинило мне государство, не шли с этим ни в какие сравнения».

Поэтому трудно было ожидать от Бродского сочувственной, безоговорочной, безоглядной, нерассуждающей любви к своему сыну Андрею, на что почти открыто намекает Людмила Штерн в своей книге о поэте. Легких, неоскорбительных лет жизни в России у Бродского, пожалуй, и не было. Но, вероятно, самым тяжелым, перегруженно-взвинченным, был все-таки 1968 год, ибо многое, что говорится поэтом об этом временном отрезке, говорится с необычным раздражением.

Это же подметил и Кейс Верхейл в Т.В.М., С.36: «Январь 1968. Иосиф приехал из Ленинграда... хотел находиться рядом со мной (в Москве)... общение с ним... оказалось делом обременительным... Хотя он жил у своих друзей, вид у него был настолько затравленный... Но вместо того, чтобы пожаловаться вслух, я молча проклинал его присутствие и его расположение духа, более черное, чем когда-либо у него видел... В своем настроении «теперь мне уже все равно» Иосиф настоял на том, чтобы побывать у меня в университетском общежитии. Это была чистой воды бравада... Все говорили, что в комнатах для иностранцев установлены скрытые микрофоны».

Иногда жуткая затравленность поэтической души в таких же по величине пропорциях (или значительно больше), вознаграждается небесами, но со знаком плюс. Именно в 1968 году Бродский написал божественно-прекрасный «Подсвечник», глубокое, умное, философично-лукавое стихотворение.

Не зная биографии поэта, ни за что не подумаешь, что автор этой жемчужины метался в поисках тепла, любви и покоя, как смертельно раненый зверь. А

может быть, все с точностью до наоборот, последнее, может быть, и написано тогда, когда душевные муки от гадкости быта... вопиют к небесам.

Одна из причин «затравленности» поэта – стукачество в России тех лет. Сегодня это почти узаконенная форма общения власти с законопослушными гражданами во многих цивилизованных странах. Но в России уважающий себя человек не смотрелся в роли стукача ни с какой колокольни. Журналисты неоднократно спрашивали Бродского о возможностях напечатать стихи в России, но только Евгению Рейну он в 1988 году открыл свою душевную боль. Б.К.И., С.422: «... Потом мне «Гран Мэзон» (так в Ленинграде называли КГБ) предлагал: если я буду «стучать», они меня издадут на финской бумаге».

В беседе с чужими по духу (1982, С.86) Бродский ерничает, вспоминая любовь своей юности: «На любовный треугольник наложился квадрат тюремной камеры, да?». Совсем иное дело в беседе с Евгением Рейном, с доброй душой о котором прожил всю свою жизнь. Беседа с ним, можно было и расслабиться, зная, что тот постарается понять всенепременно. И уж ни за что не осудит «два лучших момента» в жизни гения. Сентябрь. 1988, С.418: «... я всю жизнь обожал район Новой Голландии... В немалой степени роману с Мариной способствовали декорации, не соответствующие общепринятой «табели о рангах». Новая Голландия существует вроде бы как на отшибе, она как бы никому не известна...»

Слово «обожал» Бродский неоднократно соотнес с именем Уистана Хью Одена и, выходит, с именем Марианны, только опосредованно, через «Новую Голландию» и... кошек. Это прекрасно и очень понятно читается, если вспомнить голландские корни художницы Басмановой. Б.К.И., С.422: «... Ты помнишь, на те времена пришлось «бенц» с Мариной, и о Марине я больше думал, чем о том, где нахожусь, что со мною происходит. Два лучших момента моей жизни, той жизни, это когда один раз она появилась в том отделении милиции, где я сидел неделю или дней десять. Там был такой внутренний дворик, и вдруг я услышал мяуканье – она во дворик проникла и стала мяукать за решеткой. А во второй раз, когда я сидел в сумасшедшем доме и меня вели колотить чем-то через двор в малахее с завязанными рукавами, – я увидел только что она стоит во дворе... И это для меня было важнее и интересней, чем все остальное. И это меня до известной степени и спасло, что у меня был вот этот «бенц», а не что-то другое».

* * *

Задетую жизнью душу Бродского, вероятно, было легко настроить на добрый лад, напомнив о Польше. Б.К.И., С.325:

– ... Вы дебютировали в Польше, где переводы ваших стихов были опубликованы раньше, чем в Советском Союзе.

– Это правда. Первым языком, на который были переведены мои стихи, был польский. Это страна к которой – хотя, может быть, глупо так говорить – я испытываю чувства, может быть, даже более сильные, чем к России. Это может быть связано... не знаю, очевидно что-то подсознательное, ведь, в конце концов, мои предки, они все оттуда – это ведь Броды – отсюда фамилия...

Гении на пустом месте не проявляются. Сообщив всему белому свету о своих учебных злоключениях, Бродский с поразительной радостью и гордостью подростка выдает Евгению Рейну новость, несомненно, заинтересовав его весь читающий мир:

– Да, я учился в Петер-шуле, рядом со «Спартаком»... А Петер-шуле чем замечательна: в ней учился – угадай кто? – Альфред Нобель!

Теперь эта достославная Петер-шуле будет дважды замечательна. Банально, но это так: переключка гениев по воле случая началась еще со школьной парты, и она теперь помечена Вечностью.

И сам Бродский тоже постарался, чтобы расплатиться за все эти небывалые щедроты разом, став гением, уйдя в Вечность рука об руку с любившими, понимавшими его. Может быть, со стороны глядя, не совсем вписалась в этот одаренный ряд только Марианна Басманова, но ее высказывания о Бродском вообще нигде не засветились. И можно ли остаться неблагодарной к гению, если даже одно из лучших эссе Бродского «Путешествие в Стамбул» невольно напоминает о Марианне Басмановой, если вспомнить ее задорно-шутливое мяуканье во дворике милиции в одну из труднейших минут в жизни поэта. Эссе. С.378: «Начать с того, что я обожаю кошек...»

Б.К.И., С.103:

– Когда-то я охотнее всего общался с художниками и музыкантами.

Художница ли Марианна проявила (привила) поэту любовь к живописи, живопись ли в душе Марианны поглотила художественную душу поэта. Как знать. Но все, кто прочел «Российскую газету» за 24 мая 2008, узнали, что Марианна Павловна Басманова обрекла себя на затворничество: не дает интервью, не разрешает себя фотографировать, не общается с соседями (ул. Глинки, 15)... Поэтому никто и не знает: это естественное состояние души стареющей художницы или ей не хочется слушать у себя за спиной постоянный шепот, а то и беспардонное заглядывание в лицо, сопровождаемое примерными словами: «А ведь это та женщина, из-за которой вскрывал себе вены Иосиф Бродский...»

В газете помещена единственная известная репортерскому миру давняя фотография Басмановой. Снимок не отрицает точной правильности черт лица, но... Вместо точек можно дать абсолютно различные прочтения этого фото.

Лицо бесконечно приятной мне художницы кричит о помощи, но кто был способен услышать в давние годы этот крик, если Марианну сравнили с «раз-

бавленным молоком», принимая юную девушку не за сформировавшееся целое, а только за часть части...

В лице юной Марианны явственно читается вековая печаль одиночества, свойственная неординарным натурам...

Можно отметить и какую-то вековую тяжесть, изначальную безысходность с неимоверной обреченностью, подчиненностью обстоятельствам. Все это особенно подчеркивается окружающим фоном, вероятно, выбранным самой Марианной. – тронутый временем полуovalный проем (проход, окно) старинного сооружения. Оно как-то необычайно родственно загадочной внешности Марианны.

Каждый прочтет облик Марианны по-своему, но едва ли кто увидит на этом давнем фото ту девушку, о которой говорили во времена их «бенца» с Иосифом Бродским: «зеленоглазая, с высоким лбом, с темно-каштановыми волосами, очень бледная, с голубоватыми прожилками на виске... – Марианна была поразительно красива».

В случае с Марианной Басмановой все сказанное так и останется загадкой, все больше вызывающей интерес окружающих, ибо за спиной этой загадочности по-прежнему колеблется от неутоленной любви гениальная тень. Но ничего реального, если Марианна не оставит книги или дневника, так никогда и не будет о ней сказано. Если в ее привычках с юности, еще с первых лет знакомства с Иосифом Бродским, было каким-то странным для нас правилом: при встрече сказать «здравствуйте», уходя – «до свидания». И все.

Художница Марианна только однажды капелюшечку приоткрыла обществу завесу своей неординарной души, когда, глянув на пылавшие шторы, вспыхнувшие не без ее участия, сказала: «Как это красиво!».

Маловато для описания духовной сути юной художницы? Да нет, очень много, если вспомнить, что ее родовые корни в Голландии, стране, предельно открытой сегодня, но не ставшей менее загадочной.

Смотрю фолиант «Шедевры Фландрии и Голландии», 1981. Юрий Кузнецов – «Часть характерности голландского портрета – «... изображенный на портрете человек имел характер: в чертах сквозила решимость... в фигуре сила».

А на взгляд дилетанта, описание специалистом портретной живописи древних мастеров больше всего подходит не портретам фолианта, а фотографии Марианны Басмановой. В целом от живописи древних голландских мастеров веет загадкой, прохладой, чтобы не сказать холодком.

Сам Марианна Басманова как-то удивительно – непонятно и одновременно отчетливо – вписывается в канву живописи Карла Виллинга «Пейзаж с опрокинутой статуей» (1942 г.), «Ламы на террасе» (1954 г.), «Ненужные свидетели» (1965 г.), «Марабу» (1962 г.). С последним полотном, (птицы на фоне трех замков), как бы переключается фото Марианны. Легко представить у одного из

этих древних замков художницу Марианну, она будто бы сама является частью глубинной сути запечатленного.

На переднем плане всех названных полотен Карла Виллинга (книга Кейса Вержейла «Танец вокруг мира») – на фоне отлично выписанного задника – обязательно присутствует какая-то неуместная «несуразность»: птицы, полуразрушенные статуи – то ли это символ прекрасной Голландии, вынужденной вести ежедневную битву за свое счастливое завтра, поскольку часть территории страны располагается ниже уровня мирового океана, то ли это блуждающие «призраки всей нашей земной цивилизации».

Марианну с фотографии хочется пожалеть и приласкать. Если вспомнить, что она изредка все-таки говорила почти неслышным голосом, то сколь сильным и мужественным смотрелся рядом с ней молодой и красивый, естественно, самоуверенный Иосиф Бродский, когда он, наклоняясь к любимой, гордо и покровительственно-защитительно вопрошал: «И что мы тут шелестим?!»

Молодой поэт выразился предельно глубоко и точно. Полубесслышно, на себе многожды позднее испытал, шелестит беззащитная подсохшая трава, но кто знает настоящую силу корней этой травы...

Марианна Павловна живет в громадном городе затворницей и смотрит на окружающий мир со стороны, не впуская представителей человеческого муравейника в собственную душу. Но это же чисто по-бродски.

Б.К.И., С.303: «А мне всегда нравилось быть в стороне, и это, на мой взгляд, самое подходящее местоположение для того, кто занимается поэзией. Быть незаметным. Быть на окраине...»

А уж когда в зеленоватых глазах «шелестящей» Марианны, в ответ на его снисходительную голубиную нежность, «мелькало какое-то шальное выражение» – тут бы и менее впечатлительный человек потерял голову, ошущая рядышком... Вечность.

* * *

Канула в Вечность вместе с Бродским и память о его любимых городах. Ни об одном городе в мире поэт не сказал таких высоких слов, наполненных таким глубоким и глубинным смыслом, начиная еще со «Стансов городу». Б.К.И., С.200: «... Ленинград формирует твою жизнь, твоё сознание в той степени, в какой визуальные аспекты жизни могут иметь на нас влияние. А этот город умеет это делать как никто другой. Он содержит в себе всю историю цивилизации. Это огромный культурный конгломерат... Удивительное чувство пропорций, классические фасады дышат покоем...» С.579: «Петербург – это школа композиции».

И даже в самом «нервном» интервью с Фрицем Радацем Бродский остался верен себе и Ленинграду:

– ... Может, разумом вы здесь, в Нью-Йорке, а сердце ваше в Ленинграде? Сердцем вы в России?

– Да, именно так.

Тема особой значимости Ленинграда в судьбе поэта-изгнанника продолжена и в беседе с Евгением Рейном. Данное рассуждение-вопрос ни разу не встречалось в таком глубоком значении слова «влияние» ни в одном другом интервью. Здесь Евгений Рейн выступил по-прежнему в роли друга... наставника одновременно.

Б.К.И., С.420:

– Ну, и ты считаешь, что, скажем, с отъездом из Ленинграда такое вот влияние гения места на слово – оно прекратилось?

– ... Разумеется, все это в сильнейшей степени определено конечно же гением места, вот того гения места... Но есть два или три места на свете, где я чувствую себя абсолютно как дома. Например, в сильной степени я чувствую себя таким образом в Италии.

В другом интервью опять «о местах». Уровень не параллелен по высоте Евгению Рейну, но как бы продолжает начатый им разговор.

С.428:

– ... В вашей жизни и в ваших текстах особую роль играют некоторые места, места памятные и даже магические. Но могли бы вы назвать наиболее важные из них?

– Что ж, места... Наиболее бесспорные места, конечно, это мой родной город и несколько деревень на Севере России.

* * *

Редко кто из собеседников поэта не упоминал о его необычайной любви к кошкам. На обложке книги Кейса Верхейла «Танец вокруг мира» поэт с кошкой на руках. Вероятно, и по этой причине лицо Бродского выглядит весьма непривычно, в нем светится какая-то домашняя мудрость. И строчки Кейса Верхейла о примерном. Т.В.М. С.200: «В некоторых его стихах речь идет о кошках, описанных с глубоким внутренним пониманием. Одно из его поздних эссе называется «Кошачье «мяу»: «Кошка – согласно Брему, животное игривое и любопытное, но в то же время спокойно-расчетливое, «одиночка по своей натуре»...

... Предельная искренность о периоде «затравленности» меняется с точностью до наоборот спустя каких-то пятнадцать лет.

1987. С.283: «... как раз тогда в Америке выпустили сборник моих стихов. не получив на это разрешения у меня».

1972. С.12: «Я очень хорошо помню свои ощущения от моей первой книги, вышедшей по-русски в Нью-Йорке. У меня было ощущение какой-то смехотворности происшедшего. До меня никак не доходило, что же произошло и что это за книга».

Если здесь нет вынужденного лукавства Бродского, чтобы не навредить своему благодетелю, а это был человек бесстрашный и благородный в любом случае, тогда все слова поэта в данном направлении смотрятся мелковато. Он не мог не знать, что его стихи плывут за океан. Их не могли взять из периодики, если даже в день получения Нобелевки было размещено в русских изданиях не более десяти стихов. А на Западе стихи Бродского «впервые были прочитаны специалистами по русской литературе, студентами, затем были переведены на другие языки (Б.К.И., С.11)»...

Судя по приглашениям, полученным Бродским еще до отъезда из России, первыми основательно познакомилась, минуя русского читателя, с творчеством молодого поэта в Польше, Чехословакии, Италии, Израиле... Возможно, что явная для Бродского «почтовая линия» успешно действовала до его приезда в Америку. Вероятно, здесь же кроется и сердечная встреча вчерашнего эмигранта и невольника российских тюрем и «психушек» с Уистаном Хью Оденем, и его небывалые по размахам хлопоты «с корабля на бал» – приглашение поэта на международный фестиваль поэзии в Лондоне 1972 года. Отсюда и скорый по времени выход первого поэтического сборника Бродского в Англии (Б.К.И., С.290, 1972), «что нарушало советское законодательство». Уистан Оден – по тем временам великая честь – написал вступление, назвав молодого эмигранта «Первоклассным поэтом». И выход данного сборника избранных стихотворений в Америке в 1973 году... Право слово, шекотно после этой литературной Ниагары читать великокняжескую мову Иосифа Александровича «... не получив на это разрешения у меня». Отринув возможное, вынужденное лукавство Бродского, едва ли кого удивит издание по-русски первой книжечки Бродского в 1970 году. Если в стихе примерно этих лет «Натюрморт» есть такие строчки, о которых сам поэт сказал. Б.К.И., С.29:

– Мне нравится одно место, вот это:

...Пыль – это плоть времени: плоть и кровь.

Здесь почти прямая поэтическая перекличка со стихами американца Элиота Томаса Стернза. Б.К.И., С.52: «Ты увидишь ужас в пригоршне праха». Перекличка двух поэтов продолжается и на уровне быта. В стихе «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» Элиот то и дело повторяет типичные для Бродского слова увядания «лысый», «лысеет», «старит», «слабеет...»

Эта тема усталости духа и тела живет в творчестве Бродского с младых ногтей. 11 декабря 1960 года в книге «Письмо римскому другу» есть строки об усталости, преждевременной старости – «Теперь все чаще чувствую усталость./ все реже говорю о ней теперь./ о промыслов души моей кустарность./ веселая и теплая артель».

Хотелось бы верить, что у Бродского было «промыслов души», но «промыслов души», что совсем и необязательно, более приближено в плане быта к слову «артель». Бродский в этом стихе старается во что бы то ни стало соединить обе стороны бытия: и смерть, и жизнь: «... рисуй о смерти, улица моя./ а ты, о птица, вскрикивай о жизни». Этот стих больше заявка на поэзию, чем она сама чаровница.

Тема старости повторяется практически с первых интервью на Западе, поэт постоянно произносит варианты слова «старый» – стал «старше», «постарел»... В этом плане имеет необычайный интерес фраза Бродского на С.484: «... старость – это и есть вторая жизнь». Спорно или нет – это другой вопрос, но то, что есть повод для раздумий – это бесспорно. Бесспорно и то, что большая часть человечества, вероятно, не научилась пользоваться благами своей «второй жизни». И первые в этом громадном списке неприспособленных, никчемных и обреченных, конечно же, дорогие россияне...

Первая книжечка Бродского за рубежом, наметившая поэту четкие пунктиры широкой литературной дороги, тем уж более не заслуживает пренебрежительного отношения к ней Кейса Верхейла еще до знакомства с поэтом. Т.В.М., С.11: «Эмигрантское издание его стихов я привез с собой в Россию, едва пролистав его, не более того. У книги была непривлекательная обложка, а стихи на первый взгляд меня не затронули».

Какое счастье, что Верхейл не был Оденем. Возможно, лукавил. Вынужденное лукавство Бродского прослеживается, вероятно, всю жизнь в России и даже вне ее. 1982, О Норенской, С.86. Б.К.И.: «... а главное – я не имел права покидать место ссылки».

Не имел, но покидал же. О поездке на Запад. Б.К.И., С.88:

– Могли ли вы предполагать, что в один прекрасный день окажетесь на Западе?

– Разумеется, нет. Ни одному советскому человеку такая мысль и в голову не может прийти.

Кейс Верхейл. Т.В.М., С.37: «... и принимался излагать очередной фантастический план отъезда на Запад» (1968 г.).

Для Бродского, помня святое покровительство королевы Анны, план отъезда на Запад не был фантастикой, скорее всего он был в деталях обговорен еще в 1965 году, после возвращения королевы из Оксфорда. Лукавство или небре-

жение тому причиной, но очень часто мнение Бродского о чем-либо в подаче Кейса Верхейла было полной противоположностью сказанного самим поэтом. Т.В.М., С.24: «Ты не думаешь, что Оден стал религиозен из-за своей ненормальной любви? Ведь человек в таком случае должен постоянно осознавать безвыходность своей жизни острее, чем другие».

Б.К.И., С.90, 1982: «Но кое-чего я все-таки не знал: например, что Оден гомосексуалист. Лично я не придаю этому особого значения. Но я приехал из России – страны весьма викторианской, и, конечно, это обстоятельство могло повлиять на мое отношение к Одну. Однако не повлияло. Я провел с ним эти две недели в Лондоне и потом улетел в Штаты».

Возможно, в этих противоречиях какая-то «собака зарыта», потому что Кейс Верхейл на нескольких страницах живописует непередаваемую скромность и высочайшую нравственность почти тридцатилетнего Бродского, которого Верхейл старался как можно безболезненнее приучить к личной (Верхейла) нетрадиционной ориентации. Даже со временем привез в Россию свою усатую «подругу», и тоже Кейса.

Кейс Верхейл пытался «познакомить» Бродского с тем, с чем, вполне естественно, был еще в подростках отлично знаком просвещенный ленинградский юноша. Но Верхейл настойчиво употребляет такие шалящие невинную душу выражения – «большая тема», «остался хмур и нетерпеливо сменил тему разговора», «молчаливый конфликт»...

В лукавстве Бродского по теме нетрадиционной ориентации прежде всего убеждает фраза Анатолия Неймана, бывшего свидетелем разговора, где Верхейл сообщил, что собирается жить вместе со своим Кейсом, когда вернется из России. На что Иосиф ответил резко: «С парнем? Ни в коем случае!» Нейман: «Не валяйте дурака. Хотя – пусть съезжаются».

И невозможно без улыбки читать о девической стеснительности Бродского, если вспомнить эпизод из книги Людмилы Штерн, где Бродский, вернувшись из очередной экспедиции в Ленинград, поведал молодой даме о том, как удовлетворяют свои сексуальные потребности чабаны в горах. Поведал еще чуть ли не за десять лет до встречи с Верхейлом.

* * *

Пустопорожние словесные переливы вокруг имени Бродского утомительны. Проще и полезнее открыть «Большую книгу интервью» там, где она открывается, и, блаженствуя, утонуть в небывало прозрачной глубине сказанного, или с оттенком неизведанности космических сфер, неподвластных среднему статистическому уму-разуму человека. Бродский уже тридцать лет тому назад

назвал сумерки сегодняшнего дня и все, что дальше последует. «постхристианской эрой» (С.27).

С.366: «Человек на протяжении своего существования, я думаю, превращается во все более автономное тело, и возвращаться из этого психологического космоса во внятную эмоциональную реальность – уже бессмысленно».

С.112: «... в конечном счете ты сам по себе, единственный тет-а-тет, который есть у литературы». «Писатель, как ни странно, пишет не для публики».

С.259: «Писать становится все труднее, потому что все время говоришь себе: я не хочу быть попугаем».

С.62: «... чтение Кавафиса... может во многом смирить современного человека».

Едва ли многие провинциалы из глубинки в свои молодые годы прочли Кавафиса. Сейчас, когда память переполнена подчас соцреалистической белибердой, читать Кавафиса, может быть, и бесполезно. Все умные мысли великих так или иначе витали в подсознании обычных смертных, и сегодня могут стать только лишней каплей горечи. Память делает исключения только для гениальных натур.

Пыталась найти в обозримом для меня пространстве гения, сопоставимого по масштабам мыслей с Бродским. Память притормозила только рядом с двумя гениальными итальянцами. Леонардо да Винчи (1452-1519 гг.). Листнув по диагонали читаную в юности книгу Алексея Алексеев. Гастева «Леонардо да Винчи», устыдилась неумения мгновенно сопоставить великих. Оба гения парят в мировом космическом пространстве сугубо независимыми континентами. Цитата из книги Гастева: «Великие труды вознаграждаются голодом и жаждой, тяготами и ударами, и уколами, и ругательствами, и великими подлостями».

Хочется верить, что «вознаградятся голодом и жаждой» к новым и бесконечно великим трудам, а иначе жизнь давно бы превратилась в пустое НИЧТО.

Даже моя душевная смута в поисках равновеликого Бродскому человека была вознаграждена сторицей. Произошло новое прочтение «Портрета женщины» Леонардо да Винчи. Такой небесной чистоты, красоты, воздушности с одухотворенностью, свежести и распахнутости женской души навстречу – бр-р-р – окружающему миру, ни за что не припомню. Все мадонны рядом с этим портретом значат не больше, чем рисованные холодной кистью... куклы. «Портрет женщины» одновременно говорит о смирении, призывает к смирению, подчеркивая небывающую красоту и вечность окружающего мира.

И дальше речь опять о смирении, обещанном при чтении Кавафиса. Но смирение возможно – гении исключение из правил – только при спокойном и глубоком познании мира, если человек сподобился мудрости хотя бы «во второй жизни». На картине Джотто, с которым более серьезно познакомилась опять же

«по наводке» Бродского. «Смерть святого Грааля». дано извечное расхождение по вертикали всех прощавшихся со святым: кто-то целовал ноги святого, кто-то приник к его божественной руке, а кто-то склонился над лицом. Можно ли сбересть в неприкосновенности от гадкостей быта душу, рвущуюся к небесам, если с младых лет осознать свое извечное место «у тела святого Грааля?» Сомневаюсь, что в этом сможет помочь чтение всех великих Кавафисов вместе взятых, если нет в душе чего-то иного, чего-то более надежного до осязаемости, данного человеку при рождении.

В чистом виде смирение вряд ли когда-нибудь встречалось на земле. Смотрю сейчас только с колокольни человека, который живет среди босяков. Одним из эквивалентов смирения служит его насыщенность жалостью и страхом одновременно. Жалость к падшим земным ангелам вполне естественна, но в ней уже заложен элемент неосознанного страха – рядом с босяками всегда много свободного места. Редко кто из них босяк по рождению, но «поползновения» (слова Бродского) для детей и внуков предельно «зловещи». Рядом с босяками вполне реальна утрата духовной или физической свободы любого имярека.

От века высокий дух и полнейшая ничтожесть уживались в одном человеке. Особо яркий пример подобного плана всегда являли великие люди искусства, как правило, имеющие ярко выраженное второе, неприглядное дно, которое сегодня опять же предельно обнажено. И... кондовые чиновники идут тем же проспектом.

В шести квартирах (из восьми) нашего домика живут люди, мимо которых, невольно, каждый раз напрягаясь от боязни утраты чувства чисто внешнего достоинства, жители двух квартир стараются проشمкнуть мимо. Меньшинство обязывает. Наше большинство дурно пахнет, в постоянном подпитии, в словесном кураже, в надежде занять у, практически столь же нищего, меньшинства до завтра, до вечера, на два часа...

И вся эта карусель кружится при постоянных драках, скандалах, пьянках, вызовах милиции одной буйной квартиры на усмирение другой, не менее буйной. За три года жизни в подобной клоаке мое смирение (о жалости и страхе босяки без наводки не догадаются) по отношению «к братьям нашим меньшим», настолько озадачило «братьев», что моя подружка-дошкольница из соседнего (примерной обстановки) дома, зная, любимая тема в разговоре родителей, спросила: «Вы почему никогда не вызываете милицию? Бонтесь, что и вас посадят?»

Чуть больше (меньше) полувека тому назад в деревнях Севера еще можно было изредка встретить женщину (мужчин не доводилось), о которой соседи говорили: «Сама нищая, но тела оторвет, а милостыню подаст!» Кошунственно анализировать поступок, который уже сегодня для большинства не реален, а еще через полсотни лет его не объяснить никакими словами. И все-таки, едва

ли даже в душе той редкой из женщин, жило смирение в чистом виде. Это тоже только естественная жалость и неосознанный страх оказаться на месте просящего. Или, не дай Бог, ограбленного босяками.

Сколько бы при мне ни подавали милостыню на улицах Коноши, ни разу не довелось увидеть смирения, человеколюбия, божественного терпения, ставших сутью дающего. Одно нетерпение, раздражение, и, отчасти, брезгливость. В такой милостыне проку нет для обеих сторон. Просящих стало многовато для не менее нищего большинства. Иногда проситель (просительница) чисто одет и смотритса побогаче меня, и я гордо ставлю себя на одну ступеньку с этим «нищим»: «Я такая же нищая, как вы, но отчего-то уж больно много желающих поделить на части мою нищету». В моем ответе нет смирения. Мы обе профессионалы высочайшего класса, но стоим по разные стороны прелестнейшей духовно-нравственной баррикады, которая зовется жизнью.

Дописываю главку, а за стеной, что есть мочи, «колотится» о свою проклятую жизнь, постаревший в тюрьмах ребенок лет тридцати. И на своем «тюремном» наречии выдает такие скабрёзы «хоть святых выноси» из дому от стыда и позора. Но в большинстве наших жизненных пакостенок вполне может таиться какая-нибудь своя благодать. Иногда, в ожидании загулявшего соседа, т.е. его последнего перед сном хлопанья дверьми и дикого ора, я сижу за столом чуть ли не до рассвета. И работается мне удивительно легко и споро в абсолютной тишине дома и ближних окрестностей. Эта почти благодарственная молитва в адрес абсолютно растоптанного жизнью человека напомнила мне одну из пословиц Бродского – «В каждом из нас Бог». Сколь же неуютно и жутко приходится порой нашему Богу.

31 августа 2005 – 5 августа 2006.

* * *

Талант алкает одиночества и обожания, лучший друг одиночества, избирателен, не переносит разжевывания общезвестного. Его раздражает длительное – доли секунды – неумение собеседника не просто понять, принять и продолжить сказанное, но и выдать свои мысли, выводы, размышления, контраргументы... Такое дано настолько редко даже избранныкам Бога – способным, одаренным, талантливым, что со временем, если таланту повезло, и один или два подобных человека есть в его окружении, то все остальные вылятся ему однородной, лишенной цвета массой. Такое, вероятно, происходит с талантливыми людьми во всех областях человеческой деятельности.

Осознание подобного в юности – пусть бы имеющее веские основания – чаще всего приводит к гибельности – нравственной или физической. В зрелости – один

из вариантов положительности припоздавшего дара, способностей, таланта – может стать золотым периодом в жизни человека. Это и спокойное отношение к окружающим, их адекватное отношение: уважение, тихий свет души, когда все и про всех понятно, легко быть одинаково приветливым со всеми, слегка выделяя самых любимых, тех, при встрече с которыми душа испытывает умиротворенность, как при слушании любимой музыки, любовании цветком, закатом, падением снега... И в первом – осознание таланта в молодости, и во втором случае – в зрелости, спасением души неутомной, особенно страдающей от гадкости быта, может стать общение с юностью. Вспомним любовь к беседам с детьми Чуковского – Корнейчуков Николай Вас. (1882-1969 гг.).

Но талант все-таки параллелен земле-матушке. Может вскрикнуть и при виде крови, и при виде косяка перелетных птиц. Замереть от непонятого, никем не разгаданного счастья: видения закатного солнца... Отметить божественную красоту падающей снежинки, обреченной стать обычной каплей воды. Уловить искренний смех взрослого. Как много дарит природа талантливому человеку. Иногда забирая обратно хоть на капелюшечку, да больше. Эта капелюшечка может стать океаном, и человек в ней захлебывается. Но можно утонуть и в примитивной луже. Эти весы не знают равновесия. И все-таки таланту жить среди людей куда как проще гению.

Гений живет перпендикулярно всему белому свету, всегда отдельный столбик, столбец, стержень, мачта, ствол... Который чаще всего ощущает земную суетность не более, чем писк запыленного комара. Который этим малым шумом провоцирует свой смертный приговор (эдакий летающий японский характерик). Великого из смертных тем уж более не заботит людская молва. Он идет своей дорогой, ни на йоту не удаляясь от невидимой линии избранного пути. Может быть, секундная заминка сознания отразится в строчке его прозаических размышлений, поэтической строке. У Бродского – «Меня упрекали во всем, кроме погоды». Ничего себе строчечка. По ней можно измыслить психологический трактат о суетности, никчемности рода человеческого, всенепреренно желающего, чтобы весь божий мир катался на его чертовом пустопорожном колесе, с его мелочностью, скандальностью

Не судите гения. Щадите гения. Он выживает в напряжении, которое неизмеримо выше напряжения любой высоковольтки, если в подлунном мире для него имеется хоть какая-то отдушина. Малый круг людей – не друзей, нет, природа дружбы во многом измыслена людьми праздными, думать не умеющими. Людей, которые особыми достоинствами, возможно, и не обладают – ум, знания, развитие, способности. Гению в близких ему людях особые достоинства и не требуются. Ему необходимо понимание – мгновенное, буквальное, безоговорочное – даже там, где он, по меркам обычного смертного, абсолютно

не прав. Понимание автоматическое, иначе безбрежно чувствующая душа гения машинально отвергнет это раздумчивое осмысление с пониманием. Цепь приязни разомкнется. Будет ли в дальнейшем она пронизана током дружбы, приятельства – никто не ответит.

На такую вселенскую самоотверженность взрослые способны, как редчайшее исключение. Раньше в глубинных российских деревнях встречались такие люди, непосредственные до святости восприятия, понимания и принятия образа мысли собеседника даже в том случае, если сказанное и близко к душе слушателя не лежало. Дети умеют понять и принять душой любые измышления человека, серьезно говорящего с ребенком, – заметно чаще, чем взрослые. А наблюдать игру мысли на личике думающего малыша – блаженство неизъяснимое. Но разве не безоговорочного понимания хочет от собеседника любой из смертных. Значит, мы все капешечку гениальны. Любите себя и окружающих, если это вам по силам.

Иосиф Бродский, вероятно, не имел душевной подпитки от мира детства. Подпитку духовную от юности – имел неоспоримую.

«Большая книга интервью». С. 360:

– Этим вы занимаетесь из-за финансовых проблем?

– Финансовые проблемы отпали, мне нравится преподавать, читать лекции.

Поэту 48 лет. Отмечен высшими литературными наградами: от лауреата премии фонда имени Макартуров для гениев до Нобелевского лауреата.

Талант еще может одарить приятного собеседника ответным теплом, любовью, уважением. Гений сделать это не в состоянии. Он весь растворен в космическом пространстве. «Выбирать» оттуда частицы тепла, любви и света каждый раз и для каждого отдельного человека удачно и мгновенно невозможно. Невозможно и отвлечься от мыслей, которые в данную секунду будоражат мозг (душу) гения. Это его рок. Плата за гениальность. Подобную оторванность от земли, витание «в облаках своей мечты» многократно испытывал каждый смертный, увлеченный чем-либо до уровня бессознательности. Разница в том, что гений витает «в облаках своей мечты» практически круглые сутки. Как это ни странно, слишком уж их полюса удалены, но в этом неумении – принятая духовная плата приятному человеку – гений переключается с последним отщепенцем рода человеческого, который не умеет, поскольку не приучен платить добром за добро.

Талант может позволить себе любую роскошь земных чувств – любви, ненависти, обожания, противостояния. Гений всегда вещь в себе. Его внутренняя одержимость, отгиснутая на его лице, в чем-то переключается с одержимостью несчастного сумасшедшего. Последний имеет редчайшие просветы разума, избавляющие его от одержимости большого духа. Гений практически не знает убагодворенности

просветления, отдыха телесной и духовной сути, созданной природой по каким-то непонятным человечеству законам. Строчки Марины Ивановны Цветаевой (1982-1941 гг.): «С ума схожу, иль восхожу к великой степени безумства». Слова Людмилы Штерн из ее книги. С.204: «Я подумала тогда о разности масштабов чувств и мыслей, посетивших нас в один и тот же день, и почувствовала неловкость и раскаяние. Что стоили мои мельчайшие сиюминутные обиды и претензии к нему по сравнению с его размышлениями о жизни, в которой он «только с горем чувствует солидарность». В продолжение мысли «с горем солидарность» приведу вопрос журналиста и ответ Бродского, Б.К.И., С.336:

– Как вы чувствуете себя после получения Нобелевской премии?

– ...Чувствую себя просто исчадием ада. – как всегда, как всю жизнь.

Это «исчадие ада» (гениальность) с младых лет, с юности уж точно, во многом определяло отношения поэта с окружающими. Беда в том, что самый острый ум не способен на глубокий и мгновенный анализ чего-либо и кем-либо сказанного, сделанного, если нет какого-то дополнительного посыла. Исключения редчайши. Потом проходит острота момента, остается непонятный и непонятый привкус сказанного, казус удивления, недоумения, чтобы не сказать, окрас отчуждения с неприятием. Сколь же часто и без надежды на милость была казнима душа поэта, если он знал (осознавал, чувствовал), что его стихи, как бесполезные промокашки, друзья - приятели, едва отвернувшись в сторону, швыряли куда подальше. «Машинписные тексты, которые он мне давал, испещренные витиеватыми приписками и посвящениями на полях, отправлялись непрочитанными на дно моего чемодана». Кейс Верхейл «Танец вокруг мира», 2002 г. С.19.

Отметим мужество или простодушие Верхейла. Его изыскательскую непритязательность. Полнейшее равнодушие к собственной литературной славе, к возможной встрече с гением на необъятных просторах Советского Союза. Его исследовательскую заторможенность. Именно в это время он все-таки собирал материал для книги о творчестве «поздней» Ахматовой, занимался литературными раскопками неизвестных ему пластов поэзии в поисках единственного жемчужного зерна. Отметим все это и ужаснемся одновременно, а что если в том чемодане так и исцлело (потерялось) что-то подобное божественному «Подсвечнику», и в единственном экземпляре.

* * *

Вероятно, не менее обильной была утрата стихов Бродского во время архангельской ссылки. Никого из первых руководителей коношской милиции тех лет и органов надзора за ссылными в живых нет. В памяти их жен живет фраза о том, что «Бродский частенько передавал листочки со стихами своим первым начальни-

кам». Все это происходило на ходу и на бегу. По возможности незаметно для посторонних. Говорить открыто об этом стали, пожалуй, только в годы перестройки, в конце восьмидесятых двадцатого века. Именно в то время узнали про «листочки со стихами» и в семьях первых руководителей милиции и органов надзора. Раньше интереса к поэту и его стихам и быть не могло. Если такая промашка случалась, то ее скрывали. Поскольку прочно укоренился в душах тех, кто был знаком или был вынужден общаться по работе с поэтом, обычный житейский страшинок: не пришлось бы отвечать на полную катушку за личные отношения с поднадзорным. Один из начальников милиции тех лет (на коношском веку поэта их было двое), узнав, что уезжающий Бродский подарил работнику надзора рубашку «на память за хорошее отношение», приказал особисту бежать на вокзал и вернуть подарок.

Охранники и поднадзорные были запутаны в равной мере. Вот как отзывался о своем поднадзорном страшинке Бродский через десять лет жизни в Америке.

Б.К.И. С.84:

– Долго ли еще вас преследовали эти опасения?

– Я от них до сих пор не избавился. По инерции продолжаю соблюдать известную осторожность. И в том, что пишу, и в том, что говорю, когда встречаюсь с соотечественниками-литераторами, политиками...

Бродский, вероятно, слегка (или сильно) лукавил, говоря о страхах жизни в Америке и спустя десять лет после отъезда из России. Поэт очень деликатно упомянул официальный правительственный пресс России. Но, переехав в Америку, поэт оказался еще под одним прессом, о котором, возможно, по молодости и не подозревал. Узаконенное стукачество в свободной стране Америке. Было отчего страшиться и напрягаться.

15 июля 2008. «Комсомольская правда». Рубрика «Вопрос дня». Тема «Когда действительно стоит доносить?» Опубликовано мнение: писателя, депутата Госдумы, адвоката, члена Общественной палаты, сотрудника ГИБДД, политика, продавца, администратора гостиницы...

Мнение Юлии Латыниной, писателя: «Американцы считают, что доносить надо на всех: в том числе и на товарища, списывающего у тебя контрольную в школе, или на соседа, недоплатившего налоги. А чеченцы, наоборот, будут до конца укрывать сородича, что бы он ни натворил. Трудно сказать, что из этого хуже. Но по мне, так стучать можно в крайних критических случаях».

Вспомним Александра Галича (1918-1977 гг.), выслан в 1974 г. Последний раз и смертельно «пнут сапожищем» через три года жизни в странах относи-

тельно свободного зарубежья. Возможно, Александр Галич не стеснялся лиш-
ний раз пройтись по идеологии России, или его воздействие на разум иностран-
цев сочли более опасным. И кто счет? Свои, ставшие чужими, или чужие, не
ставшие своими?

* * *

Вероятно, временами мучил душу Бродского и другой страх, который мож-
но назвать предположительным. Отлично сознавая уровень своей литератур-
ной высоты, ее удаленности от массового читателя, мыслительной глубины
и сложности, непонятности в массах, даже для литераторов-профессионалов,
своей поэтической строки, а более того – эссеистики, поэт и эссеист пожалуй
что терзал себя мыслями: не поймут, не оценят. И эти страхи предположитель-
ности, если они имели место быть, оказались далеко небезосновательными.

Поколения россиян, пронизанные духом необычайной легкости пушкин-
ской строки настолько, что эта строка, в частности, про «для честных правил»
укутывала, обволакивала, утопляла не сопротивлявшееся ей наше литератур-
ное сознание, независимо от нашей воли или желания, навсегда и мгновенно
врезалась в нашу память, в наше вытнутое необычайной легкостью вос-
приятие, даже и не пытавшееся найти для самых глубинных закоулков памяти
что-нибудь более серьезное, более насыщенное мыслью, допустим, глубочай-
шую поэзию Вяземского. Пробиваясь, кому это посылно и желательно, сквозь
мыслительные барьеры данного творца, естественно, испытываешь наслажде-
ние собственной значимости, сопричастности великому и величавому, которое
ни за что не испытать и при условии, если разом «заплотишь» все, написанное
Пушкиным.

Мы жили творчеством Пушкина, мы обаялись обаянием его прозрачной
легкости, невесомости его поэтического рисунка; жить творчеством, допустим,
Вяземского, мы пока не в состоянии. Но, прочитывая ежедневно (время от
времени) несколько строк из поэзии любого поэта сложнейшей поэтической и
мыслительной конфигурации, мы сумеем проявить, сохранить и упрочить свои
мыслительные способности при изучении (как может показаться) неподвласт-
ных нам литературных глубин. Тонуть в которых сродни наслаждению, полу-
чаемому от любви, живописи, музыки...

А ведь ряды любителей поэзии не столь уж и обширны, по сути каждый,
влюбленный в рифму человек на счету. И, естественно, не все, даже из них,
смогут осилить с лету каждую поэтическую строку Бродского, не говоря уж
про его эссеистику. Об эссе Бродского, в тональности глубокого анализа, прак-
тически ничего всерьез не сказано даже в «Большой книге интервью», вполне

доступной для всех, утонувших в раскрепощенной для восприятия масс пушкинской поэзии.

* * *

Надеюсь, на небесах душа Бродского обрела покой, освободилась от всех явных и предположительных литературных (бытовых) страхов. Надеюсь, ибо, что положено (в данной ситуации, дано Богом) Юпитеру, то не положено его быку. А кому из нас, далеких от мыслительных способностей гениев, приятно всю жизнь находиться, прошу прощения, в стаде пустопорожне мычаших и жующих только то, что валяется под ногами. Небось каждому (многим, некоторым) мечталось бы воспарить мыслью за гением, к невидимым горизонтам.

Если мои рассуждения видятся вам далекими от реалий жизни, попробуйте прочесть эссе Бродского «Кошачье «мяу». Написано в 1995 году. К этому времени ему, как, впрочем, и многим известным литераторам, неоднократно довелось слышать в свой адрес: исписался, мол.

Читая, попробуйте идти мыслью хотя бы следом за автором. А иначе для чего мы и перечитываем горы литературы, как не для того, чтобы сопоставлять написанное (обдуманно или автоматически) с личными представлениями о данном предмете, явлении... Хотелось бы хоть от одного критика литературного творчества Бродского что-нибудь услышать об этих представлениях, навеянных чтением эссе «Кошачье «мяу». Или любого другого, расположенного на тех же глубинных литературных горизонтах.

Значит, «подназорно-дареная» рубашка «ухалата» из Коноши в Ленинград. Листочки со стихами «утонули» в карманах начальствующего состава. Со временем, становясь непонятными замусоленными бумажонками, незаметно выбрасывались. Возможно, часть стихов безмянно доглатывает в каких-то сверхсекретных архивах. Рядом с личными делами тех, кто все-таки был способен и в условиях жесточайшей подцензурности на благороднейшие поступки, которые могли им дорого обойтись, дойдя «до ушей» высшего начальствующего состава. И это не просто красивые слова. Это реалии из жизни Бродского в Коноше. И тайны свои люди в мундирах хранить умели. В Коноше об этих прекрасных и очень неправдоподобных трех свободных днях поэта, когда его отпускали «на побывку» в Ленинград, – никто не слышал. Зная об этом («по раскопкам» А.И.Солженицына (ж-л «Новый мир», №12, 1999), легче понять и некоторую восторженность в словах поэта о ссылке на Север.

Б.К.И., С.8: «Вы знаете, я думаю, что даже пошло мне на пользу, потому что те два года, – которые я провел в деревне, – самое лучшее, по-моему, время моей жизни».

С.87:

– Можно ли сказать, что ссылка привила Вам чувство единения с природой?

– ... В этом смысле опыт ссылки даром для меня не прошел. Мне открылись какие-то основы жизни.

С.183:

– Но Вы были в заключении два года?

– Почти два с половиной. Я провел их в совхозе. Там было чудесно.

– В Вашем заключении были и положительные стороны?

– Даже несколько. Особенно работа в совхозе, потому что это была нормальная человеческая деятельность... если у меня и появилось ошущение природы, то это произошло именно тогда. Идешь по полю и понимаешь, как много людей так же идут по полям... я смотрел на краски пейзажа. В этом было что-то роберт-фростовское...

Американский поэт Роберт Фрост (1874-1963 гг.) год проучился в Гарвардском университете, вернулся к жене и сыну в деревню, и занялся разведением кур. Почти в сорок лет выпустил первый сборник (всего было девять), почетный профессор многих знаменитых американских университетов. В 1962 году побывал в СССР.

Бродский. Б.К.И., С.23: «Мне нравятся двое, считающихся устаревшими. – Роберт Фрост и Эдвин Армингтон Робинсон». Стих Фроста – Энциклопедия для детей. Том 15. Часть вторая – смотрится вполне современным: отдельного сборника в райбнблиотеке нет: «Мою лошадку удивляет./ Что нас к жилью не приближает./ Наш путь: меж лесом и прудом/ Замерзшим мрак нас настигает./ Лес дивен: Мрак и глубина./ Но обещаниям верна/ Душа. И много миль до сна./ И много миль еще до сна».

Строчки из стихотворения «Зимним вечером у леса», переведенного на многие языки. (Перевод Т. Гутинной).

Необычайная нежность и тонкость, акварельная прозрачность и глубина, пейзажная пасторальность деревенской лирики Роберта Фроста завораживают. Прежде всего припоминается картина «Март» Исаака Ильича Левитана (1860-1900 гг.).

Нравственный облик американской деревни словами Роберта Фроста и русской деревни поэтов середины двадцатого века – идентичны, навевают тоску утраты и невозможность возврата к идиллической сельской пасторальности: кровати с бантиками, открытки с целующимися голубками, избышки, закрытые на ключку...

В одном из писем тех лет, когда жил в городе. Фрост вспоминал: «Я был счастлив как ребенок, оттого что мне было позволено находиться в обществе, где не надо было стыдиться того, что я пишу стихи. Вам станет понятнее мое состояние, если я скажу, что большую часть жизни я провел в деревнях, где лучше привязать себе жернов на шею, чем признаться, что ты поэт».

Бродский. Б.К.И., С.78: «В 22 года я впервые столкнулся с Фростом (*речь о стихах* – Н.Б.), накал энергии, сдержанной страстности».

С.142: «По-моему, в 1964 году я впервые прочел в переводе стихи Роберта Фроста. Это меня потрясло. Дело в том, что я не верил, что стихи могут быть такими. Фрост – это, как бы сказать, наиболее пугающий поэт. Речь идет у него в стихах не о трагедии, но о страхе».

Ни одной строчки стихов Фроста Бродский не назвал, поэтому приходится просто согласиться с мнением поэта, но временные акценты все-таки где-то сместились. Более всего вероятно первая встреча Бродского со стихами Фроста все-таки в 1962 году, когда Фрост побывал в Ленинграде, встречался с Ахматовой. Но надо постоянно учитывать и космическую распластанность душевного состояния поэта, о котором он сам говорит: «... Я страшно не собран». Б.К.И., С.64.

С.535: «Если бы я был Фростом, то есть если бы в моих стихах был Фростов заряд – а такого заряда не было ни у кого в Европе или в Америке...»

Роберт Фрост: «Сказать о себе, что ты поэт, так же нескромно, как если сказать о себе, что ты хороший человек». Б.К.И., С.423.

Иосиф Бродский «На смерть Роберта Фроста» 30 января, 1963. Комарово: «... пока ты бредешь один в потемках... к великим в ряд».

Кейс Верхейл, общавшийся с Бродским почти тридцать лет, анализируя декорации стихов поэта в Т.В.М., С.63, обнаружил мнение (свое или Бродского), что «скудная природа Архангельской области». Будем надеяться, что Иосиф Бродский в беседах с журналистами был абсолютно искренен в благодатной оценке любимых нами северных пейзажей. Будем надеяться, ибо ни два с половиной года, ни просто два года провести в совхозе «Даниловский» Бродский не смог, если ему там и нравилось до чудесности. Даже включая вологодскую и архангельскую тюремные пересылки, поэт был на Севере не более полутора лет. Архангельская тюрьма прослеживается в стихах поэта. В книге «Письма римскому другу» (2003 г.) в стихе «Сжимающий пайку изгнания», С.81, от 25 марта 1964 архангельская пересыльная тюрьма. Столь же биографична коношская ссылка. Сентябрь 1964 (С.87) «... здесь захороненный живьем». С.106. «Одной поэтессе». Август-сентябрь 1965. Норенская.

В памяти народной (живы очевидцы из деревни Норенская) приезд и отъезд Бродского отчего-то связан с главным продуктом деревни тех лет – с картошкой.

Приехал, мол, в Норенскую по осени – практически захватил уборку картошки. уезжал – тоже собирались на копку. Однако же народная память опровергается платежными ведомостями совхоза «Даниловский» (майской, июньской и августовской) за 1964 год, где значится и фамилия Бродского. И все-таки ходить по норенским полям поэту пришлось только один год и один месяц, потом он стал работать разъездным фотографом. (Прилагаются платежные ведомости Коношского комбината бытового обслуживания за июль, август и сентябрь 1965 года). Возможно, что особенно-то и вдохновила поэта на восторженные слова о ссылке именно работа фотографа. Это были (при его мастерстве и творческой жилке) все-таки более относительная свобода, более доверительные отношения с людьми. Они могли (часть из них) и не знать, что их «снимает» поднадзорный поэт. Могли появиться и новые интересные собеседники.

С особой гордостью за смелость и сердечность дорогих северян подчеркиваю, что работа разъездным фотографом, три дня побывки в Ленинграде – не единственные светлые вехи из поднадзорной жизни поэта в Коношском районе. Едва ли не самой главной радостью Бродского тех лет были неоднократные приезды его друзей в Норенскую... Вполне возможно, что далеко не все поблажки поднадзорному нам известны. Ибо ни об одной, даже из названных «льгот». Бродский в своих многочисленных интервью и намеком не обмолвился. Берег от возможных последствий людей, творивших добрые дела во благо сохранения жизни (здоровья) поэта.

Был в Коноше один из руководителей милиции тех лет, фамилию которого Бродский не смел упоминать по тем же причинам безопасности служивого советского человека. Но и вовсе промолчать о нем поэт тоже не смог. Изобрел для упоминания собственную тайнопись. В Б.К.И., на С.280 поэт адресует благодарственные слова безымянному начальнику Коношской милиции, называя вполне безобидную, не стоящую внимания (наказания) причину: за добрый совет. В другом интервью поэт называет, не указывая место работы, должность и фамилию, только воинское звание – майор. Опять же осыпая названного благодарственными эпитетами. Но именно Вениамин Иванович Одинцов и был начальником Коношской милиции в 1964 году, в год приезда Бродского в Коношу.

С майором Одинцовым, который, по словам Бродского, был такой необыкновенный человек, случилась казуистическая, может быть, мистическая накладка. Спросила о нем у знакомых коношан, в семье которых Бродский бывал неоднократно. Они человека с такой фамилией не знали. Это и понятно: многие ли из нас в двадцать с небольшим по собственному желанию шли на контакт с работниками органов насилия. Упоминать у знакомых фамилию Одинцова тем уж более было не в интересах Бродского. В местной паспортно-визовой службе милиции дали справку об Одинцове и домашний адрес его сына Сергея. Милицейская дама в больших

чинах, зная, что Бродский общался с двумя начальниками Коношской милиции (или наоборот), ни секунды не сомневаясь, подтвердила мое предположение (вопрос): «...добрым гением подназванного поэта мог быть только майор Одинцов».

А дальше идет сплошная мистика, которая подвластна только небесам. Еще более (не менее) наибольший милицкий чин отчего-то с плохо скрытым раздражением усиленно настаивал на том, что помощь Бродский мог получить только от другого начальника милиции: мол, тот работал при Бродском значительно дольше. Но у меня же имелось прямое «документальное» указание поэта. Для опровержения непонятого раздражения милицкого чина кинулась искать страницу с фамилией Одинцова. Однако майор Одинцов исчез безвозвратно со страниц «Большой книги интервью», хотя я отлично помню, что он «располагался» на правом листе разворота. Будь у меня записана страница, где я, по воле Бродского, «прочла» об Одинцове, то я могла бы, следуя за голландским поэтом Мартинусом Нейхофом, воскликнуть: «Глянь, тут написано не то, что тут написано». Можно вспомнить и пир Валтасара, когда только он один из пирующих увидел на стене огненные письмена, которые предрекли конец его царствования: «Мене, мене, текед, упарсин...»

Что ни вспоминай, но не дай дух Бродского (его добрый земной или небесный ангел) увидеть мне в Б.К.И. то, что там не было написано – вместо майора Одинцова в моих заметках красовалась бы совсем иная фамилия. Ведь разговор об Одинцове со всеми первой начала я. Ничего не имею против другого начальника милиции. Он, по словам коношан, был вполне добропорядочный гражданин. Но что с того, если Бродский «шлет» свою небесную благодарность майору Одинцову, который, опять же по словам Бродского, был убит бандитами. Возможно, в двух последних словах сокрыта какая-то тайна, вполне объясняющая нежелание наибольшего милицкого чина поощрять прогулкой в Вечность рядом с фамилией гения обычного милицкого майора. Но я подчиняюсь только небесной воле Бродского. Он небось заранее знал, какую несгибаемую леди выбрал в собеседники. Тем уж более, что первые месяцы работы над заметками о Бродском я страшилась доверенной мне миссии, а теперь (прости, Господи, мою самоуверенность) – горжусь доверием гения. Душу тревожат мысли о гибели царства Валтасара, но – чему быть, того не миновать. Если же когда-нибудь майор Одинцов будет «показан» всем читателям Б.К.И., значит, Бродский просто не хотел, чтобы я стелила факты перед наибольшим чином, отвергавшим волю поэта.

* * *

Есть в Б.К.И., на С.126 и официальное подтверждение начального времени и длительности ссылки поэта: «Приговор суда – пять лет принудительных ра-

бот ... был заменен восемнадцатью месяцами работы в колхозе, на Севере страны, в Архангельской области. В деревне с деревянными крестьянскими избами Бродский рубил лес, выгребал навоз, а по вечерам читал и сочинял стихи».

Небрежность в написании данного абзаца вопиющая. «В деревне с деревянными...» Эта фраза неправдоподобно чудовишна стилистически и фактологически. В русских деревнях тех лет, не считая культовых сооружений, кирпичные (каменные) постройки были настолько редки, что они и в расчет не брались.

Отчасти виновато и вынужденное лукавство поэта, оберегавшего людей, которые могли поплатиться не только служебным положением, но и собственной жизнью за послабление подназдорному. Б.К.И., С.280: «Сначала было очень тяжело. Мне пришлось работать на лесозаготовках в Коноше»...

На лесозаготовках в Коноше поэт мог появиться только в роли разъездного фотографа из местного КБО. Лес Бродский если и рубил когда-нибудь, то в геологических экспедициях, в юности, задолго до ссылки. Если же деревня Норенская (бригада с-за «Даниловский») и вела в те годы какие-то мизерные лесозаготовки, то едва ли туда отправили бы ссыльного поэта (не ушли он в фотогафы). Ни в трактористы, ни в вальщики (лес валили бензо – или электропилами), ни даже в помощники вальщика – Бродский не годился. Кроме естественного профессионализма, требовалось буквально железное здоровье. Вальщик с помощником, таская топор, багор, лопату и пилу – передвигались зимой от дерева к дереву порою в снегу выше пупа... от темна и до темна.

Даже неквалифицированная работа сучкоруба не столь примитивна, как может показаться со стороны. Она (кроме крепкого здоровья), прежде всего, требовала приличного личного топора, умения наточить (поправить лезвие) несколько раз на дню быстро и своевременно, определенных навыков и сноровки, скорости вообще в любой физической работе – трудились в обшый котел несколько сучкорубов. Чаще всего бригада перед работой ежедневно еще и проходила добрый пяток километров от поселка (деревни) до порубочной делянки, а вечером – опять же пехом, до дому. Любой не очень дряхлый дедок или вполне трудоспособная женщина были куда более желанны для бригады на должность сучкоруба, чем Бродский. А крепких дедков и трудоспособных женщин в деревнях тех лет вполне хватало.

А главное – работа на лесозаготовках вполне прилично оплачивалась. Естественно, по тем временам и беспритязательности россиян тех лет. Тогда как практически в каждой ведомости совхоза «Даниловский», где засветился рабочий Бродский, есть несколько пенсионерок, которые за один отработанный в текущем месяце день получили от 0,19 коп. и до полутора рублей.

Свои лесозаготовительские кровавые мозоли коренной горожанин, вероятно, приобретал на заготовке жердей. Рубке молодых деревьев лиственных по-

род для обустройства осека (изгороди), отделяющего покотину (пастбище) от полей, деревни...

Б.К.И., С.269. Слова Бродского: «Может, иногда бывало многовато работы, да еще за нее не платят...» Да, деньгами в деревне раньше не сорили. Лучше других оплачивался труд доярок, телятниц и механизаторов. Работа по обустройству осека испокон века не оплачивалась. Что-то вроде необходимого и обязательного деревенского субботника. Занимались этим старики, женщины и подростки. Проводилась работа, чаще всего, перед началом выпаса скота. И, чаще всего же, в спешном порядке.

Были в деревнях и другие постоянные и бесплатные субботники – чистка и ремонт колодцев, в частности. Работа для молодых, сильных, сноровистых. Остальные жители деревни – от старых и до малых – были на подхвате, в помошниках. Дел и забот хватало на всех, но и радость, азарт, гордость от содеянного на благо всей деревни – были тоже обшими. К этой работе – инструмент, материал – готовились заранее, поскольку она проводилась в еще более сжатые сроки. Казалось бы, только вчера после окончания посевной в банях напарились вволю, а силосование (заготовка кормов) уж подторапливает, собственные сроки кажет, с побочными делами считаться не желает.

В сегодняшних деревнях Севера, где нет поблизости коллективных хозяйств, но домашних животных держат на личных подворьях, осеки для сохранности огородов и сенокосов по-прежнему необходимы, но плату за эту работу хозяин личной скотины может получить только лично от себя самого.

Небрежность в написании первой части абзаца (Б.К.И., С.280) перекликается с абсолютной безграмотностью текста на С.126. С иностранного журналиста вопроса нет, но отчего не запнулись на «деревне с деревянными», на дурно пахнущем «выгребал навоз» переводчик и составители, судя по фамилиям, русичи – уму непостижимо. Мне, деревенской по сути и рождению, после чтения фразы «выгребал навоз» хочется поскорее побывать в паритке. Сорок лет тому назад добропорядочные деревенские жители обычно говорили: «Пойду почишу хлев, стайки». Слово «навоз» произносили только в плохом настроении, в злобе, если хотели унижить, обидеть человека, подчеркнуть его будущую ничемушность: «Не учишься, вот и будешь всю жизнь в навозе ковыряться». У мимолетно и бездумно написанной фразы есть и другие, явно означенные для чуткого уха тональности. Мол, деревня Норенская утопала в нечистотах. И в данной ситуации Бродский смотритс чистильщиком Авгиевых конюшен, которые иначе бы заполонили весь Север.

* * *

И Людмила Штерн и Кейс Верхейт, каждый по-своему, отмечали постоянное душевное напряжение поэта как до ссылки на Север, так и после нее.

Людмила Штерн особо подчеркивает, что Бродский был практически не в состоянии провести весь вечер в одной компании. Ему надо было непременно побывать в нескольких домах. Кейса Верхейла Бродский первоначально сильно удивлял. Поэт мог, сказав что-либо на бегу, тут же исчезнуть в людской толчее следом за своими быстролетными думами. У него, вероятно, и мысли не возникало, что Верхейл, все-таки иностранец, мог и не понять, не проникнуться сутью разговора по нескольким мимолетно брошенным фразам. Через мгновения поэт возвращался, столь же решительно притормаживал рядом с Кейсом, и... продолжал прежний разговор. Естественно, не обращая внимания на то, что собеседник успел уйти в свои собственные думы. И все-таки именно Кейс Верхейл указал единственное место на планете, где Бродский, вероятно, и был самым собой: спокойным, уверенным, лукавым, добродушным, хлебосольным, душой и мыслями доверчиво распахнутым и очень деликатным по отношению к гостю и родителям. Насильно лишенный родительского крова, поэт едва ли в каких-нибудь самых райских странах обретал неоторжимое равновесие смешной ленинградской коммуналки, устроенной в бывшей «барской» квартире.

Позднее поэту полюбится прекраснейшая Венеция, но это будет только любовь-продолжение. Вторичная любовь. 1982. Б.К.И., С.96:

– Расскажите, почему вы любите Венецию?

– Она во многом похожа на мой родной город Петербург. Но главное – Венеция сама по себе так хороша, что там можно жить, не испытывая потребности в иного рода любви, в любви к женщине. Она так прекрасна, что понимаешь, ты не в состоянии сам создать – ничего, что сравнилось бы с этой красотой. Если существует перевоплощение, я хотел бы свою следующую жизнь прожить в Венеции – быть там кошкой, чем угодно, даже крысой, но обязательно в Венеции. Году в семидесятом у меня была настоящая идеefixe – я мечтал попасть в Венецию. Воображал, когда я туда переселюсь, сниму целый этаж в старом палаццо на берегу канала, буду там сидеть и писать, а окурки бросать прямо в воду и слушать, как они шипят... А когда деньги бы у меня кончились, я пошел бы в лавку, купил бы на оставшиеся гроши самой дешевой еды – попировал напоследок, а потом бы вышиб себе мозги...

Много, прекрасно сказано, но напоминает только о восточной мудрости про халву, которой все-таки нет на столе. Любви в сердце Бродского к Венеции тоже нет. Она вся разместилась в двух словах первого предложения. От этих слов в груди невольно теплеет «родной город». Все остальное отдаст болью и неустроенностью стареющего холостяка, обеспеченного, но пока не имеющего в своем распоряжении ничего, о чем можно было бы сказать, на доли мгновения утрачивая реалии окружающего мира, сознания, самоконтроль, зная об адекватном душевном послыте – «мой родной человек, город...».

Припомнились величаво-прекрасные слова безымянного, несомненно, верующего человека, очарованного Парижем с первого мгновения, с первой встречи или давно любившего этот суматошно-беспокойный и прекрасный город – «Париж стоит месью». А вот и бесконечное удивление, восхищение 38-летнего поэта человеческой речью. Б.К.И., С.50: «... В четвертой книге своей «Историн» Геродот рассказывает о Скифии, о скифах... Геродот описал их речь в очень общих чертах. Жили они в лесных краях, строили лодки, дома, молельни из дерева, и он пишет, я потом проверял это по-гречески, потому что был потрясен тем, что прочитал: «И были они изумлены своим собственным языком», «Изумлены, потрясены своим собственным языком». Вот так-то. Хорошо?»

Веришь Бродскому, сознавая, что ни один утонченный человек (Бродскому в определенной степени утонченности не откажешь) не скажет о любимом, в присутствии любимого – душа-кудесница не позволит.. «окурки бросать прямо в воду», «вышиб себе мозги». Нет нужды и особо напрягать память, проводя параллель между прозаическими дифирамбами в адрес Венеции 42-летнего поэта и стихами «Стансы городу», написанными Бродским в 22 года. В «Стансах...» каждая строка дышит любовью, тоской, печалью, разлукой, болью – хотя нет даже обычного и привычного, но непременно согревающего-расслабляющего душу слова «родной». Любого другого, но ему подобного по силе любви и нежности.

Нет и не надо, ибо душой поэта на краткий миг написания «Стансов...» завладел Всевышний. Исколесив (излетав) мир вдоль и поперек, поэт не нашел на земле такого райского уголка, где бы о нем тревожились чисто по-русски: глубоко, сердечно, со взрыдом, со всхлипом... Чего втайне и жаждет каждая душа, обретшая корни в России, напитавшаяся русской быльёю и небыльёю, искренняя и человеколюбивая вопреки всему возбужденно-неуютному, но столь же и прекрасному белому свету.

Не веришь в пронзающе-испепеляющую любовь Бродского к Венеции и потому, что последние восемь лет жизни финансово обеспеченный лауреат Нобелевской премии вполне мог осуществить свою мечту, одновременно и мечту восьмилетней давности: уйти от излишней суеты, спутницы каждого человека, в одночасье ставшего особенно известным. А для этого можно было покинуть суматошно-деловую Америку, для которой время – прежде всего деньги, и поселиться в прекрасной Венеции. Мог бы запросто, но душа этого, вероятно, не особенно и желала. Потому что наша чуткая ранимая душа никогда не изменяет тому, чем питалась с рождения. Уточняет. Дополняет. Да. Но в корне ничего не меняет. О том же штата из интервью Иосифа Бродского: «Жил-был когда-то мальчик. Он жил в самой несправедливой стране на свете. Ею правили существа, которых по всем человеческим меркам следовало признать выродками. Чего однако не произошло.

И был город. Самый красивый город на свете. С огромной серой рекой, повисшей над своим глубоким дном, как огромное серое небо над ней самой. Вдоль реки стояли великолепные дворцы с такими изысканно-прекрасными фасадами, что, если мальчик стоял на правом берегу, левый выглядел как отпечаток гигантского моллюска, именуемого швиллизацией. Которая перестала существовать...» (Сочинения Иосифа Бродского. Том 5. Эссе «Меньше единицы», С.С.26-27).

* * *

Вспомним строчки из книги Кейса Верхейла. Т.В.М., С.241: «Когда я был в Петербурге летом этого года, меня больше всего поразило изменение, которое я осознал, благодаря дурацкой фразе, пришедшей на ум, пока в первое же утро прогуливался от «Астории» к Неве: «Иосиф снова дома...» Наши общие петербургские друзья, которым я в 1996 году попытался объяснить это различие, тотчас же поняли меня. Пока Иосиф жил на Западе, он был явно не здесь. Теперь же его не было нигде. Как живого человека на земле. Но в городе, где он провел большую часть своей жизни, его не было чуть в меньшей степени, чем в других местах...»

Гениальный ум Бродского, его вечная любовь к Ленинграду – Петербургу, вероятно, неосознанно предлагали что-то подобное сказанному в стилистике именно Бродского, один к одному, выразить лучше, точнее и глубже это необычайное и не менее естественное «присутствие» Бродского именно на берегах Невы – невозможно. Подобных совпадений с духовным миром Бродского в книге Верхейла больше, вероятно, не найти. Подтвердим предположение цитатой из Т.В.М., где любовь Бродского и желание «не было чуть в меньшей степени» – отражены на С.108: «В 1991 году вдова Карла Виллинка, Сильвия, вылепила скульптурный портрет Бродского. Бронзовая отливка с него была приобретена международной группой меценатов (в которую входил сам изображенный) и подарена городу Санкт-Петербургу, где и хранится в музее Ахматовой в Фонтанном доме».

* * *

Журналистам всего мира отчего-то нравилось задавать поэту вопрос о возвращении его на родину. Иные цитировали, как программные, строчки поэта – «Ни страны, ни погоды не хочу выбирать./ На Васильевский остров я приду умирать». Зная, что прах Бродского, по его завещанию, перезахоронен в Сан-Микеле, что на одном из нью-йоркских кладбищ выбито в граните – Joseph A. Brodsky 1940-1996 гг.» (Т.В.М., Кейс Верхейл. С.188), что пусть обходными путями, но

Бродский все-таки «пришел на Васильевский остров»: поэтому, может быть, вполне уместно «закрыть» вопрос о Васильевском острове фразами, которые мне подарены какой-то неведомой силой за время писания книги о Бродском. Поэтому ступенька авторства пока свободна – «И была история первая, которую не перешагнуть. И была история последняя, которую не осилить», «Совершенству неизвестны тупики», «Иные из них додумывались спокойно и неприязненно, жили бездоказательно к мятежу». Меня хватило только на то, чтобы обыграть вариант предпоследней фразы – «Тупики не знают совершенства».

Зная все это, душа по-прежнему неспокойна, ибо душа Бродского, если души вечны, все время разрывается на части, либо находится в постоянном движении – осеняет (ограждает) свою именную надгробную плиту в Нью-Йорке, кладбище в Сан-Микеле, мемориальную комнату в музее Ахматовой «Американский кабинет Иосифа Бродского» и самолично подаренный собственный бюст в Санкт-Петербурге, как знак неумолимости присутствия поэта на берегах Невы. Здесь вполне уместно повторить непередаваемо глубокую и прекрасную по смыслу цитату Бродского – «Легкость прикосновения довольно часто возникает из самой темноты отсутствия».

Посмертные фильмы о гениях, недавно ушедших из жизни, почти всегда шекотно-глуповаты. Один из друзей Бродского по ленинградской юности, зайдя в прекрасно отреставрированное здание (в частности, комнату, где шло судебное заседание по делу Бродского), неумело-скованно, типично по-русски улыбнувшись в сторону снимающей камеры, изрек непередаваемую банальность: «Как тут стало красиво. Вот бы Ося был доволен, если бы его судили в таком помещении...»

Господи, ну почему мы – гордые россы – становимся такими неуклюжими, когда на нас смотрит камера, всего лишь только запечатлевающая нас в данном миге нашей жизни.

Интересно, о чем бы стал беседовать Иосиф Бродский со своим растерявшимся приятелем, но вполне известным человеком в мире искусства в определенных ленинградских кругах. Боюсь, что на губах Бродского и его друга юности, по разным причинам, естественно, блуждала бы одна и та же жалчайшая улыбка.

Ехать за подобными впечатлениями на родину? Не менее обидно и брезгливо смотрелось бы суматошное официально-протокольное почитание вчерашнего насильственного обитателя психушек и тюрем.

Нет, нам не в чем обвинять Иосифа Бродского, не пожелавшего в последний разочек глянуть на город божественной юности и своих посевших ровесников. Нет, нам не в чем обвинять гения, мы можем только покаянно попросить прощения у времени и у себя за то, что мы по-прежнему имеем вид стоящих на большой дороге с протянутой рукой, с покаянно опущенной

головой. По крайней мере, не худшие из нас в духовном плане, осознающие, что мы можем гордиться спокойно-прекрасным «званием» – современники Иосифа Бродского.

* * *

Необычайная и даже вариативно пока что никем не озвученная в литературе фраза Верхейла – «его не было чуть в меньшей степени, чем в других местах» – выражает не только удивительную стилистику Бродского, но и ее смысловая нагрузка, вероятно, лежит в плоскости сказанного земляком Верхейла, поэтом Мартинусом Нейхофом (1895-1953 гг.): «Глянь, тут написано не то, что тут написано». Кейс Верхейл пометил это необычное и непонятное с лету выражение, как, может быть, самой известной строкой из поэзии Нейхофа. Если эту изумительно-прекрасную строку слегка перефразировать, то она особенно хорошо читается применительно ко всему творчеству Бродского. О многих его архисложных поэтических строках первоначально можно сказать: «Я не понимаю, что тут написано». Но уже в следующее мгновение – или по зрелом размышлении – читатель, удивленно завороченный глубинной сутью сказанного, вскрикнет: «Да нет же, я понимаю, что тут написано!»

И не беда, что это понимание написанного пороку живет в нас только на уровне ощущения. Гении ничего не разжевывают, только размышляют. Продолжать их размышления на уровне среднестатистического россиянина – наш удел.

Бродский в беседах с журналистами не столь уж рьяно, как старательно, подчеркивал на страницах своей книги «Танец вокруг мира» Кейс Верхейл, но все-таки неоднократно упоминал Мартинуса Нейхофа, которого все современники Бродского и он сам – единодушно считали поэтом будущего.

Б.К.И., С.71: «Очень хороший голландский поэт – Нийхофф (у Кейса Верхейла – Нейхоф). Его поэма *Amater*, это поэма, которую стоит принимать во внимание, – одно из величайших поэтических произведений нашего века. Это что-то совсем иное. Я думаю, это будущее поэзии, по крайней мере она готовит почву для очень интересного будущего».

Кейс Верхейл мгновенно и надежно соединил вонистину эксклюзивной фразой... Бродского и Нейхофа, но по-прежнему доказательно, с прекрасной голландской упертостью продолжал добиваться этого единения двух в чем-то схожих поэтов почти на тридцати страницах своей книги в двойном реквиеме «Иосиф Бродский и Мартинус Нейхоф». Если фраза Верхейла о вечном присутствии отсутствия Бродского в Санкт-Петербурге все-таки сразу понятна обычным смертным, то про дивное выражение Нейхофа, в целом тоже говорящее о присутствии отсутствия чего-либо, – этого не скажешь.

Тонко чувствующий русский литератор, унесшийся в данный миг в запретельные дали ума-разума, глянув и обрета на миг мыслительную твердь под ногами, вероятно, должен был выдать абсолютно непронизвольно русский разговорный эквивалент данной фразе – Нейхофа – «Глазам своим не верю». Непронизвольно и подчеркивая, что его поэтическая, в данном случае предельно опрошенная мысль, все-таки кружит на одном витке, горизонте с поэзией Нейхофа. Кейс Верхейл упоминает статью голландского слависта Томаса Лангерака, опубликованную в сборнике «Мандельштамовские дни в Воронеже», Воронеж, 1994, С.С 48-51. «Мандельштам и Нейхоф». Анализируя статью Лангерака, Верхейл подчеркивает: «Тема этого исследования – не гипотетическое и только в рамках научной фантастики объяснимое влияние одного поэта на другого, а их примечательная схожесть. Подобные статьи на тему «Ахматова и Нейхоф», «Цветаева и Нейхоф», «Александр Блок и Нейхоф» можно, я ручаюсь, написать без всякой натяжки...»

* * *

Ряд весьма примечательный и убедительный, но сам Нейхоф, вероятно, посмотрел бы на него весьма и весьма отстраненно, если не сказать, скептически. Он бы уж постарался оберечь обожаемую им Голландию и себя лично от близких и навязанных духовных связей (отношений) с каким бы то ни было поэтическим величием. Считаю свою страну и себя лично маленьким, абсолютно суверенным островком в мировой литературной невесомости. Слова Мартина Нейхофа о возможностях и невозможностях национальной оперы, процитированные Верхейлом.

Т.В.М., С.212: «Пусть немцы сочиняют музыкальные драмы, пусть русские танцуют, а у нас есть что-то свое. Это печать подлинности. Ради Бога, работайте, как нидерландцы, не по иностранным моделям. Работайте с голландским сердцем, то есть без позирования и добросовестно... У нас хорошие голоса, но наше пение и наши действия на сцене под пение выглядят смешными».

Духовное (поэтическое) родство Бродского и Нейхофа подчеркнуто Бродским в интервью, правда, без соотнесения своих стихов и творчества Нейхофа. Эту желательную поэтическую связь настоятельно и рекомендательно ретиво заполнил Кейс Верхейл, особенно (в числе других) сопоставив «Осенний крик ястреба» Бродского и «Песнь неразумных пчел» Нейхофа.

С Верхейлом, прекрасным специалистом по чтению самых глубоких (глубина подчас сокрыта) текстов, частенько не поспоришь на равных. Но в данном случае Верхейл анализирует (сопоставляет) стихи двух поэтов на каком-то излишне опрошенном, приземленном, что ли уровне «... и там, и там, в центре

стихотворения – движение к небу, все выше и выше, пока крылатое существо не погибает от холода, после чего оно возвращается на землю в облике танцующих снежинок. Вопрос в том, правда ли, что на «Осенний крик ястреба», который считается одним из самых сильных произведений Бродского, известное влияние оказало голландское стихотворение, навверное, так и останется без ответа. Но живущий во мне патриотизм не позволяет мне умолчать об этих фактах...»

Попытаюсь все-таки оспорить глубочайшего стилиста Верхейла и одновременно поблагодарить.

1. Явная недоработка или опечатка во фразе – «который считается одним из самых сильных произведений Бродского... Слово «произведение» согласуется со словом, «которое».

2. Речь идет не о фактах – о душевных (духовных) предположениях. И только.

3. Живущий во мне (стилистика Верхейла) патриотизм, предельно задетый высокомерно-пренебрежительной фразой по сути единственного известного в мире литературы поэта Голландии – Мартинуса Нейхофа – «Пусть русские танцуют» – приказывает дать ответный пас в сторону прекрасной страны Голландии, научившейся великолепно жить ниже уровня моря (естественно, таково расположение части Голландии). Все эти разговоры голландцев о сходстве поэзии Мартинуса Нейхофа с творчеством значительных, известных в мировой литературе русских поэтов – являются ничем иным, как исполнением уважительных, не хочется говорить – завистливых танцевальных «па», обращенных с надеждой на духовную милость в сторону любимой России.

4. Хочу поставить (следуя методу Мартинуса Нейхофа) точку на всех положительных «па» Кейса Верхейла о том, что стало для Бродского поводом для написания «Ястреба...» О чем тут речь вести. Таких поводов под ногами каждого пишушего – пруд-пруди. А самым примитивным среди них может стать такая зрительная картинка: тусклый день на излете осени; сложное, многоэтажное, неделимое на части, изломанное неурядищами личного плана или примитивного быта, – настроение поэта: парящий в небе ястреб и... под ногами поэта примитивнейшая квочка с цыплятами. Их обреченность и одновременная непобедимость, в чем-то перекликающаяся с человеческой стойкостью... И все-таки каждое словечко последнего предложения можно с полным правом соотносить с... бытом горлого ястреба.

Это просто счастье для двух пернатых, что они никогда не смогут поставить себя рядом. Это трагедия. «Песнь неразумных пчел» по извечной тоске, слабости (это все-таки не ястреб), нежности и обреченности (вероятно, продиктованная Нейхофу Богом в печально-возвышенном настроении) – глубинно более всего сопоставима со столь же божественными «Стансами городу» Бродского.

5. Низкий поклон Кейсу Верхейлу за его всепоглощающую любовь к своей прекрасной Голландии. Правда, это бесконечное (сужу только по книге «Танец вокруг мира») вольное или интуитивное собиранье великого и прекрасного по всему белому свету, отчасти и для того, чтобы потом озарить, осенить этой красотой, провести видимые или только осознаваемые (предположительные) параллели с людьми творческими, живущими (жившими) в Голландии. В этом что-то от святости и божественности помыслов, еще не умеющего думать ребенка, но каким-то неизвестным нам чувством угадывающего: это очень пригодится в нашем доме, в нашей стране. И это факт наипрекраснейший с какой ни глянь на него стороны.

6. Еще один низкий поклон Кейсу Верхейлу за бесчисленные плюсовые и минусовые факты из жизни Иосифа Бродского, о которых пока нигде не довелось прочесть. Выбираю, прежде всего, тот, с которым многожды солидарна. И потому, что он еще раз проявил великую и благодарную любовь Иосифа Бродского к Марианне Басмановой. И потому, что практически без слов, интонационно подчеркнуты непередаваемое величие и привлекательность, казалось бы, вполне обычной женщины, сумевшей внушить поэту такую вселенскую любовь.

Печальная Муза поэта и художница, чьи предки выходцы из Голландии. Уж по одному этому вековому национальному родству нераскрытая миру душа Марианны особенно привлекательна в подаче Верхейла. И он находит и общает главное, чтобы навсегда подчеркнуть особую глубину разорванной духовной сути, духовного родства поэта и художницы. В частности, Бродский издал сборник стихов, посвященный Марианне Басмановой. 1983 год. Сыну Бродского и Басмановой 15 лет. Больше издание этого сборника никто и нигде не упоминает. Нет этого сообщения и в очень подробной библиографии «Большой книги интервью». Нет о ней речи и в многочисленных интервью Бродского с журналистами всех стран и народов. Берегли журналисты тревожную душу поэта или, что больше всего, не принимали всерьез Марианну Басманову, как недостойную пару для гения. Большой обиды нанести было уж и невозможно тонко чувствующему поэту и человеку.

Маленький фактик, который в очередной раз беспредельно подчеркивает великую любовь Верхейла к своей божественной Голландии и, наоборот, наше равнодушие к прежним малым островкам в наших великих территориальных пределах. Оказывается, в Ленинграде есть район, который называется «Новая Голландия». До выхода в свет книги Кейса Верхейла «Танец вокруг мира» (2002 г.) название это провинциалам было неведомо, правда, сегодня идет повсеместное упоминание во всех СМИ.

А как легко и просто образованный славист Верхейл обозначил поэтику Бродского: «Это автор своеобразной интеллектуальной поэзии» (Т.В.М., С.62.) А на С.65:

«В техническом отношении Бродский – поэт высокого уровня. Он с легкостью варьирует всевозможные формы и стили и любит блеснуть мастерством... Значительная часть его стихов носит несомненно виртуозный характер: поразительные комбинации рифм, предложения, накладывающиеся прихотливым узором на строго упорядоченные строфы, абстрактные мысли, сформированные с такой лаконичной изобретательностью, что над каждой строкой можно часами ломать голову».

С.66: «Если вы любите игру слов и замысловатые языковые эффекты, то читайте Бродского». С удовольствием продолжу сказанное Кейсом Верхейлом: «Если вы хотите больше узнать о Бродском, то непременно прочтите книжечку Кейса Верхейла «Танец вокруг мира». Она вам обязательно придется по уму и по душе. Кому что, но каждый найдет в ней свое желанное и неожиданное, значит, неосознанное и долгожданное».

Правда и то, чем больше пишут о Бродском (его поэтике, внутреннем мире), тем он дальше уходит от нас – самый загадочный человек XX века, казалось бы, всем ветрам открытый. Не любивший пророчествовать. И все-таки еще тридцать лет тому назад назвавший день сегодняшней и все, что дальше следует, «постхристианской эрой». Б.К.И., С.27.

Пожалуй, напрасно Кейс Верхейл непрестанно подчеркивал свою дружбу с Иосифом Бродским. Через все интервью Бродского «прошли» только три человека, которых поэт считал своими друзьями: Ахматова, Оден и Евгений Рейн. Маловато? Наоборот. У многих поэтов и более малого поэтического горизонта не было ни одного друга за всю жизнь. Возможно, Бродский воспринимал общение с образованным и отзывчивым голландцем как-то иначе. Со стороны глядя, вполне можно предположить: Верхейл был очередным советником, с помощью которого Бродский – задав вопрос и получив обстоятельный ответ – шел дальше в свой необъятно-широкий мир. Кейс Верхейл был, значит, трамплином для гения. Это не столь уж и малая миссия для обычного смертного.

Ни Ахматова, ни Оден, ни Евгений Рейн, вероятно, ни при каких обстоятельствах не выдали бы подобное репликам Верхейла даже под пистолетом. Но они, тоже вероятно, вполне приемлемы для менталитета голландцев. Т.В.М., С.12. Верхейл о первом знакомстве с Бродским: «Если мы придемся друг другу по душе, то знакомство это сулило многое». Опять же необычайно режет слух россиянина сказанное на С.59: «Тогда хотя бы телефонные разговоры с ним были не такими дорогими». Слава Богу, что острый глаз и чуткое ухо Бродского данного не видели, не слышали.

Воспоминания Кейса Верхейла о первом годе знакомства с Бродским – тональность общения – напоминают дружбу Николая Рубцова с Николаем Беляковым, архидобродушным человеком, завсегдаем тюрем, зато уж старательно

терпевшим словесные приставания (чтение новых стихов) поэта, такого одинокого в громадном и чуждом, чужом его душе... Ленинграде, где даже камни несут налет интеллигентности, но попробуй найти собеседника чуткого душою, созвучного духу поэта, поэзии...

Правда и то, что Бродскому со слушателями (собеседниками) повезло значительно больше. Хотя дальше написанное можно считать за иронию: ведь Ленинград для него родной и любимый. Т.В.М., С.15: «Но даже среди «диссидентствующих» интеллигентов имелось лишь два-три человека, с которыми, по его мнению, можно было разговаривать». И все-таки чем глубже, целенаправленной живет любой творец, тем более прочно уживается рядом с ним подобная фраза об одиночестве. Примеров тому несть числа.

* * *

И все-таки Кейс Верхейл понапрасну отказался от мысли о более глубинном, духовном сходстве стихов «Ястреб...» и «Песнь...» – «... во всех других отношениях два стихотворения столь же далеки, как земля от неба». Т.В.М., С.132. Ибо взгляды поэтов, идущих по милой земле, всегда умудряются лететь на земную же твердь с невероятной высоты. Поэтому никогда не могут быть «далеки друг от друга во всех отношениях» написанные поэтами стихи. Вопрос только в степени дара, таланта, способностей. А в данных стихах присутствует и буквальная, земная высота, поскольку отмечена высотой запредельной для птиц и насекомых. Высотой гибельной, но невероятно манящей. Высотой, которую легко перенести на мыслящий прототип, на человека, на двух поэтов, безбоязненно парящих рядом с крылатыми, безмолвными и обреченными.

Вопрос в другом. «Ястреб...» вообще не-со-пос-та-вим ни с одним из литературных произведений. Здесь каждый звук (буква) мыслит, несет мысль по отдельности, а в целом создается небывалая доселе симфония в мире литературы. И нет смысла говорить об изначальной гибельности птицы. Все особо прекрасное идет на небеса заметно раньше отмерянного (возможного) земного срока. И невозможно стопроцентно соотносить эту божественную симфонию с прозой или поэзией. «Ястреб...» вне всяческих литературных горизонтов (рамок). Эта вещь ужасающе, катастрофически биографична. Иначе бы ни за что и не достичь подобной пронзительности. Катастрофичность заключается в умении Бродского «пережить» собственную смерть в 35 лет. Когда было еще невозможно представить, жилось только в ощущениях, в стихах – собственное бессмертие. Отсюда и образ смерти, – снежинка, обреченная стать только частью водоворота воды в природе (в поэзии, естественно). Не так уж и мало, но этот апофеоз не для гениев. Уверена, что подобного «Ястреба...» в любом облике ни за что бы не написать иронично-успокоенному

Нобелевскому лауреату. Т.В.М., С.181. Фото Бэрре Турессон. В данном контексте все разговоры о том, что литератор исписался (Бродский тоже успел испить яловитую отраву этой чаши), мягко говоря, поверхностны. Литератор успокоился. «Мшъри» ему стали неподвластны, а мелочевку и без него есть кому написать.

А в 35 лет «Ястреб...» вознес Бродского на Олимп, местоположение литературных Богов, над которыми безбоязненно (поскольку терять-то было и нечего) парил безбожный и безбрежный дух поэта. Может быть, кто-нибудь из россиян еще когда-нибудь и достигнет подобных высот. Может быть. Пока такого литератора просто нет. Не в обиду будь сказано голландцам, но «Песнь неразумных пчел» (потому что неразумных?) Мартинуса Нейхофа парила на каких-то иных Олимпах, которые давно и надежно освоены литераторами. Будут непременно освоены, если взять за основу концепцию критиков, мол, Нейхоф – поэт будущего, но сегодня она беспокоит душу только какой-то излишней дидактикой.

На моем самом любимом фото Бродского (обложка данной книги) – поэт напоминает постаревшего ястреба: отрешенность и обреченность облика, расплывшие покатые плечи: предельно знакомая суть окружающего мира, когда все и про всех понятно, известны все пути совершенствования мира и... реально воспринимаемая невозможность каких-либо изменений; ибо, обогатенная опытом, жизнь всякого человека вернется на землю только какой-нибудь беззащитной снежинкой... И потому на самом любимом портрете Бродского видится только присутствие отсутствия гения.

Фотохудожник Марк Штейнбок оказался не менее прозорлив и гениален в своем мастерстве. Все ранее сказанное схвачено фотообъективом и подчеркивается облачком дыма от папиросы. Действительно остановилось мгновение... Лучшего мгновения для отражения сути постаревшего ястреба (часть лица в обрамлении неиспарившегося дымка) – не найти.

* * *

Гринвич – Виллидж. Больше всего подчеркивает душевный неуют Бродского за рубежом его холостяцкая квартира в одном из районов Нью-Йорка, на Гринвич – Виллидж. Дорога в квартиру, в худшем случае, напоминает высокогорный крематорий или жерло потухшего вулкана. В лучшем – океанский лайнер, который безмерно скорбит о родном причале, но дорога к нему позабыта. Б.К.И., С.195: «Этот очаровательный, закрытый со всех сторон и осененный могучим тополем дворик, видимо, является предметом особой гордости хозяйина... Попасть в эту обитель непросто. Нужно подняться по наружной лестнице старинного особняка, а потом спуститься вниз по узкой внутренней. Почему-то спуск занимает больше времени, чем подъем, так что создается

впечатление, что жилье поэта находится в глубоком подвале, хотя это всего лишь первый этаж».

В такую квартирку невозможно заскочить на минутку, чтобы «пошебеть Филомелой» о нашумевшем спектакле, скандальной книге, литературном буме... А может быть, и все наоборот: для высокого полета мысли и необыкновенно-непонятого творческого счастья требуется гению именно ограниченное пространство, но с «могучим тополем». Припоминается фраза Федора Михайл. Достоевского (1821-1881 гг.) о том, что человек не может быть несчастлив, если видит в окне хотя бы одно-единственное дерево. Эту мысль: высший (или нет) полет разума на ограниченном пространстве бытия – легко проследить, если знать подробную биографию поэта. В частности, что им было написано именно на Гринвич – Виллдж. Ибо все, навеянное жизнью в этой удивительно-непонятой квартире, должно иметь какие-то отличительные черты слабости, духовности, оторванности от земного бытия. Во всяком случае, стихи о ромашке и букашке в такой обстановке едва ли можно написать. А что-то философское, подобное «шебечущей Филомеле» – запросто. Вполне подходящее место и для создания «мышы, которая будоражит кирпичный позвоночник». Вполне могло бы, не будь давно написано, именно здесь родиться и лучшее лирическое стихотворение из юности – «Стансы городу», в котором «звонит высокая тоска». И поэт сумел прекрасно выразить ее обычными (обыденными, отчасти) словами. Через два года жизни в Америке (поэту 34 года) эта тоска все еще как-то особенно «звонит» в душе Бродского. Б.К.И., С.21:

– С тех пор, как вы живете в Соединенных Штатах, вы больше пишете о России или об Америке? Переезд в Соединенные Штаты как-то изменил ваше творчество?

– Не думаю. Основного это не меняет, хотя, похоже, я прибыл сюда без своей Музы. Наверное, она не села на тот самолет.

Слова о кокетливо-ветреной Музе вызывают только первоначальную улыбку легкой печали, ибо в следующую секунду вспоминается об открытке, которую поэт прислал Кейсу Верхейлу из Лондона, незадолго до отъезда в Америку, где были, в частности, такие слова: «Если всерьез: мне дали место poet in residence в Ann Arbor^е». Т.В.М., на С.59. Кейс Верхейл обозначил душевное состояние Иосифа Бродского в первый год жизни в Америке, как «... был мрачен и полон тихого бешенства». Не слабо выразился иностранец.

Точнее о состоянии любого поэта в подобный период сказать невозможно. Смотрю фото 1972 года в Лондоне на Международном фестивале поэзии. Вкладка Б.К.И. Плотно сжатый рот поэта говорил только об одном: неужели им и в самом деле весело. Рядом стоял заразительно смеявшийся рассказчик и

добрый ангел Бродского У.Х. Оден. Смеяться и, вероятно, молодой друг Одена. Даже строгий Стивен Спендер пребывал в состоянии полуулыбки.

Но, может быть, Муза Бродского все-таки прилетела следом, если дворик и жильё поэта, сходное с «лайнером», «кратером» и «крематорием», даже со стороны смотрится вполне респектабельно и уж определенно посещаемое Музой – литературная работа, обилие интересных интервью... Но в таком дворике, если соседи спокойны и не шумит улица, можно почувствовать себя наедине со Вселенной, не дай-то Бог – центром Вселенной, или небожителем, давшим согласие на посещение земной тверди. Это, возможно, великолепно для творчества, но этот непредсказуемый полет разума не менее и губителен для нравственного начала человека, пусть бы и гения. Но проникнуть на доньшко человеческой сути пока еще никому не удавалось в буквальном варианте. Тем уж более, что она (суть) постоянно испытывает неимоверные нагрузки и потому все время вынуждена претерпевать все возможные колебательные раздражения. Что-то сродни внутреннему маятнику Фуко. Движение, но строго очерченное судьбой, сутью. Господом...

* * *

Одна знакомая – очень умная и эрудированная женщина лет семидесяти, сказала, что она «нахаживает» необходимые ее возрасту три километра на территории своего дворика. Но ее прогулочная дорожка, особенно зимой и в сырое время года, едва ли составит даже тридцать метров. Значит, ей необходимо пересечь дворик сто с лишним раз. И как она узнает, что желаемое достигнуто. Считает пересечения, перекладывает горошины из кармана в карман, – но это же прогулка иднота получается. Мыслящий человек непременно собьется со счета, запутается с транспортировкой горошин. Ежедневно отключать на полчаса работу мозга. Может быть, это и возможно на практике, но это опять же какой-то небывало изощренный садизм по отношению к собственной нравственности.

А все это «страдное» время за калиткой живет своей и одновременно человеческой жизнью милая сердцу Коноша. Где есть такие уютные и тихие улочки, на которых рифмы сами к вам в блокнот прыгают. Правда и то, что людные и шумные улицы не меньше рифмуленам глянутся. А следом обнаружилось мнение Бродского о человеческой сути. Б.К.И., С. 447: «... Я полагаю, что каждый человек – самостоятельная сущность и постичь ее можно лишь поверхностью. Нет ничего, что было бы абсолютно бесполезным. Однако я отрицаю возможность вмешательства по существу, возможность глубоких изменений».

С необычайной привлекательностью дворика Бродского, может быть, все было проще овала. Этот «закрытый дворик» напоминал поэту ленинградские колодцы – дворики. Тогда уж он не столько гордился этой малой территорией, сколько страдал и блаженствовал одновременно, день за днем «перелистывая» годы детства и юности. Сам себя будоража и успокаивая, бесконечно «просматривая» кадры виртуального кино, то в роли режиссера, то в роли зрителя. Может быть, но все-таки становится неуютно от мысли, что именно в таком «закрытом со всех сторон... дворике» на память поэту приходила и его великая любовь – Марианна Басманова. Любовь эта, видимо, то посылая его духовную и телесную суть в дали небесные, то швыряла в черную бездну. От этих «посылов», «швыряний» он так и не смог освободиться до конца дней своих. Возможно, и не хотел освобождаться: в чем много печали, в том непременно имеется и своя необъяснимая сладость с чарующим оттенком (прикусом) горечи.

Вероятно, подобную любовь изумительно, правда, от лица женщины, описал в «Подруге французского лейтенанта» Джон Фаулз. Главная героиня повествования в этой великой любви больше всего любит и лелеет свою собственную любовь к своей же любви. Любит любить любовь. Ей необычайно дороги все сопутствующие любви страдания. Внимание окружающих даже резко отрицательное, осуждающее. «Поллюбила меня не любовью» (Николай Сем. Тихонов, 1896-1979 гг.).

У А.С.Пушкина эта великая противоречивая любовь жила на необычайной нелюбви к своему малому росту (1 м. 49 см.), на необычайной некрасивости. «Недаром Пушкина в лице звали «обезьяной». Андрей Дементьев. Радиопередача «Выражи времени». 4 февраля 2006. Отсюда и все болезненные последствия жизни человека и поэта, неоднократные «кидания» на острие шпаги (револьвера). К тому же поэт имел страстнейший и, вероятно, неуправляемый, в определенных ситуациях, характер, доставшийся от великих (царственных?) негритянских предков, удесятеренный амбициями неординарного стихотворца и прозаика.

Очень похожие сутью слова можно сказать про Михаила Лермонтова, про Сергея Есенина (с учетом физической полноценности, красоты), про... Этот ряд бесконечен, насколько бесконечны ряды чем-то непременно уязвленных в жизни литераторов, художников, музыкантов... Благодаря этой уязвленности, одержимости любовью к нелюбви (или наоборот), мы имеем прекраснейшие произведения всевозможных видов искусств. Иногда благодаря только отчасти любви-нелюбви.

Многие из нас, но каждый с наиболее подходящей для него колокольни, олицетворяют жизнь, помыслами, поведением, отношением к окружающим... подругу французского лейтенанта. Мы все пленники каких-то своих любовей-нелюбей. Среди людей старшего поколения много таких, которые больше всего любят свою любовь к преодолению чего-либо. Это стремление, ставшее автоматическим, как мытье грязных рук, помогает удерживаться на плаву в любой ситуации, сильно бьющей хотя бы просто по нервам.

Наша грознейшая математичка, которой мы трепетали, до последнего дня, говорят, ходила по Череповцу с плакатами против всех, кто против коммунистов. В первую секунду данного сообщения на лицах собеседников была только улыбка непонятной стыдливости, будто каждого из нас уличили в чем-то стыдном, неприличном. Потом была только жалость к этой умной женщине, охваченной бесом, чертом, дьяволом, сатаной... любви – нелюбви к разрушению привычного ей миропорядка. А наша математичка своей непредсказуемой неистовостью могла бы сильно помешать продвижению зорь коммунизма по всему белому свету.

Вот ее покойный муж – нам посчастливилось любить его... меньше одного учебного года – очень бы пригодился в роли проповедника самых бредовых идей, если бы сам он в них верил безоговорочно. Отчеканив ему свою любимую историю, – как не любить предмет, если учитель обожаем, – и в душе, вероятно, приплясывала в ожидании величайшей и нежнейше-тишайшей ласки. Поставит историк оценку. Тяжело подниматься со стула. И как бы легонько подтолкнет в сторону парты, коснувшись плеча или локтя невесомыми добрыми ладонями, слабыми от болезни, от ран, от проклятой войны с фашистами...

Сколько же силен и велик был духом этот человек, по сути уже шагнувший в потусторонний мир, если сумел внушить нам такую любовь, ничего особенного не говоря и не делая для этого. А нам только годы спустя подумалось: историк был по рождению германец. Воевать пришлось против родных по крови...

Нелюбимая математика чеканилась не меньше, но ускользнуть от математички старалась хоть на полсекунды раньше дозволенного срока. И душа все время обмирала страхом. Сейчас, вот сейчас этой истеричке что-нибудь не глянется, и она завизжит так, что о моей глупости узнают даже в самых отдаленных деревнях нашей округи. Ожидание даже словесной беды – куда страшнее самой беды. Там, по крайней мере, можно использовать японский противовес – держа дулю в кармане. Только по данному эпизоду и то легко понять уход из школы Иосифа Бродского. Невозможно бесконечно жить в обстановке, когда и не бьют, но удара-то все равно ожидаешь.

Бродский неоднократно подчеркивал свою еврейскую чистокровность. Но речи о еврейских писателях, о родном языке как-то специально не велось. Помню из детства. Высланные после или во время Великой Отечественной в Вологодскую область немцы говорили на родном языке открыто. Еще не умея связно построить фразу по-русски, хорошо запомнила что-то непонятное: «Эльза, ком шу мир!» Молодая и очень счастливая мама – немка, родившая дитя уже в изгнании, протянув руки встреч ковыляющей малышке, улыбаясь ей поддерживающе и поощрительно, все повторяла и повторяла дочке о «мире».

В седьмом классе Раменской семилетки у нас был комсомольским вожаком немецкий мальчик Альберт Лехбаум, привезенный в Россию мальшом. Открытая и свободная немецкая речь, комсомольское секретарство: не без доли известное трудолюбие, непьянство, чистоплотность, нескандальность – все это и многая другая положительность, упроченность времени и места неназойливо подчеркивали: родная партия и правительство относились ко вчерашним «захватчикам и насильникам» более миролюбиво, чем к ни в чем не виноватым перед нами евреям. Впрочем, евреи виноваты перед всем белым светом. Они в любой ситуации мгновенно найдут самый подходящий вариант из миллиона миллионов имеющихся. И пример Бродского говорит, прежде всего, о том, что евреи, как никто другой, умеют не заикливаться на недостатках жизни (быта), которые в данный момент невозможно стиснуть в кулаке, чтобы отжать бесполезную воду. Но ведь это же свойственно и представителям германской нации, правда, все-таки чуть в меньшей степени плотности, сконцентрированности.

Интересно, бесконечно интересно... как бы гениальный «исчадие ада» подросток Ося Бродский оценил секретарство немецкого мальчика и наше (одноклассник) тихое и тайное, почти любовное поклонение. Может быть, только из-за этого, практически не отложившегося в сознании наших мальчишек-одноклассников события, самодостаточный мыслитель чуть ли не с пеленок, юный бунтарь Ося покинул бы школу еще на пороге нашего предельно счастливого седьмого класса.

Как бы Ося Бродский оценивал «вожачество» немецкого мальчика – сказать трудно. Предположительно, по уровню явного духовного превосходства над одноклассниками. – они могли бы идти рядом. Близкие силой духа, отношением к миру, в котором живет и здравствует на отведенной ему ступеньке, площадке не просто сильным характером человек, но и гигант ума и мысли... выжить умудряется. Отношение Бродского к нам, одноклассникам Альберта,

можно представить куда с большей степенью вероятности или даже достоверности. Мы бы смотрелись в глазах юного гения хорошо направленным, организованным, неразмышляющим... двуногим стадом.

И это так, но именно в седьмом классе, впервые за годы обучения в школе, мы вырвались из плена сырости и серости малокомплектнок: пятого и шестого классов семилетки, где наши разухабистые второгодники и прочие юные громилы, вовсе не желавшие учиться, постоянно срывавшие уроки, просто ушли с нашей дороги знаний. Оставшиеся в седьмом классе были по-настоящему счастливы и свободны (так уж нам думалось): согласны были идти по стране знаний хоть пешком через Москву или Америку, по пути основательно и раскрепощенно, с чувством, с толком, с расстановкой вбирая в себя все открывшиеся нам необъятные и неизвестные красоты, неозначенные ни на одной карте мира.

Нас, оставшихся, можно было легко и просто, спокойным и добрым словом вести в любые жизненные или заоблачные высоты. Мы еще не знали, что среди россиян, способных вести в даль и не заблудиться – считанные единицы. В нашем седьмом был один из таких ведущих – россиянин германского происхождения, умный, спокойный и серьезный Альберт. Может быть, его абсолютно не волновало наше завтра, наше светлое будущее; может быть, он видел в нас одну беспорядочную толпу, не умеющую мыслить отвлеченно от указующего перста. Во всяком случае, часть моих провинциальных ровесников умели мыслить только в рамках дозволенного еще и в начале шестидесятых, когда нам был твердо обещан коммунизм, когда Иосифа Бродского (в числе многих других) истязали в психушках колыбели революции, когда учили уму-разуму в по-прежнему легендарных ленинградских «Крестах»...

День сегодняшний не менее трагично-комичен. Европейски образованный президент России, как было у нас от века, по-прежнему самолично шелкает «кнутом» каждую отдельную заблудшую (неразумную) овцу. Речь о переносе нитки нефтепровода на сорок километров (?) от Байкала. Вместо семисот (?) метров, запланированных проектантами. Как тут не вспомнить незабвенную дверь Фонвизина, которая бывает то «прилагательной», то «существительной». И почему отнести нефтепровод именно на сорок километров? При всеобщей безалаберности россиян надо все непременно относить хотя бы на Северный полюс...

В чем сегодня главное отличие глубинного провинциала от тех, что были молоды полвека тому назад? Они научились задавать вопросы, но абсолютно, в отличие от нас, не умеют работать. Научатся? В массе? Никогда. Единицы, да, но они и от века умели работать и мыслить, ничего не меняя в позитивном плане истории России.

Этот вселенский разлад, эти мельничные жернова на цыплячьих шеях нашего завтра Бродский проследил в стихотворении «Остановка в пустыне» еще

сорок лет тому назад. Сегодня от одного названия мороз по коже. «К чему близки мы? Что там впереди? Не жлет ли нас теперь другая эра? И если так, то в чем наш общий долг? И что должны мы принести ей в жертву?»

– Это был 1966 год. Изменилось ли ваше представление с той поры?

– Нет... Однако я думаю, что наступающая эпоха, обновляющийся мир будет менее духовным, более релятивистским, более безличным, я бы сказал, менее человечным. Для меня это вполне очевидно. Но я не вижу необходимости приносить какие-либо жертвы (Б.К.И., С.27. 1974 год).

* * *

Жизнь такова, какова есть. И больше ни какова. И очень часто, не спрашивая нас, принуждает приносить ей жертвы. И сам Бродский жил не просто в постоянном размышлении, что вполне естественно, но и одновременно в постоянном стремлении, к преодолению чего-либо. Это ли не жертва времени. Это ли не советская закуска из детства, юности нашего поколения.

Б.К.И., С.22:

– Расскажите о вашей жизненной философии.

– Никакой жизненной философии нет. Есть лишь определенные убеждения. С натяжкой это можно назвать философией. Могу назвать это философией стойкости, возможностью выстоять. Довольно простая вещь. Когда находишься в плохих обстоятельствах, перед тобой выбор – сдаться или пытаться противостоять. Я предпочитаю противостоять, сколько возможно.

На С.36. Б.К.И. тема противостояния продолжена Бродским не совсем обычным способом самобичевания:

– ... Мне нравится Нью-Йорк. Для людей более уравновешенных это, возможно, плохое место, но для такого мазохиста, как я, здесь очень здорово...

Мазохизм:

1. Вид полового извращения, при котором для получения полового удовлетворения необходимо ощущение боли.

2. Получение морального удовлетворения от причинения себе нравственных страданий.

3. Самоистязание.

* * *

Подходы к жилью поэта на Гринвич – Виллидж и сама квартира, пожалуй, вполне достойный хозяина тренажерный зал (физически и нравственно) для противостояния различным малоприятным жизненным обстоятельствам. Уж если обычному журналисту спуск в его квартиру показался дорогой в глубокий

подвал, то какие мрачные бездны, ступени какого Дантова ада каждый раз рисовало при этом раскрепощенное воображение поэта – уму обычного смертного непостижимо. А больное сердце поэта, вынужденное по воле своего хозяина преодолевать излишние физические нагрузки, и так-то предельно увеличенные обилием нравственных перегрузов.

Никто из журналистов, побывавших у Бродского на Гринвич – Виллидж, отчего-то не приметил хоть что-нибудь (кроме принесенных гостями цветов) раскрепощающее, расслабляющее душу поэта. Одни книги. Повсюду книги. Б.К.И., С.289: «Название книг говорит о широте интересов и познаний их владельца: 82-томная русская энциклопедия прошлого (девятнадцатого) века, литература на нескольких европейских языках и множество английских словарей».

Журналист не поленился посчитать до 82. Меня больше всего интересует тоже энциклопедия. Любая из книг, кроме заложенной в ней информации, несет свой особый посыл умениям читателя размышлять рядом с нею. Энциклопедия тем уж более строга и дидактична в отборе посылов. Трудно угадать мысли абсолютно незнакомого по жизни человека, но едва ли на душу (на разум) Бродского веяли теплом и ответной любовью сыновней согревались эти 82 тома о глубинной и внешней жизни территориально великой державы, наделенной несметными земными ресурсами. И, тем не менее, отчего-то все время живущей на задворках ума, мысли, развития территориальных крохотуль, не имеющих под ногами ничего, кроме земной тверди.

* * *

Поэт и прозаик адыг Каримизе Жане (1919-1983 гг.) в книге рассказов «Аул Шапсут улыбается» как-то шутя, неназойливо, незаметно, возможно, не осознавая этого, дал образ жизни, быта и порядков в России на примере выкинутых на ветер денег комбайнера, заработанных тяжелейшим трудом за время уборочной кампании. Механизатор приобрел мебельные гарнитуры в приданое своим новорожденным дочерям, заставив аул Шапсут улыбнуться первый раз.

Одним-единственным словечком Каримизе Жане опять же неназойливо и на века отразил свою собственную человеческую деликатность, вероятно, свойственную раньше адыгам вообще. Когда-то свойственную и русичам, но – поколения россиян, неоднократно «причесанные» – с вырыванием не только волос, но и голов – железной революционной гребенкой (и более поздними мелкими революциями) – утратили свою собственную деликатную самость.

Почти утратили. Во всяком случае, сегодня русичи не столько деликатно улыбаются, сколько оглушительно хохочут даже тогда, когда рядом кто-нибудь падает, поскользнувшись на земной тверди. Реакция раба и варвара. О нрав-

ственных падениях и реакции на них имяреков – рука не пишет. А приданое новорожденных дочек комбайнера, стоявшее в обычном сарае, практически стало трухой еще до того, как малышки пошли в школу.

Вероятно, останься Бродский в России, сумей остаться, то его жизнь, его человеческая суть неприкасаемого мыслителя, прочесанная Бог уж знает какой по счету и уровню русской железной гребенкой, могла оказаться не дороже мебельного гарнитура для будущих невест из рассказа Каримизе Жане. Во всяком случае, поэта, дважды отмеченного гениальностью, Россия бы не имела – это истина. Свободолубивому Мшвери не спеть в полный голос, на любой пуховой постели нежась, если она стоит в просматриваемой и прослушиваемой со всех сторон... хоть золоченой клетке. Давно ли мы перестали говорить и слушать личайшую для мыслящего человека тираду – «Не высовывайся, тебе больше всех надо?»

* * *

Можно сказать о подобной любви – нелюбви в рамках целого народа. Вероятно, в мире есть и другие кандидаты, но русский народ, несомненно, в этом ряду стоит в числе первых, потому что был изначально и многожды унижен. Унижения продолжаются. Бродский не переносил, сказала, вероятно, некоторая двойственность его национального родства и места рождения, когда российскую расхлябанность, трусость, неразвитость, глупость несусветную... объясняли наличием в истории россиян, в частности, татаро-монгольского ига. А еще ведь была и не менее личайшая подпитка смутных сторон распахнутой навстречу теплу и свету русской доверчивой душеньки – крепостное право. Все это и многое другое, но в различных ипостасях русичи ошущают и по сей день, и конца испытаниям не видно...

Возможно, и поэтому мыслящему человеку трудно изо дня в день видеть перед глазами эти 82 тома и не думать при этом о постоянно спотыкающихся даже на ровном месте... России и россиянах. А тем уж более, не терзать сердце думами: бесконечными и тревожными мыслями о родителях, живущих в России. Они-то уж точно всего-навсего только существовали в рамках любви – нелюбви великой территориально страны. Народ которой вынужден вечно «выдавливаться из себя раба» (Антон Павл. Чехов). С большим или меньшим успехом преодолевать эту генную униженность такой нечеловеческой одержимостью, что маленькому чистому небу домашнего очага каждого отдельного человека, его родной семье частенько приходится жарко, казалось бы, на абсолютно свободном и чистом пространстве.

Даже вполне самодостаточный человек на второй – пятой фразе спокойного разговора начинает по капельюшечке «закипать», иногда еще пытаясь сдерживать

вать свои неуправляемые вековые невольничьи порывы, иногда вполне непроизвольно подгоняя свои закипания. Это генное раздражение на краткий миг можно снять шуткой. Но шутку у нас, если есть кому пошутить, лучше всего воспринимают только дети. Молодые люди обычно берут секунды на размышление – шутка теряет саму упругость и уместность. Пожилые – чаще всего, в эти секунды попросту пугаются. Им в этот миг, вероятно, мерещится шутка сталинских времен: «все оставят на своем месте, снимут одну голову». Поэтому и беседа вполне приличных людей, если нет какой-то особой (партнерской) заинтересованности, частенько не доставляет желаемого душевного отдохновения, расслабления.

* * *

Много лет тому назад, работая над своими заметками о сыром и сером романе Василия Ив. Белова «Все впереди», встретила там одну гениально-прекрасную фразу – «Она не знала, как держать рот». Да, униженный человек вообще, а гено униженный, в частности, абсолютно лишен умения управлять своим лицом в какой-нибудь неординарной ситуации. Пример из «высшего эшелона». По телевидению, непонятно для чего, дали провокационный кадр во время «свержения» Михаила Серг. Горбачева. Лицо вчерашнего вальяжного Генсека было настолько искажено страхом, что у меня к М.С. до сих пор отношение двойственное. Проще сказать – ни видеть, ни слышать его больше не хочется.

Припоминаю одну выборную кампанию одного из глав областной администрации. Перед самым последним рывком до кресла главы, обшарась с ним по журналистским надобностям. Главный кандидат, еще не совсем уверенный в своем избрании, буквально «не знал, как держать рот». Был весь какой-то суетливостиснутый, распластанно-приплюснутый возможным унижением, страхом унижения. Было в пору пожалеть относительно молодого и здорового мужика.

Через несколько месяцев, зайдя в кабинет нового главы, еле удержалась от робкого поясного поклона. За столом сидел если уж и не сам хан Батый или помещик-крепостник Троекуров, то непременно их полномочный наместник в цивильном костюме и с дипломом о высшем образовании в кармане. На лице главы, будто с рождения положенное, поконлось привычное для русских чиновников выражение, самую малость, специально и заранее раздраженного «большого» человека, если к нему входил абсолютно маленький, так, букашка на ромашке, обыкновенный журналист, почти проситель по статусу приходящих к нему имяреков.

Пример из театральной серии «Она не знала, как держать рот». 12 марта 2006. Радиопередача о театре. Актриса Ольга Остроумова, отвечая на абсолют-

но простейший, чтобы не сказать примитивнейший вопрос, иногда так ошутимо вскрикивала (меняла тональность), что мои бедные уши не знали куда податься. Выключать радио не хотелось. Не столь уж и часто бывают интересные для провинциала радиовстречи со столичными звездами. Обычно звезды столь беспардонно рисуют себя, так утомляют словесными картинками ширпотребовского искусства, что эта частная галерея, пресыщенная пустопорожностью, порой заметно превышает те знания, которые получены в ходе передачи. Ольга Остроумова виделась абсолютно искренней, но неужели наших народных актрис не в состоянии обучить такой малости: «держать рот» (голос) в течение всей передачи? Или это и есть тот неистребимый провинциализм, при котором человек прежде вскрикнет, а потом уж довольно толково, связно и даже интересно выдаст все необходимое (требуемое)?

30 апреля 2006. Еще об одной передаче «Театр у микрофона». Евгений Стеблов не только безукоризненно «держит рот» (голос), но такой интересной встречи у микрофона, пожалуй, и не припомню. Стоило мне подумать об удивительном рассказчике Стеблове, а ведущий тут же: «Встреча была настолько интересной...» Все так, но анализировать, по правде и по совести, надо бы все-таки только «прямые эфиры». Да и не стала бы упоминать даже о такой небывало интересной для провинциала беседе, если бы юмористка Фаина Раневская, в подаче Евгения Стеблова, не напомнила божественную Анну Андреевну Ахматову. Правда, Ахматова не страдала артистической пафосностью. Не ставила коллегам-литераторам «подножек». Ахматова, в подаче Бродского, тоже первостатейный юморист, но значительно глубже Раневской. Вероятно, почти два десятка лет жить, страхась близкой смерти сына, своего возможного ареста, гибели – не выжить, если не смотреть на всю эту человеческую пустопорожнюю суету с юмором, а на людей – с жалостью, которая и есть любовь.

* * *

В книге Людмилы Штерн есть эпизод, где Иосиф Бродский, выступая в роли просителя, доводит до белого каления начальника всех ленинградских геологов. Для человека, которого через ... пять лет назовут гением, прямо скажем, спектакль низкопробен. Тот несчастный советский начальник был предельно затуркан только одними постановлениями съездов компартии – одно противоречивее другого, если попытаться их осмыслить, вникая в глубину, в суть, которой попросту и быть там не могло.

Едва ли за всю свою докомандную жизнь – потом пошла косяком другая рыба – тот униженно-приглаженно-растрепанный нервами начальник прочел хотя бы сотую долю того, что надежно и с перспективой, как оказалось, уло-

жилось в памяти и разуме молодого шапопая, еще сокрытого от мира гениального поэта. А уж дарованное небесами умение обдумывать прочитанное, мыслить по-настоящему широко, глубоко и всеохватно, вероятно, от века было свойственно единицам. Маленький островок индивидуальности, дарованный человеку за здорово живешь, пользуйся им... на все сто.

Милые россияне на уровне правительства и раскрепощенной общественности десятки лет говорят об отмене (сохранении) смертной казни. Страшно подумать, сколько простодушных, чистых делами и помыслами солдат внутренних войск в еще более благополучные для страны (армии) времена... буквально утонуло (погибло) в этой пустопорожней говорильне. Сколько заматеревших тюремных надзирателей от солдата и до высшего командного состава сами превратились в подоприе преступников, занимаясь годы и годы перевоспитанием убийц и насильников-разбойников. Об этом пока что ни один из говорящих с высоких трибун не упоминал. Может, их детки не служили и не служат в подобных отстойниках? Правда, сегодня умудрились стать отстойниками и некоторые вполне приличные ранее воинские части. Но это другой вопрос.

А тот бедный ленинградский начальник, которого «достал» по полной юношеской программе Ося Бродский, скорее бы застрелился, согласно этике строителя коммунизма, чем так «опозориться» в глазах ближних поступком из серии – в доме для умалишенных, на который (поступок) Бродский попросту не обратил внимания. Строчки из книги Людмилы Штерн: «... в тот год Бродский, приглашенный на день рождения к моей дочери Кате, подарил ей ракетку для бадминтона... Преподнести такой подарок двухлетней девице еще куда ни шло, но новорожденной – ни в какие ворота».

Золотые слова для всех и про всех, кто не гении. Желал Бродский того или это получилось невольно, но он данным подарком открыто сказал нам о собственной гениальности. Сочинения Иосифа Бродского. Эссе «Меньше единицы», С.7: «... в возрасте лет десяти или одиннадцати мне пришло в голову, что изречение Маркса «Бытие определяет сознание» верно лишь до тех пор, пока сознание не овладело искусством отчуждения; далее сознание живет самостоятельно и может как регулировать, так и игнорировать существование...»

С Бродским (его словами) спорить в данной ситуации практически невозможно. И по причине отсутствия поэта, и по причине глубины (обдуманности) сказанного. Хотя у меня есть право написать архитривиальную фразу: все сказанное поэтом вопрос спорный, но очень интересный, привлекающий, как магнит, растревоженную литературную душу, особенно с первых секунд прочтения, пока текст идет автоматически, абсолютно неосознанный. Но меня, тоже абсолютно, привлекает, гипнотизирует совсем иной аспект сказанного поэтом: ребенок, даже не подросток, был способен на такие глубокие философские вы-

кладки (рассуждения). Значит, Бродский с младых лет жил, опережая своих биологических ровесников, по крайней мере, лет на десять. Это, вероятно, и есть один из определяющих аспектов гениального человека.

А гениями мы не затоварились. Если взять во внимание только прошлый двадцатый век, то у нас был один гениальный поэт (эссеист) – Иосиф Бродский и, возможно, писатели-философы. Тогда как мы, как ветер зерновую полову при обмолоте, рассыпаем повсюду «клички» о гениальности имяреков, в частности, и в мире литературы. Моя любимая Вологда умудрилась настолько опростоволоситься, что в книжечке «Неодинокая звезда» (1991 г.) назвала гениальным, как грязью облила, хорошего лирика-песенника, и ни капелюшечки больше – поэта Николая Михайл. Рубцова (1936-1971 гг.).

* * *

Скорей всего, тоже заставила улыбнуться, но по другому поводу, светлую тень Иосифа Бродского и профессор кафедры литературы Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктор филологических наук Елена Галимова: «Общее впечатление от второго сборника А.Р. к сожалению, снижает и слишком ошутимое влияние поэзии Иосифа Бродского – влияние, прежде всего, интонационное. Конечно, ритмико-мелодические открытия Бродского во многом определяют звучание современной поэзии, но для такого самостоятельного и зрелого художника, каким стал А.Р. к середине девяностых годов, любые «прививки» подобного рода могли бы проходить менее болезненно» (Журнал «Северная Двина – XXI век», №2, 2004).

В равной мере по сержам получил каждый из двух мужчин. Душу Бродского и при жизни подобные прононсы не колыхали. Он – повторяюсь – спокойно шел своим путем. Еще, вероятно, и не совсем четко осознавая особость этого пути. Но, тоже вполне вероятно, ошущая его присутствие в обширном пространстве, как близкий электрический разряд. Не убивающий, но заставляющий держаться настороже, особняком, в ожидании. Ко всему, если постараться, можно привыкнуть настолько, что после всплеска слабейшего и кратчайшего нервного импульса станешь жалеть хулителей больше себя самого. А что и как за поэтом подбирают – это проблемы подбирающих.

С Бродским все проще нежного летнего облака. Зато уж поэта из Архангельска – дай-то Бог во благо – высекли, как того Митрофанушку, стоящего в раздумье у дверей и гадающего: «прилагательная» эта дверь или «существительная». Ибо эта истина неколебима: на кремневую, стержневую, самостоятельную натуру повлиять вообще, а уж «слишком ошутимое влияние оказать» – практически невозможно. Это удел Митрофанушек, – сырых, серых, тусклых.

неустоявшихся, слабых, слабейших, совсем уж ничемушных созданий. Означенному А.Р. – 50 лет. За плечами Литинститут и членство в СП России.

По мнению Бродского, каждый пишущий абсолютно самостоятельная единица в бурном литературном мире. Б.К.И., С.11:

– ... Прежде всего никто не может помочь писателю писать, да?.. Человек должен все делать для себя сам... Сверх того, литературная работа, как и всякая работа в области искусства, очень индивидуальна и требует уединения. Вы здесь ничем помочь не можете. Все, что вы можете, это помогать людям публиковаться, но я не уверен, что и это очень полезно...

Заковыристо-занолистая фраза (на пустом месте) дважды отмеченного учеными званиями филолога прошла бы мимо сознания, заставив машинально и мимолетно улыбнуться людской суете и суетности около имен великих. Не более. Но именно в это время в очередной раз просматривала Б.К.И., где почти каждый ответ Бродского на вопросы журналистов заставлял не просто думать, сопоставлять параметры, законы создания литературных произведений: высоких, глубоких, прекрасных. И не всегда подвластных уму среднестатистического россиянина. А тут досадливая фраза о «самостоятельном и зрелом художнике», которого надо по-прежнему сечь, как беспомощного Ваньку Жукова. Впрочем, беспомощность при чтении Бродского; того, что он сам рекомендует в творчестве других литераторов, гостя не столь уж и редкая.

Естественно, едва ли смогу когда-нибудь душой – разум давно проник – оценивать вершины поэзии Уистана Хью Одена (1907-1973 гг.). Так ведь ни в одной из литературных компаний – от Вологды до Архангельска – при мне пока что не обшались, уж если и не поклонники Одена, то хотя бы сносно цитирующие его стихи. В частности, и эти пять строк, о которых Бродский сказал: «Это превосходные стихи». Б.К.И., С.39:

Приди в нашу веселую глушь
Где даже девушки распутничают
Где окурки
Становятся задушенными друзьями
И где всегда три утра

Пища заметки о Бродском, было бы непростительно пройти мимо творчества его любимого поэта. В моем распоряжении – прелести жизни в глубинке, только подборка стихов Одена в сборнике «Западноевропейская поэзия 20 века». Поскольку поэтические горизонты составителей книги и Бродского – несопоставимы, то божественных «окурков» в сборнике нет. И есть возможность еще раз отметить необычайность тонкого поэтического вкуса Бродского, столь уж удачно представившего У.Х. Одена в Б.К.И. его непередаваемыми «окурками». И напрашивается грустнейшее обобщение, а что – если большая часть стихов

во всех этих великолепно изданных и оформленных литературных фолиантах является далеко еще не самыми лучшими в творчестве названных поэтов. Вот уж великое и запоздавшее «неспасибо», в частности, в адрес составителей книги «Западноевропейская поэзия XX века».

* * *

Считала, что лучше, точнее и глубже душу поэта, сокровенный кусочек этой души никто пока не подат, кроме Александра Блока, но только в этих двух строчках – «Там жили поэты, – и каждый встречал/ Другого надменной улыбкой». Все остальное стихотворение излишне закручено, а потому – замучено, концов не найти. Еще почти три десятка строк, где все неперенные атрибуты обозначены – «напивались», «под утро рвало», «работали тупо и рьяно...». Типичный образ излишне расслабившегося обывателя, правда, «работающий тупо» не сможет «работать рьяно». Обыватель, тем не менее, способен, вопреки словам поэта, увидеть – «И косы, и тучки, и век золотой...»

Много лет тому назад расширилась в капитанской рубке о красотах, которые остаются на пролетающих мимо берегах Сухоны. Капитан быстроходной «Зари», человек умный и строгий, деликатно прервал: «Зачем говорить о том, что и так все видят». Вот так, а я сочла, что все, кроме меня и Блока, тонут «в обывательской луже» и надо их в спешном порядке тащить в мир прекрасного.

Вероятно, болезненный разум Блока не справился с нахлынувшими чувствами, и он заканчивает стих о поэтах вселенским взрыдом и всхлипом. Который сопоставим только с инфантильностью изнеженной институтки, абсолютно незнакомой с главным отрицающим правилом создания любой достойной литературной поделки: чем больше слезливой страсти на бумаге, тем холоднее душа читателя, чтобы не сказать больше. Тем уж более, если это страсти личного плана – «Пусть я умру под забором, как пес./ Пусть жизнь меня в землю втоптала./ Я верю: то бог меня снегом занес./ То выюга меня целовала».

Друзья-поэты напрочь забыты, остались где-то на обочине безбрежной поэтической дороги. Возможно, что и подобные «всхлипы со взрыдами» были неприятны мужчине Бродскому, когда он признавался в своей нелюбви к Блоку. Б.К.И., С.298: «Блока я терпеть не могу». Возможно, и что другое отвращало гения от неординарного человека и поэта Александра Блока. Ниточка неприятия Блока просматривается в поспешности и пренебрежительности, с которой Бродский процитировал слова Ахматовой. Б.К.И., С.514: «А вот Блок прошляпил свою поэму «Возмездие», поскольку использовал чужую строфу». Не веду речь о строфе, но этично ли так уничтожитель-

но и категорично отзываться о больном духом поэте, произведение которого все-таки осталось незаконченным. Вероятно, миру известно мало примеров, подобных незавершенному совершенству романа «Первый человек» Альбера Камю, погибшего в автокатастрофе (1913-1960 гг.).

* * *

Неприятие поэтом Бродским поэта Блока, вероятно, достигло вершины горного пика, когда гений не включил (не написал) свой рассказ о творчестве Блока в книгу эссе «Меньше единицы»... божественно-прекрасного по мнению всех, кто прочел его с удовольствием, и даже тех, кто его попросту одолел. При написании последних эссе Бродскому исполнилось 45 лет, и он не домик из песка строил, а создавал за рубежом – честь и хвала ему за это – коллективный литературный образ русских поэтов первой половины двадцатого века.

Александр Блок не менее полноправный и самодостаточный поэт среди всех, засветившихся в книге эссе... Устанавливаю абсолютно неадекватное, но все-таки равновесие... со стороны Бродского. Он необычайно глубоко, широко, всеохватно любил поэзию Мандельштама, находя каждый раз для разговора об этом на страницах Б.К.И. далеко неординарные слова для вполне достойного восхваления поэта и человека Осипа Мандельштама. Так и напрашивается недостойная параллель: сказывалось национальное родство, хорошо натажившееся на родство поэтических душ (вспомним безоглядное обожание Кейса Верхейла ко всему, что носило эпитет «голландский»). Эту любовь-обожание к Мандельштаму юморист Анна Ахматова обозначила бы, вероятно, так – «Бродский – самая неутешная «вдова» Мандельштама». (В противовес словам Анны Ахматовой в адрес Надежды Мандельштам. Которую Ахматова, по словам Бродского, назвала самой счастливой из всех литературных вдов. Б.К.И., С.45).

* * *

Если бы у кого-то из нас имелось право просить или не просить хоть кого-то, то Бродскому можно простить все за эссе о беспредельно любимой нами Марине Цветаевой. Речь только о количестве написанного. Ибо качество строки эссе Бродского... само собой разумеется. Его эссе длиннотами не страдают. Чем грешит, по мнению Солженицына, поэзия Бродского. В эссе Бродский обычно укладывался с его небывалым обилием мыслей и знаний в малое пространство среднеарифметических 5-10 страниц. Но широко и привольно шагнул сразу за сорок, только писал о Цветаевой и Олене.

Посмотрим на самое традиционное по написанию стихотворение любимого Бродским Уистана Хью Одена – «Романист». Тоже о поэтах: «Мы судьбою не обласканы./ Мы возьмем судьбу за лапканы». Дальнейшую судьбу своего стиха о поэтах Оден взял «за лапканы» настолько уверенно и твердо, настолько глубоко и жизненно, применительно к бытию поэтов всего мирового пространства, что осталось только руками развести и порадоваться за тех, кто способен прочесть самый лучший из сборников Одена на языке оригинала – «Лжеправедности изучать науку». «Воспеть разврат, когда того хотят», «И мучиться, как от сердечной боли./ За выпавшие нам свинячьи роли».

Мороз по коже, но подобное самобичевание, самообличение, умерщвление по капле чистой и честной от рождения души перед всем белым светом, прежде всего, довелось встретить у Виктора Петр. Астафьева (1924-2001 гг.). Начало девяностых. Новосибирск. Астафьев дает интервью спешкору волог. обл. газеты «Красный Север». Почти дословно: «Исподличался я, работая журналистом...» Чья раскрепощенная небесами литературная душа не курлыкнет стыдливо-потаенно при чтении этих предельно покаянных слов Астафьева. Не припомнит какого-нибудь завалящего штришонка из личной трудовой биографии социалистических буден, когда в очередной раз рядом с начальником приходилось делать спокойно-согласное выражение лица, без слов подтверждая, что «на Шипке все спокойно». Даже и в том случае, когда трепещущую от боли, обиды, негодования... душу рвали на части несогласные с начальником нравственные тайфуны и цунами.

Обстановка текущего дня еще более напряженная по всем параметрам. То ли действует разброд мировой нравственности. То ли предельно устала за тысячи лет тонкая, чуткая душа россиянина. То ли давний крепостной раб не может доблестно жить и трудиться без свистящего рядом кнута. То ли потомок бывшего раба, ставшего господином-руководителем, не приемлет иных мер воздействия на свое подневольное «стадо», кроме кнута, хотя бы и в форме нравственных зуботычин-оплеух...

В таком-то растревоженном душевном состоянии еще раз перечитывая процитированный выше абзац из заметок профессора кафедры литературы Архангельского Поморского госуниверситета, в который уж раз удивилась способность человеческой души все-таки увидеть свет в конце туннеля. Таким светом стала радость, удивление, возможно, гордость – школа градаций чувств при соприкосновении с творчеством Бродского слишком уж насыщена – удивилась тому, что мое мнение о прозе Бориса Леонид. Пастернака (1890-1960 гг.) иден-

тично словам Бродского. Меня – только и всего-то – не удовлетворяет какая-то нарочитость, непрописанность, непроговоренность...

Возможно, здесь сказалась и подцензурная соковыжималка. Или уж слишком был велик шум положительности момента около этого романа. Значит, и требования к нему выросли до небес и капелюшечку выше. Но, в любом случае, не прилегает душа к этому «Доктору Живаго». Бродский, естественно, любую книгу воспринимал в абсолютно ином аспекте. Возможно, не совсем пренебрегая и перечисленным. Но его аспекты, колыбель безбрежно мыслящего гения. Ну и пусть. Ну и на здоровье. Каждый сверчок – знай свой шесток. Даже распрекрасно знаем.

И тем уж более, нелегко для обычного смертного повторять слова о каких-то несуразностях про «прививки» провинциальным старейшим литературным имярекам. Ах и увы, но на сегодня, в разрезе: Бродский и литераторы России – мы частенько имеем то, что имеем. Критику на уровне критиков. Но все, покоренные дважды и трижды (проза, поэзия, интервью) гениальностью Бродского, познавшие хотя бы только тропинки к подходам его творчества или слабо (виртуально) обозначенные, но желанно осязаемые душой и разумом пунктиры – все из нас надеются на лучшие времена для более близкого соседства просвещенных масс и творчества Бродского. И эта надежда из тех, что живет вечно. А число «прививочников», не дотянувших даже до вершин собственных литературных горизонтов, у Бродского будет великое множество до тех пор, пока землю-матушку не посетит гений равного ему масштаба, не отвлечет на себя острее пик и стрел. А там уж пусть равновеликие резвятся на небесах, по-своему перекраивают на части виртуальный мир. Виртуальный. И красиво звучит, и загадочно одновременно.

* * *

Если в каждом таланте есть хоть капелюшечка гения, то в каждом гении все имеющиеся таланты неразделимо спрессованы – воедино и безраздельно слиты. Растворяясь в «мыслительном» космосе, гений утрачивает многое из того, чем неизмеримо радуется талант обычного смертного. В частности, высочайшее из земных творческих наслаждений, верх земного поэтического блаженства – писание стихов для детей. Удивительная просветленность и расслабленность, раскрепощенность ума, души и сердца в момент письма детского стиха, полнейшее отсутствие тисковой зажатости страхом, неверием в себя, неуверенностью в своих способностях. Естественны или видятся таковыми, но присутствие всех этих и множество других архиприятных и светлых чувств еще долго согревают и радуют душу и после завершения детского

стиха: легко, приятно, просто дышится. И мир видится и воспринимается на уровне примерных ощущений.

Было бы нелепо ждть от гения, жившего на иных духовных горизонтах, слов «речонка», «девчонка», «волнушка», «веснушка»... – но душа обычного смертного, хоть колуном ее оглаживай – все равно ждет милого детского лепета в адрес единственного и богоданного мальчика (есть еще и сынок), – посвященных дочке-мальшке.. В этом стихе не найти уголка (строчки), где бы дружно жили-были только «папа, мама и я». Эти стихи рассчитаны на восприятие взрослой дочери, да еще и мыслить умеющей философски. В этом весь Иосиф Бродский. И все-таки в послании дочушке его безбрежная, припоплавшая по возрасту отцовская любовь – отчетливо прописана в таких глубочайших по самоотдаче, самоотреченности, много говорящих, но простейших до бытовизма фразах. Отец ради дочери согласен «или стоять как мебель в углу», «через двадцать лет я буду смотреть, как ты расцветешь», «в общем, помни, что я буду рядом».

Одно стихотворение, несущее ужас гибельности, прелестно-жуткое до озноба, можно счесть детским, если не задумываться о его сути, но это стихотворение все-таки предназначено для взрослых, хотя в нем невероятная (детская) легкость стиха. Возможно, и по этой причине – «прелестно-жуткое до озноба» – Бродский отказался от писания стихов для детей. – «Вряд ли там кто-нибудь, кроме солнца садится./ как успела шепнуть/ аэроплану птица», «Часть речи». С.448.

* * *

Каждый имеет право на собственное мнение, поскольку все познается в сравнении. Но есть в нашей жизни предметы, явления, которые попросту ни с чем несопоставимы, не подлежат сравнению. Они всегда располагаются на одном уровне, но по разные стороны бытового или творческого горизонтов. Иосиф Бродский (поэту 49 лет) счел нужным сравнить несравнимое. Б.К.И., С.444:

– Поэзия по сравнению с прозой то же, что и воздушный флот по сравнению с пехотой в армии.

Заметно раньше (поэту 39 лет) он несколько поспешно согласился с журналом, разделившим уровни поэтического и прозаического горизонтов на две неравнозначные ступени. Б.К.И., С.110:

– Поэты наверху, прозаики внизу?

– Ну это само собой...

Иное, не менее жесткое, но все-таки более точное определение, если такое разделение равновеликих искусств вообще возможно: «... писать прозу – значит распустить язык, а поэзия обращается с ним экономно». Б.К.И., С.215. 1985.

Если принять сказанное за истину, а эта капризно-строгая дама живет только в необдуманности сказанного, все обдуманное чаще всего является подделкой под обстоятельство. В такой-то ситуации куда же – на первую или вторую ступеньку – отнести эссе Бродского, которые ни капли не хуже, а, может, и лучше его лучших стихов. Таких произведений, которые спокойно разместятся на одной ступеньке с поэзией, в мире великое множество: «Бессонница» Александра Крона (1909-1989 гг.), «Каторга» Валентина Пикуля (1928-1990 гг.), «Луна и грош» Сомерсета Моэма, «Привычное дело» Василия Белова...

Главное достоинство этого дважды великого ряда – и по количеству названных произведений, и по внутреннему содержанию – в том, что у каждого из нас он будет хоть немножко, да иным.

Выстроивший вкупе с журналистом из равнозначной литературной горизонтали нелепую двухъярусную вертикаль, стихи для детей, по всей видимости, Бродский всерьез просто не воспринимал. Определенного высказывания (плюс или минус) по поводу писания детских стихов в Б.К.И. нет. Щадили журналисты семейную неустроенность поэта? Вообще их не интересовал данный вопрос? Считали несерьезным (неподходящим) занятием для гения? Прощирую прекрасный абзац, который к данной теме относится только вариативно. Вырывать из абзаца только две половины необходимого предложения... не могу. Так задумано. Б.К.И., С.20:

– Кто ваши любимые композиторы?

– Прежде всего, наверное, Бах и Моцарт. Однажды, много лет тому назад, один из моих друзей в России, с похвальбой отзываясь о моих стихах, сказал: «И все же, Иосиф, у тебя нет той легкости, которую достигает Моцарт. Твоя поэзия несколько тяжеловесна». И я попытался бессознательно, а порой даже и сознательно, говоря на серьезные темы, добиваться этой легкости, почти невесомости. Однако это довольно опасное занятие, поскольку поэтические средства достаточно ограничены. Порой она начинает звучать как детский стишок, а это далеко от задуманного. У вас в английской поэзии много тому примеров. Стихотворение У.Х. Одена «Памяти У.Б. Йейтса» послужило мне образцом для «Стихов на смерть Т.С. Элиота». Я попытался повторить метрическую основу Одена в третьей части – короткий размер. Некоторые обвиняли меня, утверждая, что это похоже на детские стишки...

Возможно, простодушно-пренебрежительная фраза «детские стишки» имеет сугубо английско-американские корни. А Бродский только машинально повторит ее. У них – Англия, Америка – может быть поэтов, пишущих для детей... пруд-пруд. Им хорошо пренебрегать. А вот наш милый Север в данном плане изрядно «подзабыт» на морозе. В двух громадных северных областях – Вологодской и Архангельской – практически нет ни одного профессионала, члена СП России, пишу-

шего для детей. При том, что пишущих стихи для взрослых – мороз не долит. Только членов СП наберется до полусотни или значительно больше. Самостоятельных поэтов около или больше тысячи. Если каждая просчитанная здесь поэтическая единица сочтет нужным, пользуясь методом Бродского, опростит (превратит) одно из своих многочисленных стихов для взрослых – в «детские стишки», то ребяташки Севера получат свежий литературный «витамин» в избытке.

Сколь ни прекрасен «вздыхающий и качающийся бычок» Агнии Львовны Барто (1906-1981 гг.), но ведь сегодняшний полуконьюктерный почемучка, для которого расстояний, времени и пространства просто не существует, вправе спросить: «Эта тетя-писательница, где живет? Давай пригласим ее к нам в гости». И многие ли из молодых родителей мгновенно сориентируются хотя бы приблизительно в годах жизни данного автора. И, без сомнения, – дурной тон и духовная ущербность просматривается и в том, если, ежедневно читая ребенку подобные божественные стихи на ночь, каждый раз сообщать, что тетя-писательница давно умерла, еще твоей мамы на белом свете не было.

Пиша данные заметки, все время посматривала на один из любимых портретов Бродского. Лицо необычайно одухотворенное. Впитавшее мировое пространство: впитанное мировым пространством и равно рассеянное в нем. К величайшему сожалению, нет даты снимка. (Обложка Б.К.И. Фото Якова Гордина). Трудно сказать стопроцентно, но ощущение легкого и даже быстрого писания – будто бы витало над моим столом. Не приходилось вымучивать задуманное. Но все время смущала, бросала слабую душу из огня да в полымя – простейшая и, вероятно, вернейшая мысль: горизонты моих размышлений о творчестве и жизни Иосифа Бродского не рассмотреть и в самый сильный телескоп мирового литературного пространства. Они не проявляют в должной мере даже той части его дара, которая лежит на поверхности, осязаема всеми органами чувств, видима и понятна всем смертным... Чем сердце поутешила? Цитатой из Бродского. Б.К.И., С.9:

– Дело в том, что когда человек всерьез посвящает себя какому-нибудь виду деятельности, в моем случае изящной словесности, он и без того сталкивается с массой проблем и сложностей, вытекающих из самой сути этой деятельности. – например, сомнения, страхи, беспокойства. – и это само по себе сильно действует на мозги...

Октябрь 2005 – апрель 2006.

* * *

Иосиф Бродский будет жить в памяти ценителей освященной Богом литературы до тех пор, пока на земле существует цивилизация ума и мысли. Все.

писавшие о Бродском, удостоятся одной строки: «Имярек написал первую книгу о поэте», «сто двадцать первую», «самую интересную», «... правдивую», «... достоверную», «... глубокую», «удостоенную приза (премии) международного комитета по литературному наследию гениев...»

Одно исключение из этого достойного правила существует уже сегодня. Две строки рядом с гением займет только Евгений Рейн. Единственный друг Бродского, что до последних дней жизни постоянно подчеркивал и сам поэт. Евгений Рейн – человек, увековечивший гения буквально и фигурально, создавший пожизненный фильм о поэте «Прогулки с Бродским» (Ноябрь. Венеция. 1993). Смотрела фильм трижды, но душа моя испытывает прежний голод неутоленности.

Прежде всего, неприятно царапнула душу частичная вторичность названия фильма. Припомнилась первая книга прозы из нескольких послелагерных, написанных за пять с половиной тюремных лет в форме писем к жене, Андрею Донат. Синяевского, литературное имя – Абрам Терц (1925-1997 гг.). Книга называлась «Прогулки с Пушкиным». Обидно. Не хотелось бы переключки гения ни с одним из самых превосходных литераторов мирового пространства. А в данном случае произошла и прижизненная, отчасти казусная переключка трех литераторов одной национальности и сходной жизненной судьбы. Приказ на арест Синяевского и Юлия Марк. Даниэля (1925-1988 гг.) был подписан одновременно с приказом о досрочном освобождении Иосифа Бродского. «Свято место пусто не бывает», – сардонически заметил Бродский. («Большая книга интервью», С.217).

В свое время заставил улыбнуться один из литераторов любимой Вологды, предельно, вплоть до написания «карательной» поэмы, возмущенный неподобающей вольностью А.Д. Синяевского, «посмевшего использовать светлое имя Пушкина для своих прозаических изысков». Все течет, все меняется. Классик ошибся. Болото безнравственной узколобости неизменно. Нам по-прежнему требуется моральный кнут, либо кнут другого порядка. Мы по-прежнему шумим, братцы, шумим, и в прежних параллелях. Тем уж более, что сегодня едва ли есть на планете поэт, который бы не терял своей литературной самости от близости с творчеством Бродского. Одновременно и невольно получая взамен, даже против воли или желания имярека, великое множество и не поддаваемых ранее литературных троп, хорошо означенных намеков на них, смутно осознаваемых или четко просвеченных горизонтов небывалых мыслей. Воспользуется имярек этой благостью или нет – его личное дело, но в случае упущения данной возможности всенепременно потеряет земное сообщество. Может быть, и небесное, где располагаются податели данного блага.

Повторю три основных, широко озвученных информационных компонента величия Иосифа Бродского, добиться которых за рубежом пока не случилось

ни одному достойному выходцу из России. – на пять лет стипендиат фонда Маркартуров для гениев (1981 г.), лауреат Нобелевской премии (1987 г.), почетный доктор Оксфордского университета (1991 г.)... Все эти и многие другие знаки внимания (отличия) международного литературного сообщества Бродский успел принять, понять и оценить (осмыслить) к моменту прогулки по Венеции с Евгением Рейном. И все-таки на набережной одной из площадей Венеции, без очков и в шляпе, гений внешне напоминал рыбака или пастуха.

Вопрос только в одном-естественности именно такого внешнего облика или его осознанной отрететованности.

Особенно приятно было увидеть в почетном докторе Оксфорда проказливого и шаловливого подростка Осю, когда поэт, пытаясь дотянуться до основания сводов низких Венецианских мостов, только что не подпрыгивал в неустойчивой моторной лодке (катере). В этом выделась и великая внутренняя раскрепощенность души, внешне все-таки стреноженная везде и всюду условностями быта. И великая жажда жизни, и одновременно вызов далеко не благодушному миру, от века, как цепной пес, стерегущему и подавляющему каждый искренний всплеск всегда благородной и гордой души.

Не менее шекотно, до приятности душевной, было видеть в почтенном профессоре мальчишку-хвастунишку: «Единственный человек, который набил в строчку 10 слов, может, 9, по крайней мере, 7». Реальной, преимущественно, и оказалась «крайняя мера». Бродский вел речь «о набивании строки» божественно прекрасной «Большой элегии Джону Донну».

После просмотра фильма душа мысленно поставила множество приятных или попросту необходимых точек в знакомстве с перипетиями личной жизни и творчества Иосифа Бродского, но еще больше появилось многоточий. Они, возможно, станут точками, когда будет обнародован полный архив поэта (2046 год). Прежде всего, душа перестала болеть ревностью к любви Бродского к Венеции, которую тоже люблю с давних лет, заочно. Любовь эта замешана на жалости по поводу многочисленных журнальных и газетных публикаций о том, что Венеция потихонечку уходит под воду. И не менее многочисленных, но особенно приятных публикаций, где предлагались различные способы сохранения на планете этого бесподобно прекрасного архитектурного творения. Проблема Венеции тех лет была в чем-то родственна проблеме падающей Эйфелевой башни Парижа.

Ах и увы, но бесконечно любимый Ленинград – отчасти скромная, но очень уж широкоформатная копия Венеции (речь об архитектуре). Кольнуло душу обидой при виде чисто кремлевских зубцов на одном венецианском здании. И с этим придется смириться – наш любимый московский Кремль, кремлевские стены – родом из Венеции. Поразительны творческое скудоумие и равнодушные

к прекрасному архитектору, посмеявшегося оставить в Московии кусочек слепой копии из родной ему Венеции. Душа архитектора, посмеявшегося над доверчивыми, чтобы не сказать простоватыми, возможно, экономившими русичами, вероятно, будет терзаема за это творческое недомыслие адскими муками веки вечные. Бог ему теперь судья. И, да пусть не накажет меня Господь, позволю себе усомниться в художественной значимости строителя (проектанта) «нашего» Кремля. Вот если бы венецианский (итальянский) зодчий создал на Красной площади подобие Руанского Собора или что-нибудь родственное ему из божественно прекрасного архитектурного наследия Франции – тогда был бы другой расклад душевных и духовных помыслов копииста из Италии.

Зато по другому поводу душа моя исполняет божественный танго-вальс непередаваемой нежности и гордости, излишне серьезно отнесясь к таким различным по значимости событиям из непростой биографии поэта – гениальность Бродского четырехжды, один раз по небесной воле самого поэта, осенила любимую Вологодчину (фильм – коплаж «Полтора kota»).

1. В начале войны маленький Ося был с отцом в эвакуации в Череповце (1942 г.).

2. Малограмотный (четыре класса начальной школы) дядя Гриша из деревни Сквятино Череповецкого района первым отметил поэтическую необычайность Бродского; его великое умение насыщать строчки стихов обилием мыслей, в отличие от всех остальных поэтов, собиравшихся в ленинградской квартире родителей Людмилы Штерн (Давидович).

3. Был краткосрочным узником Вологодской пересыльной тюрьмы.

4. 29 мая 2005 года приснился автору данных заметок. И я теперь уверена в том, что и жизнь моя была мне дарована только для того, чтобы написать книгу о Бродском, а все оставшиеся мне годы заниматься пропагандой его творчества. И Бог мне в помощь.

Бродский – поэт и мыслитель, недостижим, но душа Бродского в фильме открыта до болезненной осязаемости, до бескровной смертельной ранимости. Фильм дал ответ на самый злободневный вопрос журналистов всех стран – о поездке на Родину, в Ленинград. Душа Бродского, естественно, кровоточила, когда он, стоя у причальной стенки одного из венецианских каналов, с улыбкой, которую легче назвать внутренним плачем, повествовал о том, почему он не может поехать в Россию, в любимый Ленинград, Санкт-Петербург, что еще больше импонировало сути поэта мирового наполнения и значимости. Все очень просто. Страшно. Жизненно. Попробуйте уехать из родного города на двадцать лет без права переписки и возвращения. И тогда вы не просто согласитесь

с гением, ваша душа мгновенно прочтет его боль и обиду, которая, вероятно, станет томить его душу и на небесах. Однажды Бродский, так говорил поэт, с Михаилом Барышниковым (его приятель еще по Ленинграду, балетчик, живет в Америке) раскинули на пальцах (на словах) – к кому бы можно было зайти в гости в Ленинграде? И оказалось, что зайти просто не к кому...

Пусть простит светлая тень гения мой любимый критицизм, но ведь еще в конце 1960-х (книга Кейса Верхейла «Танец вокруг мира») Бродский признался Верхейлу, «что ему в Ленинграде, за исключением двух-трех человек, и поговорить-то не с кем». Хороша эта жизненная установка молодого поэта, жившего в городе, насыщенном литераторами разных толков и величин, или совсем никудышна – не нам судить. Но каждый, хоть что-то стоящий в своем ремесле, частенько ощущает вокруг себя подобную пустоту. Ибо в общении с людьми он непроизвольно видит, желает видеть, только пути и способы повышения своего мастерства. Желает слышать, если желает, глубокую и, по возможности, доброжелательную оценку им сделанного, задуманного, им выбранного пути... Другие темы, если дороги разговора минуют вершины современного искусства – музыки, живописи, литературы... – его просто не интересуют. Таковы, вероятно, все творцы. А уж гении-то, в первую очередь. Здесь вполне уместно вспомнить строчки привычно одинокого поэта Николая Михайл. Рубцова (1936-1971 гг.): «Куда идти бездомному поэту./ Когда заря опустит алый шит./ Знакомых много, только друга нету./ И денег нет, и голова трещит».

Слушать стихи в исполнении автора – блаженство неизяснимое в любом случае. Проникаешься той музыкой слова, которую слышит в своих стихах автор. Такой непередаваемо прекрасной, философски непредсказуемой, предельно спорной, требующей длительного размышления, осмысления, стала, в частности, фраза – «Так посмертная мука и при жизни томит». Она, еще абсолютно не проникающая в сознание, заставит вздрогнуть и душу тонко чувствующего атеиста. О поведении истинно верующего судить невозможно. Думается, что он способен непроизвольно упасть в духовный обморок. Оклемавшись, станет машинально махать руками и, также непроизвольно, издавать протестующие звуки, пока не обретет дар речи: «Изъли, сатана! Изъли, я верую в Царствие Небесное!»

Как будет на самом деле – судить не дано. Одно достоверно – о творчестве Бродского написано бесконечное множество страниц, и все-таки он пока еще не прочитан. И дай Бог каждому из пишущих шагнуть чуток дальше остальных в плане проникновения в бездонные глубины творчества и мысли Иосифа Бродского. Ибо только одна эта пугающе прекрасная фраза достойна отдельного, архисерьезного разговора лингвистов-специалистов, философов-литераторов... Чтобы все они могли проникнуть в ее суть, и бесконечное множество других, не менее прекрасных, привлекающих и путающих при первом прочтении, опу-

стившихся с заоблачных высот богостовия, чтобы вернуть поднебесные выси на их прежнее место, поколебленное великим и противоречивым бунтарем Иосифом Бродским. Если взять за основу пословицу Бродского «В каждом из нас Бог», напомнить себе о том, что именно Бог дарует нам самые смелые (с какой целью – вопрос вопросов), самые дерзкие, самые сокровенные мысли, ибо «без воли Бога и волос не упадет с головы безвинного человека». Если же Иосиф Бродский и был в чем-то виноват перед людьми, то вина людей перед одним из достойнейших сыновей России, маленьким свободолюбивым островом в литературной Вселенной – куда как несравненно велика.

Рассуждения женщин всех возрастов и уровней общественного положения о политике – чаще всего вызывают улыбку. Война, критика, политика – дело не женское. Писать по данным темам надо уметь. Это дано редким из нас, женщин. Но мне настолько понравились слова Бродского о начале времени действия законов в жизни законодателей (составителей), естественно, их современников, что не смогла побороть искушения, чтобы умолчать о незнакомом предмете по имени – политика. Тем уж более, что и сам Бродский считал политику низшей ступенью развития человека («Большая книга интервью»). Завел речь в фильме о бездействии наших законов Евгений Рейн. Бродский мгновенно поставил основательную точку в рассуждениях своего старшего друга и наставника. Суть сказанного Иосифом Бродским: «Законы наших дней не в состоянии изменить жизнь нашего поколения, но они обязательно повлияют на жизнь наших детей или последующих поколений...» Вот так-то. А мы на каждом шагу сетуем: «Законы принимают, а толку от них никакого».

Осталась только непонятной реакция Евгения Рейна на данную эскападу Иосифа Бродского: не брали лицо Рейна в объектив камеры в момент данного разговора. Принял он безоговорочно рассуждения своего тоже поседевшего друга, заматеревшего в умении видеть окружающий мир вглубь и вширь, мыслить глубоко и понятно, обобщать... Остался ли Евгений Рейн при своем прежнем восприятии, убеждении. Был ли попросту удивлен простотой, новизной и точностью сказанного в по-философски сложной и противоречивой теме. Начинал ли разговор, уже заранее зная ответ Бродского, или попросту подзадорил бывшего россиянина. Ленинградские москвичи тоже ведь не все лыком шиты.

Октябрь 2006 года.

* * *

Несколько главков написаны по следам анализа стихов Бродского, казалось бы, умудренным жизнью литератором и человеком. К величайшему сожалению.

литературный анализ (исследование) стал обычной и порою до примитива убийственной критикой. Порой по-детски бездоказательной, напоминающей уровень кухарки, которая, устав управлять государством, сладострастно роется в чужом грязном белье – «справки о психопатии...»

Этот, к счастью, только отчасти кухаркин шедевр – выдал умнейший А.И. Солженицын (журнал «Новый мир», 1999 г. №12). Знать, верна народная мудрость – «и на старуху бывает проруха». Вспомним, три божественных (в художественном плане) повествования Солженицына – «Бодался теленок с дубом», «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус»... Но даже Александру Исаевичу, создателю названных, а на взгляд других читателей, еще многих и многих литературных шедевров, не по зубам «бодать» Иосифа Бродского.

Едва ли найдется в мире настолько зубастый критик, который в состоянии... по-дружески да попросту... безнаказанно для собственного литературного авторитета настолько приблизиться к эссенстке Бродского с умыслом... на досуге «пошипать гениальную травку». Приблизиться по чести, по совести, доказательно и уважительно до уровня – только руку протяни и... коснешься бессмертной души гения.

* * *

По всей вероятности, на небесах давно смеются над любителями данного словосочетания – «Это произведение биографично». Ибо любой автор всегда биографичен. Не местом действия по рождению, так образом мыслей, манерой выражения этих мыслей, свойственных только ему и никому более в данных контекстах... И непременно с намеком или четкую прописанность родной елгу, ближайшей географической окрестности, хотя бы в плане местного языка (речи), отчасти, диалектизмов. Примеров несть числа. Память отчего-то выдала прозу Виктора Петр. Астафьева. Она даже построочно настолько насыщена действующими, работающими на суть произведения словами, в самой превосходнейшей степени, что, вероятно, способна удержать топор, естественно, литературный. Получается классически выдержанная проза, где «словам тесно, а мыслям – просторно».

Проза (эссе) Бродского не уступает прозе Астафьева по плотности текстовой ткани, но настолько насыщена мыслью (пронизана, просочена), что можно раздумывать практически над каждым прочитанным словом, над его необычайной вариативностью, над глубиной и уместностью, будто бы рожденным именно для этой части строки и... ни на миллиметр не отодвинуть далее. Сомневаюсь, что хоть кто-то в подтунном мире (исключая, естественно, небеса) в состоянии выдать что-то подобное: сгруппировать мысли Бродского в единое

целое, не утратив ни одной. Тут налицо гениальная биографичность. Существует еще обилие тонов и оттенков, осознанно или нет выдаваемых гением рядом с основной мыслью, прочтенных или нет нами...

Словом, гений велик и сам по себе, не менее велик тем, что невольно (не думает же автор об этом в момент написания повествования) расширяет наши обывательские литературные горизонты, заставляя нас мыслить рядом с гением ускоренным курсом, хотя бы в силу наших скромных возможностей. Словом, дерзайте, любители игры в слова и мысли, да на чужом поле не утратите свою волю...

Создавая свои эссе (и большую часть стихов), Бродский, то есть его разум, вероятно, держал на ладонях Вселенную. Это посылно только гениальному уму. Поэтому (или есть еще иные причины) ни одно эссе Бродского не сможет прочесть человек общепринятого, среднего (усредненного) уровня развития, не остановившись, практически, на первом абзаце – удивиться, порадоваться, опечалиться. О перелете в несколько листов и речи быть не может. Была бы счастлива узнать, что есть на планете человек (несколько, много), который прочел все эссе Бродского, не испытывая хотя бы колебательного напряжения своих мыслительных способностей. Для примера возьму прелестнейшее произведение А.С. Пушкина – «Капитанская дочка», где, тем не менее, ни одной завалившей мысленки днем с огнем не отыскать. Фраза о русском бунте, единственный намек хоть на какую-то мысль, ничего не даст, кроме литературной красоты, умеющему мыслить глубоко и основательно... Ибо все бунты равно бессмысленны.

Сложность прочтения эссе в равной мере относится и к большинству стихов Бродского. Об их совершенстве, равно и недостатках, можно говорить бесконечно. Просто будем помнить главное: в мире попросту нет, практически нет, такого поэта, каждый стих которого совершенен от «а» до «я». Благо для читателей, любящих поэзию, если поэт в каждом отдельном случае хотя бы стремится к совершенству. Лучшие и достаточно понятные без пояснений ценителям изысканной словесности стихи Бродского, в частности, его литературный шедевр (один из многих) «Осенний крик ястреба» – настолько не традиционный в массовом восприятии по манере письма, по замыслу, по обилию мыслей в каждой строке, что более всего перекликается с эссенстикой Бродского, где требуется непременно остановка для осмысления каждой строки, чтобы войти в суть следующей. Остановка осознанно краткая, чтобы не утратить наслаждения от глубины и всеохватности сказанного (прочтенного); достаточно длительная, чтобы в полной мере проникнуться сказанным, гениальностью автора...

«Осенний крик ястреба» более сложен по восприятию в бытовом (опрощенном) плане: о чем все-таки идет речь и для чего написано? Значит, этот

литературный шедевр может быть не интересен тем, кто попросту не любит сложнейшую поэтическую игру в слова и мысли. Играть словом (мыслью) на уровне Бродского, рядом с Бродским, непосильно и части литераторов-профессионалов (вспомним Александра Солженицына).

* * *

У Солженицына свои сложности. Едва ли все читатели смогут проникнуться и мгновенно принять своей чуткой душой данную фразу, которая к тому же рассчитана на восприятие душ школяров – «Обстать гроб каменной группой...» А. Солженицын. 1971 г. Поминальное слово о Твардовском. Энциклопедия для детей. Русская литература.

«Обстатость и каменность» группы говорит только о том, что Александр Исаевич писал вид со спины, не счит нужным глянуть на лица этих несчастных. Вероятно, пораженных страхом советской идеологической проказы. Вероятно, живущих на земле столь же неудобно, как довелось последние годы, а может, и всю жизнь, Александру Трифон. Твардовскому. Естественно, лица у гроба старались скрыть свою греховную радость, мол, я-то еще поживу. А в целом, о лицах, стоящих у гроба, можно писать психологический трактат об их вчерашней и завтрашней жизни. И, в любом случае, большинство из нас, стоя у гроба, печалится не о покойном, а о себе, любимых.

Вероятно, словечко «обстали» – создание Солженицына, а слово «каменный» все-таки засветилось в русской литературе: «Каменный гость» – одна из маленьких трагедий А.С. Пушкина. Названные эпитеты «каменный» почти перекликаются через века. Там – страх, а тут – сарказм, но все равно замешанный на страхе. В «Уральских сказах» Павла Бажова даже расцвел «Каменный цветок». Истинно пудовитое (пишу в стилистике Солженицына) словечко «обстали» можно бы поставить в один ряд с «вожгались» Павла Бажова. Эти слова все-таки роднит фонетическая тяжесть, но по смыслу они разные. «Обстали» – у Солженицына, буквально отгородились (спрятали, скрыли) от всего белого света. «Вожгалистость» мастеров Бажова, сосредоточенных на работе с благородными камнями, открывала мастерам и последующим поколениям мир необычайной красоты, до поры до времени скрытой в камне.

В свете данных предположений еще раз невольно пересматриваю положительные глубинные крены в сторону творчества Иосифа Бродского – эссеиста и поэта, и невольно же в который раз убеждаюсь: гении массам, чаще всего, непонятны. Достаточно вспомнить отношение даже близких по духу людей к гениальным творцам эпохи Возрождения – Микеланджело Буонаррото и Леонардо да Винчи. Микеланджело, трудившийся от рассвета до заката, если не

крутые сутки временами (пример, роспись Сикстинской капеллы), сумел прожить и выжить на родине до преклонных лет. Возможно, и потому, что писал прекрасные стихи. В любую подходящую минуту мог выложить на бумагу убийственный бытовой «утар». Возможно, сказались на его долголетию и терпимости к окружающим три первых года жизни в горном селении, в семье кормилицы, жены каменотеса. Возможно, и сам Микеланджело именно поэтому стал великим каменотесом, скульптором...

Возможно, Леонардо да Винчи, имевший невероятное для одного человека средоточие талантов, способностей, пристрастий, с которого благодарные итальянцы (просвещенный мир) были просто обязаны слезать бытовые пылинки, был все-таки вынужден уехать во Францию. И прожил он, душою оставаясь в благословенной Италии, значительно меньше своего гениального собрата по миру искусств.

Одна моя добрая знакомая, умная и решительная женщина, в минуту литературной раскрепощенности, или небесного слияния с миром литературы, сказала: «Даже не все учителя читают Бродского». Констатирую факт, не заикливаясь на «не всех учителях». Моя пронзенная литературой душа не болит только в том случае, если «не читающие учителя» давно на пенсии. Если же молодой преподаватель любой из школьных дисциплин не в состоянии провести со школьниками хотя бы получасовой беседы по творчеству Бродского, то... я умолкаю в тихом ужасе.

* * *

Позволю себе обнародовать только что поданное небесами выражение – «поэтическая эссенстика». Получается аналогия с давно известным и немилосердно (может быть, вполне справедливо) обруганным критикой выражением – «поэтическая проза». Или, того хуже – «прозаическая поэзия». Но ведь я небесами не командую. Подали, обязана обнародовать. Если это выражение – «поэтическая эссенстика» – давно живет и процветает в литературном мире, то я спокойно даю полный назад. Подобная чушь первородства, прошу прощения за вульгаризм, меня не волнует.

Поэтическая эссенстика Бродского. В похожем литературном «жанре», хотя бы отчасти перекликающимся с эссенстикой Бродского, пишут сегодня (шисали всегда) многие. Возможно, найдется достаточное число авторов и превосходящих поэтику Бродского по каким-либо параметрам (мир теоретических находок в поэзии – как повсюду – бесконечен). Но (прошу извинить за повтор) по обилию мыслей практически в каждой строке, если не в каждом слове, проходных (для связки) практически нет – найдется едва ли второй подобный мыслитель в литературном мире. Даже среди тех, кого небеса наиболее щедро (в ряду себе подобных) одарили

данной манерой словотворчества. Или поэтической (литературной) игры.

Да, писание стихов – игра, возможно, наименее увлекательнейшая в этом лучшем из миров. И чем совершеннее играет поэт (прозаик), чем выше дарованная ему небесами самоотдача, тем более его труд соответствует словам обожаемого Владимира Владим. сказанным о поэзии, писание которой приравнивается к добыче радия.

11 мая – 9 ноября 2007 года.

* * *

Для чего мы ежедневно убираем пыль в своих жилищах? Чтобы космическое и бытовое крошево не поглотило нас еще при жизни. Ибо мы еще до рождения поглощены... злобой, жадностью, ревностью... и прочими атрибутами божественно прекрасной земной жизни. К счастью, и ген ярко выраженной положительности получаем не меньше.

Боремся ли мы с этим отрицательным наследием? Храним ли – пуше глаз, положительное. Надеюсь, что этим занимается большинство из нас. И каковы результаты нашей борьбы, нашего врожденного или приобретенного в битвах суровых буден умения спрятать наше геномное «исполнее» в кулаке, захоронить в полузабытых, кажущихся таковыми, душевных закоулках, весьма и весьма к окружающим нас притязательных.

Могут быть и вполне блестящие результаты глубинной (поверхностной) борьбы с геномным наследием. Но все-таки крепка до уровня брони во всех результатах чаще всего только внешняя оболочка нашей сути. Наши предки, умудренные постоянной борьбой за свое безоблачное, хотя бы просто относительное существование, были куда как искреннее нас. И уложили всю земную мудрость данного толка в бесподобную словесную жемчужинку – прелестнику, которая будет актуальна до окончания нашей земной цивилизации, – «своя рубашка ближе к телу».

Наивны, вероятно, поиски абсолютно беспредметных исключений, которые могут быть и абсолютной реальностью, если весь мир сойдет с ума от избытка счастья, то есть станет жить в коммунистической формации. Но, в любом случае, самый надежный в мире сторож – до поры, до времени, точнее, страж – память наша, выдает не менее прелестное, но страдающее звуковой и смысловой шероховатостью, но идущее в одной параллели с первой прелестницей и столь же обкатанное веками, не менее древнее сочетание – «дай-то Бог вашему телу да нашего волка зысты».

Десятки лет тому назад на бытовом уровне частенько доводилось слышать примерное сожаление: «Такой достойный (нравственного плана) был человек.

да вот старость подкосила. Стал (стала)...» Далее шли перечисления, родственные начальным рассуждениям об отрицательном геном «исподнем». Меньше всего в безнравственности (или только отчасти) данного имярека (любых других) виновата старость. Просто человек «отпустил» душевные (духовные) гайки, которые, быть может, и не были надежно закручены. Его сиюминутная (нравственная) стойкость жила и действовала только на внешнем уровне, не укоренилась в душе, не стала привычкой (на уровне автоматизма), второй натурой, созданной заботами собственного разума.

Правда и то, что какой-то излишне обильный, неодолимый нравственный перекося сегодняшней жизни (подобные, не менее страшные перекося были свойственны, вероятно, началу каждого века) сказывается на нервозности всех (большинства) возрастных групп. Люди чуть ли не с первых секунд начинают общаться друг с другом в духе: забора, задира, неуступа... Спокойный, деликатный (толерантный) человек на фоне вселенского нравственного раздора напоминает неодолимую стену, перед которой невольно, пусть в душе, но приостановишься. Удивишься, обрадуешься, опечалишься собственной растрепанностью дел и мыслей, но... пойдешь по жизни прежними нравственными зигзагами.

И все-таки, хотим мы того или нет, длительны или нет наши буквальные (душевные) удивления, радости или печали, но все равно наша действительная жизнь (нравственного плана) будет в не малой степени зависеть (накапливать положительную зависимость) от обилия и длительности данных остановов (термин Дмитрия Балашова). Правда и то, что без борьбы за чистоту (глубину) нравственности мыслящему существу все равно не обойтись. Ибо у нас над головами дамковом мечом висит добротный отцовский ремешок (пусть бы никогда и не исползуемый по назначению) в образе еще одной путающей, народом созданной прелестинки – страшилки – «какой в люльку, такой и в могилку».

11 мая – 6 ноября 2007 года.

* * *

Когда говорят добрые слова, которых попросту не заслужила, ибо это было естественное, может быть, и насильственно взращенное под действием благоговорных внешних обстоятельств, но вполне искреннее проявление души в адрес данного человека именно в данный момент в данной бытовой ситуации, то я думаю: «Вот еще один несчастный (счастливейший) брат (сестра), жаждущий внешней, зримой и, даже недосыгаемого, оттого еще более желанного, – глубинной гармонии окружающего нас мира»...

Когда говорят злые слова, которых тоже, вероятно, не заслужила, ибо говорящий желал бы видеть (равно и говорящий добрые слова) во мне что-то себе

подобное или отвечающее только его сиюминутному строю мысли, жизненным установкам данного этапа, желаниям, пристрастиям... то я думаю: «Вот еще один несчастный (счастливейший, потому что преобразователь окружающего мира, может быть, более прекрасного, чем воображаемый мир данного собеседника) брат (сестра), еще один, жаждущий только на свой лад гармонии окружающего мира. За которую (гармонию) ему придется заплатить (уже платит) серьезным раздрем собственной души, утратой добрых отношений с окружающими, по крайней мере, относительной настороженностью окружающих в адрес несчастного (счастливейшего) брата (сестры).

Ибо он видит окружающий нас мир, по крайней мере на тот злосчастный для него (и его собеседника) момент, излишне однобоким и плоским. А он (мир) извечно и непередаваемо кругл и объемен, как луна и солнце, как капля в своем изначальном падении с высоты...

Говорящий недобрые слова вызывает в душе изначальный, неосознанный протест. Чаще всего и наше общение с ним было насильственным. Ибо душа – барометр непревзойденный, с первых секунд отторгала этого несчастного (счастливейшего) брата (сестру). Но мы уступили его (ее) натиску. Почему? Трудно с первой минуты общения даже самому разухабистому внешне, но в душе вполне порядочному максималисту унижить себе подобного, пусть бы явственно идущего в иных духовных (физических) параллелях. Возможно, и с его (ее) стороны общение тоже было насильственным, слегка притянутым к обстоятельствам, вынуждающим общаться с человеком, которому противится душа.

Говорящий добрые слова несет в наши души бесконечно желанную гармонию, если сжать в нежнейший кулак духовности вполне естественное желание – посмотреть на себя, полюбоваться собою глазами говорящего. Несет и величайшее желание (вероятно, не всегда осознавая это священное душевное свойство), божественную, на уровне самого заурядного человека, раскрепощенность в желании сделать окружающий мир чище, богаче, светлее духовно и физически. И от того величайшего, но, увы, никогда и никем еще до конца не исполненного священнейшего и святейшего действия, оставаясь все-таки бесконечно неравнодушными, готовыми «по двадцать пять часов в сутки» (фраза из поэмы Егора Исаева) творить посильные нам дела, заразившие нас своим несовершенным величием; прожегшие, зажегшие душу священным огнем бесконечного совершенства, ждущего извечных преобразователей...

С возрастом физические возможности преобразования окружающего мира, практически сходят на нет. Зато при благоприятном стечении обстоятельств неизмеримо расширяются границы в области духовного преобразования мира (души). Мне судьба (Господь Бог, Высший Космический Разум) подарила величайшее из

величайших земных духовных блаженств, бесконечную любовь и желание заниматься литературой, не имея необходимого и желанного теоретического багажа в образе, допустим, Литинститута, литературных курсов... На склоне лет получила возможность играть на полном серьезе в самую божественную в мире игру и самую несовершенную от начала жизни на земле и до скончания земного века. Ибо совершенство никому еще не выдало своих четких очертаний ни в одном из видов искусств, ремесел. Как не имеет, не может иметь, четких границ ни начала, ни окончания совершенствования наша божественная душа, наша духовная суть. По ним, неозначенным границам духовной земной сути, легко скользить, напивтаясь благостью и разумом собственной бесконечности, тоже в своем раскрепощенном состоянии не признающей никаких, даже предположительных границ.

* * *

В любом виде искусств и ремесел примеров подобной бесконечной раскрепощенности человеческого разума несть числа. Раскрепощенности... созданной творцом в момент высочайшего полета мысли или нет – это вопрос. В мире литературы отчего-то первой припомнилась божественнейшая из новелл (зарисовок, этюдов) Аркадия Гайдара (Голикова) – «Горячий камень». А в живописи, осязаемый духовно и физически (забудем на минутку фразу философа – современника Юрия Буйлы «Неповторимое – мертво»), небывалый прорыв в бесконечное неизвестное французского художника Клода Моне, с его писанием десятков картин по одному сюжету; писанием непередаваемым словесно и мысленно, и необъяснимым сторонним живописи человеческим разумом.

В них, отрицательных и положительных, не означенных границах, легко утонуть и столь же легко осознавать величие блаженства духа, души нашей. И каждый смертный в состоянии, выбрав подходящую минуту для этого величайшего – в плане личной жизни – духовного совершенствования, таинства, посмотреть на себя своими любящими глазами и одновременно со стороны. Доля субъективизма оценки, естественно, будет присутствовать, но основы оценки гарантированы. Многократно сверено в разговорах с людьми, в чем-то главным близкими друг другу. Конечно, заниматься этим духовным самоконтролем - самокопаньем ежесекундно нелепо и для здоровья опасно, но глянуть на себя, допустим, десятилетней давности в сравнении с днем сегодняшним интересно и... полезно. Каждый будет смотреть на себя со своей духовной колокольни.

Меня прежде всего прельщает литературная колокольня, точнее, колокольня искусства. В которой литература, не обгоняя и ни на гран не отставая, шествует полноправно и рядышком с живописью, музыкой... Посмотрите, в частности, произведения какого композитора, живописца, литератора... особенно привлекали ваше

внимание (душу, дух) десять (пять) лет тому назад. И сегодня. И вы точнее самого умнейшего в мире духовного барометра сами себе поставите духовный диагноз: карабаетесь (идете, летите) вверх, к бесконечно убегающим, недосыгаемым вершинам искусств (ремесел) или скользите (идете, летите) по наклонной.

Если вам повезло, то вы запросто... с точностью один к одному не заглядывая в список общепризнанных классических произведений (он ведь тоже составлен обычными людьми и может быть не менее ошибочен), сами для себя определите классический ряд во всех (во многих, в нескольких) видах искусств (ремесел), теоретические методы работы классиков (пример, Клод Моне)... Занятие преподнейшее и преувлекательнейшее. В итоге подобных исследований (просвечивания) своего духовного «я», многие из ранее привлекавших, любимых вами произведений (века вчерашнего дня вашего духовного «я») станут напоминать ни в чем не виноватую перед нами «Свадьбу в Малиновке» (кинофильм середины прошлого века). Но в числе многих и многих новых духовных шедевров (день сегодняшний вашего духовного «я») по-прежнему услаждает душу (беспокоит, тревожит размышлениями) «Горячий камень» Аркадия Гайдара (Голоикова) и необычайный прорыв (полет, парение) в мир живописи умеющего не просто творить, но и мыслить в данных Богом параллелях Клода Моне. У вас будут иные приоритеты? Так именно этим и прекрасна наша неравнодушная душа, объемлющая окружающий мир.

Самым величайшим несовершенством из всех неосязаемых несовершенств, стремящихся к совершенству, является Божественная невидимка – душа. Примеров несть числа. Память прежде всего выдала неоднократно цитированную строчку Франсуа Вийона (1431-?) – «От жажды умираю над ручьем...» (экология внесла свои коррективы в смысл данной фразы, но это уж армия из другой оперы). Неизвестны место и год физической смерти Вийона, униженного сидением в долговой яме, но его строчки об извечном духовном умирании - воскрешении поэтов всех времен и народов спустя и более пяти-сот лет после его гибели по-прежнему, как пепел Клааса, с неослабевающей мощью звучат в душе каждого имярека, заставляя его на свой лад, душевный настрой, с учетом развития словарного запаса... все повторять и повторять... «о жажде умирающего над ручьем».

Человека, предельно восторженного, настроенного только на вселенское равенство и братство, тоже периодически одолевает душевный уют... «жажда умирающего над ручьем». В такие минуты особенно жалко всего сущего на земле (равно и всегда, только в минуты «жажды» жалость несет отпечаток особенного надрыва, страдания, болезненности). Вероятно, наша душевня в такие минуты по себе, любимой, плачет, а мы, не осознавая этой личностной «пакостенки», во имя спасения своей души, удержания ее на краю устрашающей

бездны без остатка переносим эту самоискреннейшую глубинную жалость на окружающий нас мир: на обижаемого животного, сломанный цветок, пожилого человека, ребенка... За что бываем биты нравственно, но это вопрос несколько другой плоскости, правда, параллельной. В духовном мире все параллельно.

Сердце равно замирает и при виде весело смеющихся, и глуших рука об руку, смотрящих друг на друга счастливыми глазами... Сердце замирает от жалости. Ибо сводит с ума одна-единственная, но раньше времени убивающая любую неравнодушную суть мысленка: «Если бы можно было увидеть вас такими же счастливыми и через... двать лет». Осознанно все это душевное действие происходит или интуитивно, на каком-то запредельном уровне подсознания – вопрос из тьмы веков...

Осознавал Франсуа Вийон, что его за долги буквально – бр-р-р – пнут в грязь? В бытовом плане – да, осознавал, вероятно, но едва ли это осознание проникало, жило в душе, почти круглосуточно витавшей между небом и землей. Осознавал и поступал против осознания этой неотвратимой, мерзейшей бытовой гадости. Поэт, художник... – любой из смертных, осознает только предначертанную небесами суть своей души. А все остальное, даже неимоверно жгучий адский пламень быта, все время полыхает где-то далеко-далеко, пока на краткое время не одолеет всепоглощающим душевным неуютом. Вероятно, градация этого неюта пропорциональна таланту его носителя. Впору отдать поясной поклон гениям. Они, вне сомнения, располагаются на одной из приближенных к Богу орбит небесного вращения. Ибо их души истекают слезами любви и жалости к духовным несовершенствам мира.

Где теперь те, которые «пинками» отправляли Франсуа Вийона в земную преисподнюю. Их нет. Физическая пустота. Никого не интересующее инкогни-то. Еще и по той примитивной причине, что их место и до сих пор не осталось пусто – тема, идущая из тьмы веков, тоже неиссякающая. Кошунство, но это общеизвестно, толкающие в грязь одновременно направляют в Вечность особо помеченных тавром Божьим.

Вийон вечен. Причислен к счастливейшим и несчастнейшим одновременно. О вечности Франсуа Вийона сужу только по его единственному известному стихотворению, растиражированному за века теми, кто проник в его духовную суть, пронзен его строчками, прожжен огнем, пылающим в них сотни лет. Родня Вийона по духу, по душе.

Растиражированным даже теми из нас, кто не прочел хотя бы и данное стихотворение. Нелепо, но это так, не читавшие о Вийоне, но предугаданные им, ибо своей жизнью (сутью) скопировавшие на свой лад его строчки, родня ему не менее близкая, интуитивная родня. Это тоже не слабо для не читавших Вийона, для самого Вийона.

Вийон вечен. Не провожу параллелей, ибо почти ничего нет о жизни Вийона в доступных массам источниках. Не знаю, можно ли назвать Франсуа Вийона, как Иосифа Бродского, – мыслителем.

Бродский вечен. Мыслитель. Не только в литературном поле, но и в общечеловеческом. Литературы о Бродском предостаточно. А в его личном литературном багаже едва ли кто-нибудь способен досконально разобраться, прочесть, осмыслить, сделать построчный анализ. До самого доньшка осветить гениальные литературные глубины поэта и эссеиста, а что еще сокрыто от современников в архиве...

Рядом с мыслителем все наши кажущиеся громкими поползновения разного вида и толка как-то незаметно мельчают, если не истончают вовсе, сиреневой дымкой растворяясь в его безбрежности. Может быть, дополняют, обогащают гениальных мыслителей мирового пространства на невидимые даже под солнечными лучами... пылинки. Так это или нет, но гении на пустом месте тоже не рождаются, хоть кто-то да готовит среду их появления. А все остальные творцы тоже, без сомнения, располагаются на небесных орбитах энного порядка, но уже вокруг гениев...

* * *

Обилие книг за краткий период об одном, пусть и гениальном, человеке, несет и равное обилие смысловой казуистики. Один пример. Александр Солженицын (журнал «Новый мир», 1999 год, №12) поведал о трех днях «отпуска» Иосифа Бродского из Норенской в Ленинград. Игорь Ефимов в «Нобелевском туineaдце» (С. 17) сообщил о десяти «отгулах» ссыльного поэта.

Каждую новую книгу о Бродском смотрю с надеждой: найти ответ на вопрос о вселенском неприятии поэта Бродского в адрес поэта Евтушенко. Выстрел опять холостой. Более того, название книги уносит читателя в те соцреалистические пампасы, где, вероятно, для заполнения пустоты сказанного, может быть, по причине идеологической цензуры, паслись в книгах «стада» двуногих из «скотининых, облизукиных...»

Не менее названия напрягает текстовое самовыпячивание автора «Нобелевского туineaдца». Это изнутри идущее, может быть, и неосознанное, убийственное, утробное желание определить (закрепить, застолбить) для истории свое место рядом с гением: не утратить личной самости в лучах его мировой славы. Это почти карикатурное (в данной ситуации) подчеркивание обилия дипломов, учености – рядом с бездипломным, просто необразованным даже в рамках восьмилетки поэтом.

Впрочем, самовыпячиванием, вероятно, страдаем мы все, писавшие (пишущие) о Бродском. Нет в этом, отчасти скоморошном (по причине нескромности)

ряду только Людмилы Яковлевны Штерн-Давидович. Ее книга о поэте – «Бродский: Ося, Иосиф, JOSEPH» – удивительно самоотрешенна. Людмила Штерн, как достойный режиссер, всегда за кадром, но ее нежная, надежная женская рука чувствуется все время и предельно ошутимо, и на каждой написанной ею странице.

Практически всех земляков-ленинградцев, живущих за океаном рядышком или достаточно удаленных от семьи Штерн, Людмила Яковлевна воспринимает своей ближней родней или родней по духу. И этим божественно-вселенским отношением к себе подобным напоминает деревенских женщин прежних лет. Истых русских Мадонн.

Даже сегодня с обидой воспринимаются обильные просьбы Игоря Ефимова к абсолютно больному Иосифу Бродскому. Вероятно, и так-то со всех сторон терзаемому просьбами и не вполне знакомых людей... И потому не умеющих понять еще и тяжести духовного (творческого) состояния гения, вынужденного усилием воли перебарывать постоянный литературный морок, чтобы окунуться в неустроенный быт стороннего, почти стороннего человека.

И еще одна странника, почти повторяющаяся из книги в книгу о Бродском. Все, кроме Людмилы Штерн, отчего-то спят и видят себя непременно друзьями Бродского. Сам поэт неоднократно и по различным поводам отметил в этом скромнейшем ряду практически одного Евгения Рейна. Возможно, остальные друзья сокрыты в архивах.

Не удержусь, чтобы не озвучить одну, весьма обидную для всех (большинства) россиян реплику – цитату, С.117: «... и петь романсы и оруджансы».

И цитата, где Игорь Ефимов смотрит стоящим на коленях и до крови разбивающий собственный низкопоклоннический лоб, как та офицерская вдова... сам себя безобразно, до неприличия сечет, С.111: «Какая-то обычная смертная Эмилия Дикинсон и «С Богом говорит, как с палачом! Даже ты в «Разговоре с небожителем» предьявляешь небесам счета гораздо более почтительно».

Все комментарии здесь нелепы. Ибо «предьявлять счета небесам» – безнравственно «даже» для гениев. Более того, чем выше духовный потолок имярека – потолок любого из нас воздвигнут небесами, тем безнравственнее в глазах потомков смотрят его «счета небесам».

А напоследок процитирую Иосифа Бродского, С.212, Б.К.И.: «Люди, которые делают скверные вещи, заслуживают жалости».

11мая- 3 декабря 2007 года.

* * *

Пища данные главки, впервые подумала без пролетарско-крестьянского пренебрежения о тех литераторах, кто практически с пеленок имел в своем рас-

поряжении личные кабинеты. их прообраз – детские спаленки, игровые комнаты. Ибо ничего лишнего ни на столе, ни в комнате видеть не хотелось. Кроме самого любимого портрета Бродского, бумаги (желательно белоснежной – тоже небывалая прихоть для деревенской босоножки), ручки и... желательно, головы на плечах, если она не лишняя в данном словотворчестве. Ибо частенько записывала собственные мысли, но все равно поданные существом какого-то более высокого порядка, нежели мое деревенское высочество.

И... мечта, утопия чистейшая по сегодняшним дням, чтобы за стенкой звучала музыка божественного Моцарта. На крайний случай, спокойная беседа умных и трезвых имяреков.

Но ни первого, ни второго, ни третьего нишим провинциальным литераторам не подают. Но мы пробьемся, до упора, бесчисленное число раз перебеливая написанное в наших полусумасшедших, полуночных постройках времен развитого социализма или перехода к не менее развитому капитализму, – так называемых благоустроенных многоэтажках, верх блаженства для нищих россиян.

10 ноября 2007 года.



Бахтина Нина Павловна

Родилась в Вожегодском районе Вологодской области. Выросла в селе, рано потеряла мать. Перепробовала много профессий. Оказала огромную услугу в работе Вологодского детского фонда. Литература – главное дело ее жизни. Пишет стихи, прозу, критику... Живет в Коноше.

Юрий Леднев, вологодский поэт и прозаик (1930-1996 гг.).

Много званных, да мало избранных

Каждый, кто сочинил хоть полстрочки стихов или прозы, знает, сколь губителен для здоровья выход в свет его шедевров (невыход также), особенно официальное издание книги за счет государства (т.е. общества). Имярек, которого в Вологде называют критиком (?), человек архинеуязвимый, если способен жить, не ежась, под знаком вопроса, сказал в приватной беседе: «Больше ни за что не стану издавать книг. Это такой ужас, такой...». Давно издал вторую и шелестит страницами третьей рукописи. Уж не говорю о гибельности (обреченности) тех литераторов, чьи беды означены незамысловатым народным юмором «под столом увидимся»: о тех пишуших, которые утратили в борьбе за выход в «большую» литературу лучи света и разума. В милой Вологде есть две хорошенькие и очень небесталанные женские головки, бившиеся до изнеможения за официальное издание первой книги и вступление в этот манящий каждую певчую литературную птичку... небесно-голубо-фиалково-фиолетово-сиреневый... Союз писателей России.

Как видите, автору заметок понятны прелести и болезненности литературного мира, но автор, как наипростодушнейший кролик, все-таки лезет в пасть к удаву от литературы. Аминь. Впервые испытыв никакими словами неизъяснимое блаженство от первой похвалы критикушке, которую – ура! – обещали поместить на страницах вологодской областной газеты «Красный Север», тут же получила мошнейший нравственный шлеп по чисто северному курносому носику, так простодушно и доверчиво на капелюшечку выглянувшему из самой глубины народных масс. В отделе властвовала умнейшая и деликатнейшая Г.Б. Пригласила зайти в редакцию через недельку, чтобы вычитать мой набранный шедевр – заметки о романе Василия Белова «Все впереди». Через недельку Г.Б. пунцовела

алым маком, кое-как выговорив: «Редколлегия не пропускает».

Казалось бы, исчезни безвозвратно то гибельное и страшное мгновение... ведь жизнь и без моих почеркашек так прекрасна. Так нет, несчастный кролик снова лезет в разверстную удавскую пасть, вылав критикушки со сборнике прозы В.К. «Стояли две сосны». И все в точности повторилось. Только отделом теперь заведовала С.З., жена местного художника, совсем еще молодая женщина, смертельно больная, земля ей пухом и Царствие Небесное.

Дорогу заметкам о творчестве Николая Рубцова «Мозаичное панно, или Суэта теней» для вологодской газеты «Свеча» закрыла местный литератор. Дама не переносит мои (ведь тоже Богом (!) данные) литературные потуги. Вероятно, сказались давние издержки крутизны, кривизны и обреченности с обманностью ее литературной лестницы. Или дама с рождения не переносит многое и многих, но она давненько передвигается с ключечкой.

Ох, слаб разум и велики позывы гордыни, ведущие в литературную пропасть. После оглуша, тогда еще бесключечной дамы, отправила статью о творчестве Рубцова в журнал «Север», где всемитостиво успели засветиться моя повесть «Дом на плаву» и одна из критикуль. С превеликой благодарностью редколлегии за две прошлые публикации – все-таки обнародую часть ответа тогдашнего зав. отделом критики журнала «Север» Ивана Рогошенкова: «... Вашу статью о Н. Рубцове надеюсь напечатать в будущем году (ежели члены редколлегии не будут решительно против)».

Члены всех редколлегий (в отличие от заведующих отделами и редакторов) проявляют неколебимое единодушие, когда речь идет о моих критикушках. Часть ответа редактора альманаха «Белый пароход» (сейчас он редактор журнала «Северная Двина – XXI век»), одного из первых, если не первого прозаика г. Архангельска и области Михаила Попова: «... То, что Вы написали о Рубцове, опираясь на источники и подвергая их критическому анализу, безусловно, интересно. У Вас аналитический склад ума, хорошая введливость, умение взвешивать все «за» и «против»...»

Члены редколлегии как-то умудрились не заметить ничегошеньки из сказанного их предводителем. Были просто против публикации. И я приказала себе перестать суетиться, сесть за стол и писать для души, если уж такие желания одолевать станут. Еще как одолевают. Сегодня, когда есть возможность, «подтянув пояс», все издать за свой счет – «жизнь хороша и жить хорошо». Хотя солдат, не мечтающий стать генералом, изначально ушербен. Тем уж более, что призывает нас (дарует свет сочинительства) все-таки сам Господь Бог, тогда как избирают нас (оценивают) – обычные люди.

Сентябрь 2005 г.

Заметки счастливого человека

Впервые меня назвала счастливой (так запомнилось) которая-то из сестер С., моих ближних соседок (одна – на год старше, другая – на год младше). Во второй класс мы ходили в деревню Турово, почти за три километра от нашей родной деревни Тюриковской. Тетушка Катя С... земля ей пухом и Царствие Небесное, отправляя дочек в школу, особенно зимой, старалась закутать малышей понадежнее, накормить посытнее. Блинок-другой с ее многолетнего стола и мне перепадал, а то и миска супу или стакан чая с сахарином, если я забегала чуть пораньше, когда семья еще завтракала. Припаздывала – то, стоя у порога и дожидывая тетушкин кусок пирога или блинок, спокойно созерцала (по А.С. Пушкину), как кочевряжилась под заботливыми руками тетушки Кати мои одноклассницы. Сама-то я убегала из дому чаще всего голодной: у нас и моды не было, чтобы собирать стол ради меня одной. Да, вероятно, и некому было: сестру и братьев после смерти мамы из дома как ветром повывело, мачеха была на ферме, отец то ли не смел, то ли был где-то в отъезде. Но голодный утренний желудок был мне привычен: вечером набью пузо с горкой. А пока я с превеликой радостью отправляюсь в чудесную (чудеснейшую) страну счастья, где давали вволю и бесплатно – знания, знания, знания...

В коридоре сестры привычно снимали напряжение от надоедливых забот-хлопот матери на моих боках, дав мне добротного тычка или пинка, тихонько, чтобы не слышала тетушка Катя (она всегда была на моей стороне), завистливо шипели:

– У-у-у, тебе-то никто не надоедает, счастливая ты!

Народ, обиженный в моем лице, не менее привычно безмолвствовал, тем более, что пропнуть бока через зимнюю обрядущку в нашем возрасте было сложновато; и тем уж более, что сытое брюхо довольно урчало и перекрыть его благодарностью обидой было бы практически не по силам и более взрослому человеку. Тем уж более, что милые, смешные, капризные сестрички были беспрельдно любимы не совсем обычной родной матушкой, а попросту обожаемой мною тетушкой Катей. Меня на всем белом свете любить было некому, а по словам мачехи, и не за что. Холодок этой нелюбви, вероятно, пронизывал меня в любое время суток, боле того, просеивал через нелюбовь в одном и абсолютно ненужном и даже вредном для растущего человека направлении все, к чему бы ни прикасалась моя предельно урезанная нелюбовью суть. А я прикасалась с превеликой любовью и радостью ко всему, что так или иначе окружало деревенского ребенка. Это величайшее любопытство, озаренное святой и светлой любовью к прикасаемому предмету, частенько заводило меня в нелепые и тупиковые ситуации, что давало повод моей, никого не уважающей мачехе, лиш-

ний раз помахать пальцем у своего виска и, глядя в мою сторону, безмятежным голосом заявить во всеуслышание: «Наша-то дура...».

Внешне (поведенчески) эти «обзывания» на мне не сказывались, я по-прежнему шла путем любви ко всему сухому на белом свете: будь то клевер у дороги или маленький и немощный соседский ребенок, которого, для излечения, чуть ли не крутые сутки держали в кадushке с горячей водой: будь то ковыляющая с клюшкой по деревне ласковая или совсем уж недобрая старушка-бабушка. Такая счастливая и беззаботная слепота длилась почти до тридцати лет. И вот в одночасье все изменилось, неожиданно-негаданно меня вывели в персоны, единственную на курсе, где по общему развитию имелись такие принцессы королевских кровей, рядом с которыми я и рта раскрыть не смела (в частности, Елена Молчанова).

Устные экзамены по литературе и русскому языку мы сдавали в одной аудитории. Моя экзаменаторша (заочное отделение Череповецкого педфака, 1969 г.), если и не полностью освободила меня от мачехиной зависимости в моей неполноценности, то сделала в моем униженном (перекрученном, перевернутом с затылка на пятки) сознании прекраснейшую прореху, сотканную из любви, тепла и света. А дальше... уж все зависело от моего старания, от моих взглядов и помыслов на этот теплый, чарующий и влекущий в неизведанные дали, никакими словами неизъяснимый... поднебесный свет мировой словесности, манящий меня и по сей день. Моя славная экзаменаторша (дай Бог добра и здоровья ей и всем ее поколениям во веки веков), так мне думается, испытала что-то сродни наслаждению от встречи с родной по духу и разуму душой, от обилия мною прочитанного, а более того, вероятно, от умения по-своему излагать (объяснять) то или иное явление в литературе (представляю, что за «чушь прекрасную я несла»). Так или иначе, но лед моей обокранной и злостным небрежением запечатанной, законсервированной души тронулся и ринулся безудержным половодьем в дали неизведанные, когда преподаватель (честь и хвала всем неравнодушным, ведь ее оценка и так стояла в экзаменационном листке) на весь зал, громко и радостно, будто только что открыла параллельный закон Архимеда, буквально прокричала той строгой даме, которая сидела в другом конце аудитории и должна была проверить мои знания в грамотности написания того, что я так «блестяше» излагала только что:

– Пятерка, и много плюсов!

Остается только пожалеть, что я не шагнула в институт в семнадцать годов. По собственной воле украла из главного дела своей жизни добрый десяток лет. Потом еще выкинула десток на учебу и осознание своей «персонности», а написав первую критикушку-почеркашку, пошла с ней к вологодскому критику В.О. (худшего варианта для продвижения в сторону заветной цели и придум-

мать нарочно было бы невозможно). Критик был уже абсолютно зажат в тиски зеленого змия, а его равнодушие к людям, вероятно, имело место с пеленок. Конечно, уровень О. далек от обожаемых мною столичных критиков Станислава Рассадина и Сергея Чупринина, но я тогда этого еще не осознавала. В.О. (Бог ему судья) не заметил во мне даже слабейшего литературного просверка, но я уже была поражена бациллой критицизма, точнее, «заражена» ею генно, с рождения, но проявление стало возможно только вдали от мачехи, в окружении людей, благодушно, может, и вполне сердечно настроенных именно на мою необычную литературную волну. Естественно, я осознавала свое невежество именно в этой области литературы. С подсказки Всеvyšнего насмелилась удостоверить: всегда ли были велики и недоступны в своих критических творениях Чупринин с Рассадиным. Определить их величие-невеличие было проще пареной репы, если просмотреть старые журналы по вопросам критики. Моему тайному счастью, возможно, и гордости – не было предела: оба – великих – в молодости писали заметно слабее меня тогдашней. Но я, начинающий критик, была старше их, начинающих, лет на двадцать...

Сегодня, спустя почти четверть века, я смотрю на те свои резкие движения в сторону своего духовного роста с улыбкой. Ибо вершина моего литературного творчества, вероятно, осталась позади. Едва ли еще одна из моих книг удостоится такой высокой чести, выпавшей на долю первой книжечки стихов «Печальные напевы» (2001 год), которая хранится в отделе редкой книги Вологодской областной библиотеки. Сегодня я осознаю, что при всех наиположительных моментах (а так в жизни не бывает) мне никогда не избыть почти двадцатилетнего духовного зстоя – полусна, никогда не достичь высот обожаемых мною русских и зарубежных литераторов, но все равно ощущаю себя о-о-очень счастливым человеком. Правда, чисто внешняя униженность и заторможенность из давних детских лет «живет» на моем лице и по сей день, на взгляд людей поверхностных. И даже такой неординарный человек и литератор из Вологды, как Галина Щекина, которую я, даже будь у меня на то великое желание, не смогу обвинить в духовной ушербности, еще десяток лет тому назад сказала: «А я тебя всерьез не принимала!». Она из тютельки в тютельку, только другими словами, озвучила извечную нравственную оплеуху моей мачехи, после того, как я написала критикушку-почеркашку о творчестве Галины, а мою заметку напечатал журнал «Север» (№10, 1992 г.). После этой нравственной оплеухи я взяла с себя слово: никогда не писать о творчестве здравствующих «великих», но еще дважды опростоволосилась, и оба раза, естественно, получила по заслугам...

Впрочем, теперь это проблемы тех «вторых» сторон, а я по-прежнему, с превеликим удовольствием, исполняю любую работу хоть для зарплаты, хоть

для души: писание стихов, рассказов, критики: ни капелюшечки не забтуждаясь насчет скромной, но от этого не менее достойной для меня высоты моих, обласканных моей любовью шедевров, урезанных урезанной жизнью урезанного ума-разума. И с не меньшим прилежанием и любовью работаю с чужими текстами. Помня, с какой надеждой в душе я кидалась – с опозданием на двадцать лет – к любому сведущему в литературе человеку. Чаще всего... получая деликатный (иногда и не особенно) поворот от ворот, просвеченных и пронизанных мыслью и светом... в тягчайше-легчайший и светлейший до озноба мир литературы...

И только один из вологодских литераторов, земля ему пухом и Царствие Небесное (в Вологде стало пустовато без Юрия Макаровича Леднева), сказал обо мне слова, которые будут согревать мою неприкаянную (не обласканную родной матушкой поскольку) душу всю оставшуюся жизнь: «Литература – главное дело в ее жизни!». Может ли быть в этом чудовишном и прекраснейшем из миров что-нибудь необходимее, светлее и разумнее главного дела жизни, если человек пропитан им, если видит жизнь и смотрит на жизнь только через это главное дело.

С любовью и благодарностью ко всем, кто достоин величия любви и благодарности.

Август-сентябрь 2005г.

Литература

1. Американский кабинет Иосифа Бродского [Текст]: каталог экспозиций. - Музей А. Ахматовой в фонтанном Доме, 2006. – 32 С.
2. Бондаренко В. Припадаю к народу... [Текст] // В. Бондаренко // Двина.- 2004.- № 2 (14). – С.С. 40-42
3. Бродский И.А. Сочинения [Текст] : в 5 т. ; Т. 5 // И.А. Бродский. - СПб.: Пушкинский фонд. 2001. - 376 С.
4. Бродский И. Большая книга интервью [Текст].- 2-е изд., испр. и доп. - М.: Захаров, 2000. – 703 С.
5. Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским / К. Верхейл. - СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002.- 272 С.
6. Вольтер. Кандид, или Оптимизм [Текст]: философская повесть // Вольтер. – М.: Худож. лит., 1971. - 409 С
7. Гоголь Н.В. Собрание сочинений [Текст]: в 6 т. Т. 6. // Н.В. Гоголь. - М.: Гослитиздат, 1953. - 166 С.
8. Ефимов И. Нобелевский тунеядец [Текст] / И. Ефимов. - М.: Захаров, 2005. - 176 с.- (Биографии и мемуары).
9. Кумпан Е.А. Близкий подступ к легенде [Текст] // Е.А. Кумпан. - СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 365 С.
10. Мир Иосифа Бродского [Текст]: путеводитель: сб. статей. - СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003.- 464 С.
11. Русские пословицы и поговорки [Текст] // под ред. В. Аникина; предисл. В. Аникина. - М.: Худож. лит., 1988.- 431С. - (Классики и современники. Русская классическая литература).
12. Солженицын А.И. Иосиф Бродский [Текст]: избр. стихи / А.И. Солженицын // Новый мир.- 1999.- № 12
13. Солженицын А.И. Публицистика [Текст]: в 3 т. Т. 1. / А.И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995.- 720С.
14. Толстой Л.Н. О Шекспире и о драме [Текст] // Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. Собр. сочин.: в 20 т.- М.: Кушнеров и Ко, 1911.- Т.17.- С.430.
15. Штерн Л. Бродский: Ося. Иосиф. Josef [Текст] // Л. Штерн.- М.: Изд-во Независимая газета, 2001г.- 272 С., ил. - (Мемуары).

Сокращения

1. БКИ – «Большая книга интервью»;
2. АКИБ – «Американский кабинет Иосифа Бродского»;
3. ТВМ – «Танец вокруг мира».

Содержание

Бродский... и бесконечность	3
Много званий, да мало избранных	193
Заметки счастливого человека	195

Нина Бахтина
Бродский... и бесконечность
(исследование)

Под редакцией Нины Шаровой
Дизайн, верстка Татьяна Шилова
Корректор Наталья Шкрёгал

Дата подписания в печать 24.08.2009 г.

Формат А5

Печать офсет, бумага писчая.

Тираж 50 экз.

Заказ 212

© ГУ «Редакция районной массовой газеты
«Коношский курьер».

164010 Архангельская область, поселок Коноша, пер. Почтовый, д. 4

*Рисунки учащихся
Коношской детской школы искусств №8
(преподаватель Ольга Мишенкова)*



**Носиф Бродский.
Рисунок Юлии Ярышевой.**



**Носиф Бродский.
Рисунок Аллы Мишенковой.**



*Копытское РОВД, 27 мая 1960 г. Вениамин Иванович Одинцов
(второй ряд, в центре). Фото из архива Сидоровых.*

Из фотоальбома Роберта Карбасникова

Виды северной природы, которыми, вполне возможно, наслаждалась душа Иосифа Бродского: «... Я смотрел на краски пейзажа. В этом было что-то роберт-фростовское...» Б.К.И., С.183



Фото Роберта Карбасникова.



Фото Роберта Карбасникова.



Фото Роберта Карбасникова.



Фото Роберта Карбасникова.

Совхоз «Даниловский»
Ведомость начисления заработной платы (июнь 1964 год.)

ФИО РАБОТНИКА	СТАТУС	КОД РАБОТЫ	РАСЧЕТНО-ПЛАТОНА		КОД РАБОТЫ			
			01.06.64	30.06.64				
Тестерева Надежда Серг.	раб.	21	56.25	11.25	67.50	3.15	2.21	15
Виноградова Уполн. Серг. раб.	раб.	16	14.52	2.91	17.43			10
Богословский Иван Андр. механик	3		4.45	0.89	5.34		0.06	
Таланова Людмила Ильичевна раб.	6		6.65	1.33	7.98			
Тестерева Виктория Васильевна раб.	26		44.56	8.91	53.47			15
Тестерева Надежда Серг. раб.	2		4.60	0.92	5.52		0.06	
Минкина Елена Васильевна раб.	24		50.58	10.12	60.70		6.40	
Сарафучев Иван Иванович раб.	3	44	13.85	2.77	16.62		0.28	
Меданова Мария Ивановна раб.	5		3.62	0.72	4.34		0.06	
Тестерева Анна Михайловна раб.	4		3.27	0.65	3.92			
Тестерева Мария Ивановна раб.	10		13.46	2.70	16.16			
Меданова Екатерина Федовна раб.	3		2.54	0.51	3.05			
Меданова Анна Ивановна раб.	4		3.25	0.65	3.90			
Богачева Ирина Ивановна раб.	5		8.65	1.73	10.38		0.15	
Богачев Николай Серг.	раб.	20					2.32	

Совхоз «Даниловский»
Ведомость начисления заработной платы (август 1964 год.)

СОВХОЗ	РАСЧЕТНО-ПЛАТЕЖНАЯ	ВЕДОМОСТЬ	1964 ГОДА		
			август	16-8	
НАЧИСЛЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ					
по	за	в	на	в	на
количество	сумма	количество	сумма	количество	сумма
Борисов	22	22 86	7 58 27 44	-	15 00
Восточный	24	42 04	8 40 50 44	-	2 40
Средняя	10	24 85	4 98 29 83	1 01	-
Северный	8	13 25	2 65 15 90	0 22	-
Южный	7	11 31	2 26 13 57	0 20	-
Средняя	29	47 00	9 40 50 40	-	2 80
Средняя	19	29 68	5 94 35 62	1 45	-
Средняя	2	3 15	0 63 3 78	0 06	-
Средняя	1	1 55	0 31 1 86	-	-
Средняя	1	0 19	0 04 0 23	-	-
Средняя	10	7 75	1 55 9 30	0 14	-
Средняя	1	0 19	0 04 0 23	-	-
Средняя	15	31 82	8 56 38 18	1 66	-
Средняя	10	24 01	4 30 28 91	0 98	-
Средняя	28	97 40	19 48 116 38	7 20	-
Средняя	24	47 46	9 55 57 31	-	2 80
Средняя	9	104 30	28 98 125 38	8 02	2 80
Средняя	9	30 05	4 01 34 12	0 30	30 00

Комбинат бытового обслуживания
Ведомость начисления заработной платы (июль-сентябрь 1965 год.)

По		счетам					
С/П контр	Наименование счета	Остаток		Оборот		на	
		на		за			
		дебет	кредит	дебет	кредит		
372	Зельцова			25.08			
373	Хайменова			2.22			
374	Бродский И.			10.00	32.56		
375	Мягкова			25.00	37.00		
376	Куркина			10.00	10.00		
377	Щедриков			28.99	28.99		
378	Сридов Нил.				1.61		
379	Петухов И.			6.00	6.00		
380	Тюдов				2.38		
381	Евдокимов			2.74			
209	Работники комбината			15.00			

ОБОРОТНАЯ ВЕДОМОСТЬ

По заполнению ведомость сгибается по пунктирной линии.
 Первые четыре графы на обороте не записываются.

Утверд.

 Начислен в СС

на		Остаток		за		на
дебет		кредит		дебет		дебет
5.08	34.72		34.72	34.72	26.48	
2.22						
2.22				21.51	21.63	
17.00	50.00		25.00	25.00	37.98	
1.61						
	2.74		2.30			
		15.00			15.00	

Фильмы о Бродском

✳ **«Продолжение волы».** Реж. Н. Федоровский. Харальд Людерс. 1991 г. 30 мин. Фильм был снят совместно с немецким телевидением: съемки производились в рождественские дни в Венеции. И. Бродский рассказывает о своем понимании Венеции, об ее истории, читает стихи о Венеции и Петербурге, рассказывает о себе. Есть разговор И. Бродского с Томасом Кренцем, директором коллекции Гугенхайма в Венеции, о русской и западной культуре, об их диалоге и взаимопроникновении.

✳ **«Прогулки с Бродским».** Реж. О. Шорох. 1994 г. 2 части по 40 мин. Первая часть фильма снималась в Венеции: рассказ Иосифа Бродского об этом городе; вторая часть – в Петербурге: рассказ Евгения Рейна о Петербурге Бродского.

✳ **«Иосиф Бродский. Немного о себе».** Реж. Е. Поротов. 1996 г. 50 мин. Съемки в квартире И. Бродского в Нью-Йорке на Мортон-стрит, 44, в феврале 1989 года. Съемки в Петербурге в 1996 году; об Иосифе Бродском вспоминают его друзья: поэт Евгений Рейн, художник Владимир Уфлянд, адвокат Юрий Шмидт, писатель Михаил Мейлах, писатель, историк и соредaktor журнала «Звезда» Яков Горлин. И. Бродский рассказывает о своей эмиграции в Америку, о своем доме и о том, как сложилась его жизнь после отъезда из России, читает свои стихи.

✳ **Фильм, сделанный в домашних условиях,** другом Иосифа Бродского Бенгтом Янгфельдом в его доме в Швеции. 30 мин. И. Бродский рассказывает о своем знакомстве со Шведией, о том, какое впечатление на него произвела эта страна, читает много своих стихов.

✳ **«Ниоткуда с любовью».** Реж. А. Шишов. 40 мин.

✳ **«Процесс».** Программа «Пятое колесо». «Петербург. 5 канал» 1996 г. 30 мин. Передача посвящена знаменитому сфабриковщику процессу по делу Иосифа Бродского.

✳ **Памяти Иосифа Бродского.** НТВ. Программа Л. Парфенова. 1997 г. 40 мин.

✳ **«Иосиф Бродский. Страницы жизни».** Реж. Стефанович. 1997 г. 45 мин.

✳ **«Поэт о поэтах».** Фильм снят шведским и московским телевидением. 1992 г. 40 мин. Иосиф Бродский – об А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернаке, О. Мандельшман, И. Бродский рассуждает о судьбе и поэтике каждого

из этой «великой четверке» и вспоминает о своем знакомстве с А. Ахматовой.. Е. Янгфельд-Якубович исполняет романсы на стихи этих поэтов.

✳ **«Нобелевские лауреаты»** Автор сц. Г. Чхартишвили. реж. А. Торстенсен. 1997 г. 45 мин. Об Иосифе Бродском и его жизни в России и за границей рассказывает сам поэт и его друзья: писатель, историк и соредатор журнала «Звезда» Яков Гордин, писатель Петр Вайль, переводчик американской прозы Виктор Гольцшев, поэт Лев Лосев. О влиянии Бродского на мировую культуру рассказывают: Дерек Уолкотт – поэт, лауреат Нобелевской премии. Сьюзан Сонтаг – писательница. Стюере Аллен – постоянный секретарь Шведской Академии. Бенгт Янгфельдт – переводчик. Юз Алешковский – писатель. В фильме прозвучат интервью Бродского, репортажи шведского телевидения о вручении ему Нобелевской премии в Стокгольме. Стихи И. Бродского читает сам автор и Сергей Юрский.

✳ **«Ахматова и Бродский в Петербурге».** Передача А. Белинского. 1997 г. 30 мин. Передача снималась в Комарово – на Комаровской кладбище, у могилы Анны Ахматовой, около летней дачи, выделенной Литфондом для А. Ахматовой в 1950-х гг. А. Белинский вспоминает о том, как в 60-е годы там гостила великая актриса Ф.Г. Раневская и бывал Иосиф Бродский. Поскольку автор передачи не был знаком с Анной Ахматовой, а его знакомство с И. Бродским, судя по передаче, сводилось к Обмену двумя фразами, то ценность фильма была бы небольшой, если бы в нем не использовались магнитофонные записи Анны Ахматовой, читающие свои стихи.

✳ **«Поэт в Петербурге».**

1-я часть: «Процесс»;

2-я часть «Возвращение».

✳ **«У самовара я и И. Бродский...»**

1-я часть: Интервью с И. Бродским, сделанное в Паоло-Алто, Калифорния.

2-я часть: Выступление А. Кушнера в Нью-Йорке в клубе «Оскар». Октябрь 1992 г.